

В.В. Акунов

**САМУРАИ
державы Ямато**

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4
А44

Акунов, В.В.

А44 Самураи державы Ямато / В.В. Акунов. — М. : Веч, 2013. — 320 с. : ил. — (История орденов и тайных обществ).

ISBN 978-5-4444-0109-5

Знак информационной продукции 16+

Пользуясь в настоящее время широчайшей известностью японское слово «самурай», вошедшее в период с конца XIX до середины XX века во многие иностранные языки, стало символом и синонимом отважного, бескомпромиссного воина, сражающегося за идею и ставящего свою честь выше собственной жизни. Своим происхождением самураи обязаны клановым военным отрядам, сражавшимся в раннюю эпоху Японской империи с «варварскими» племенами, издавна населявшими пограничные районы Страны восходящего солнца. В X—XII веках, в период междоусобных войн между различными японскими феодальными родами (кланами или военными домами), могущество самураев все более возрастало. К середине XII века одному из военных предводителей самураев — прославленному полководцу Киёмори Тайра — впервые удалось захватить власть в Стране восходящего солнца. С тех пор почти на семь столетий в Японии утвердился режим, при котором политическая власть сосредоточилась в руках самурайской военной аристократии. Влияние самурайского военного сословия, его образа мыслей, религиозных убеждений, привычек, культуры на жизнь всего японского общества стало подавляющим, несмотря на то, что в ходе буржуазной «революции» («реставрации») Мэйдзи самурайское сословие, как и все другие сословия средневековой Японии, было упразднено. Ощущается оно в полной мере и по сей день. И можно сказать, что весь японский народ превратился в «нацию самураев». Об основных этапах этого процесса и рассказывается в настоящей книге.

Книга выходит в авторской редакции.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4**

ISBN 978-5-4444-0109-5

© Акунов В.В., 2013
© ООО «Издательство «Веч», 2013

Моим сыновьям Николаю и Виктору

Мы продемонстрируем вам ценность, более высокую, чем уважение к жизни. Это — не свобода и не демократия. Это — Япония, страна нашей истории и традиции, та Япония, которую мы любим.

Юкио Мисима. Гэкибун (Манифест)

Я понял, что путь самурая есть смерть.

Дзётё Ямамото. Путь Смерти¹.

Тэнно хэйка банзай! (Десять тысяч лет Императору!)

Боевой клич японских самураев

¹ Дзётё Дзинъэмон Ямамото (Ямамото Цунэтомо) — автор классического трактата о самурайской этике «Сокрытое в листве» («Хагакурэ») — был самураем клана Набэсима. После смерти господина Набэсима Мицусигэ должен был совершить ритуальное самоубийство («сэппуку», или «харакири»). Однако официальный запрет главы всего воинского (самурайского) сословия и верховного правителя Японии — «сёгуна» (правившего Страной восходящего солнца от имени Божественного императора), и личный запрет господина не позволили Ямамото свершить «сэппуку». Цунэтомо стал отшельником и составил трактат «Сокрытое в листве» («Скрытое под листьями»). Письменная версия «Хагакурэ» появилась благодаря стараниям одного из его учеников Дзётё. До XX века книга была доступна только для членов клана Набэсима. Особую популярность трактат «Сокрытое в листве» приобрел в трудные годы Второй мировой войны, потребовавшей величайшего напряжения не только физических, но и духовных сил от всего японского народа, ставшего к описываемому времени (по крайней мере, в основной своей части), несмотря на упразднение средневекового воинского сословия, «нацией самураев».

ЗАЧИН: СКРОМНОЕ ПРИНОШЕНИЕ МИСИМЕ

Среди трагических героев последней четверти мрачного XX столетия Юкио Мисима (его подлинное имя — Кимита-кэ Хираока) занимал совершенно особое положение, ибо он был декадентом. Он рос балованным ребенком, но, повзрослев, открыл в себе садомазохистские склонности, гомозротическую ориентацию (таких в Японии традиционно именуют «обладателями двух мечей») и, вполне закономерно, проникся любовью к западным авторам-декадентам вроде Томаса Манна. Но то и дело, переодеваясь и меняя маски — киноактера, фотомодели, князя поэтов, продолжателя традиций японского эстетизма и политического журналиста, он тем не менее следовал своему истинному призванию — неустанно свидетельствовать верность идее Вечной Японии в единственной еще возможной форме — в форме чистого утверждения Вечного и Постоянного через смерть Временного и Преходящего.

Юкио Мисима родился 14 января 1925 года в семье крупного государственного чиновника Адзуса Хираока и его супруги Сидзуэ. Отец Мисимы, с отличием закончив юридический факультет Токийского Императорского университета, блестяще сдал государственный экзамен на пригодность для работы в качестве чиновника самого высокого ранга, однако, вследствие личной предвзятости высшего начальства и закулисных интриг в кулуарах бюрократического аппарата, был вместо Министерства финансов зачислен на работу в министерство, носящее в настоящее время название Министерства

сельского, лесного и рыбного хозяйства. Коллегой отца Мисимы по работе был будущий премьер-министр Японии Нобусукэ Киси. После старшего сына, Кимитакэ, в семье родились другие дети, в 1928 году — его младшая сестра Мицуко, а в 1930 году — его младший брат Тиюки. Дед Мисимы, Садатаро Хираока, был в 1908—1914 годах губернатором Южного Сахалина (по-японски: провинции Карафуто).

До двенадцати лет, когда он перешёл в первый класс средней ступени школы, Кимитакэ жил и воспитывался в доме бабушки, Нацуко Нагаи. Даже с матерью он мог видеться только с разрешения бабушки. Совместная жизнь с Нацуко, которая забрала болезненного Кимитакэ у родителей и, оградив его от внешнего мира, воспитывала в строгих и утончённых аристократических традициях, оказала на формирование будущего писателя огромное влияние. Склонная к истерии Нацуко, несмотря на психологические стрессы, которые вызывало её поведение у Кимитакэ, была тонким ценителем национального японского театрального искусства «кабуки»¹ и «но»², а также

¹ «Кабу́ки» (буквально: «шесня», «тансид», «мастерство», «искусное пение и танцы») — один из видов традиционного японского театра. Представляет собой синтез пения, музыки, танца и драмы. Исполнители используют сложный грим и костюмы с большой символической нагрузкой.

² «Но» (буквально: «мастерство», «умение», «талант») — японское театральное драматическое искусство, имеющее более чем шестисотлетнюю историю. У истоков «но» стояли Кангьями Киёцугу и его сын Дзэами Мотокиё. Первый, актёр народных представлений «саругаку», пытался ориентировать своё искусство на воинское сословие самураев и на высшую придворную аристократию, вводя в пьесы новые элементы и изменяя структуру спектакля. Второй не только развил идеи отца об исполнительском мастерстве, но и создал множество пьес, которые и в нашем, XXI веке по-прежнему продолжают входить в театральный репертуар. Таким образом, «саругаку», по мере реформирования, постепенно преобразовался в «но».

Сцена театра «но» имеет каноническую конструкцию: даже в современном здании её венчает крыша, под которой актёрский ансамбль

творчества Кёка Идзуми, и привила Кимитакэ любовь к прозе и театру.

Тяжелые болезни и постоянные недомогания, из-за которых Мисима не принимал участия в играх сверстников и часто пропускал школу, тоже наложили неизгладимый отпечаток на личность будущего знаменитого писателя. Мисима рос впечатлительным и одарённым ребёнком, много времени проводившим за чтением книг. Привилегированную школу он закончил с отличием, получив в награду именные серебряные часы из рук самого божественного Тэнно — императора Японии Хирохито. Это событие врезалось в память юноши на всю оставшуюся жизнь, во многом предопределив его отношение к императору.

По воле отца, Мисима поступил, как в своё время и его родитель, на юридический факультет Токийского университета, где изучал германское право. К этому же периоду жизни будущего писателя относится его сильное увлечение литературой немецкого романтизма, перешедшее впоследствии в интерес к сочинениям Томаса Манна и философии Фридриха Ницше.

15 августа 1945 года капитуляцией императорской Японии завершилась Вторая мировая война на Тихом океане. Поток последовавшей за этим «чёрным днем японских Императорских Армии и Флота» чередой повальных самоубийств, диктовавшихся правилами самурайского кодекса чести «бусидо», ставшего к описываемому времени духовным достоянием значительной части японской нации, был захвачен и покончивший с собой 19 августа на территории Малайи лейтенант

в сопровождении музыки и песнопений и разворачивает действие. В современный репертуар «но» входят около двухсот пятидесяти пьес. Классическая программа включает исполнение пяти пьес и трёх комедийных сенок «кёгэн» в промежутках между ними. В театре «но», по словам доктора искусствоведения Н.Г. Анариной, «драма-текст и драма-слово находятся в сложном сплаве с музыкой-ритмом-шумами-шорохами, с танцем-пантомимой-жестом-движением-позой-паузой, с особой техникой пения-речитации-чтения-выкрика».

японских оккупационных войск (а в прошлом — известный литературный критик) Дзэмэй Хасуда, бывший в то время кумиром и духовным наставником Мисимы. 23 октября от тифа, в возрасте всего семнадцати лет, скончалась Мицуко, младшая сестра Мисимы. В это же время произошел разрыв Мисимы с его первой любовью Кунико Митани (впоследствии она вышла замуж за банковского служащего, став теткой известного японского предпринимателя Дзюнда Аюгава), дочерью государственного деятеля и дипломата Таканобу Митани и младшей сестрой Макото Митани, одного из самых близких друзей Мисимы. Кунико и Макото Митани послужили прообразами для Соноко и Кусано, персонажей написанного Мисимой впоследствии романа «Исповедь маски».

В 1946 году Юкио Мисима совершил паломничество в Камакуру к жившему там признанному классику японской литературы Ясунари Кавабата, показав ему рукопись своих рассказов «Сигарета» и «Средние века» с просьбой содействовать в их публикации. По рекомендации Кавабаты, занимавшего в то время административный пост в библиотеке столь богатого самурайскими традициями старинного города Камакуры, рассказ Мисимы «Сигарета» был вскоре напечатан в журнале «Человек». Вступив, таким образом, благодаря протекции старшего мастера, в литературный мир, Мисима до конца жизни сохранил почтительное отношение к Ясунари Кавабате как к своему учителю (при этом, впрочем, никогда прямо не называя его собственно учителем, и ограничиваясь обращением «Кавабата-сан», «дорогой Кавабата»). В том же году в журнале «Гундзо» появился рассказ Мисимы «Повествование на мысе».

В январе 1947 года Юкио Мисима начал принимать участие в неформальных встречах, которые устраивали Осаму Дадзай и Кацунитиро Камэи. Известен случай, когда на одной из встреч, высказывая своё мнение о творчестве Дадзая, Мисима категорично заявил, что терпеть не может его произведений. По словам самого Мисимы, потрясённый Дадзай в ответ на это дерз-

кое высказывание заявил, что, раз Мисима всё же приходит на эти встречи, значит, он всё-таки не равнодушен к произведениям Дадзая. Любопытно, что присутствовавший при этом инциденте Кадзуо Нохара впоследствии передавал слова Дадзая, произнесенные тем с неприкрытой злостью, несколько иначе: «Раз не нравится, так больше не приходи сюда». Стремление к эпатажу, характерное для высказываний и действий Мисимы, на всю жизнь стало одной из его неотъемлемых черт.

В ноябре 1947 года Юкио Мисима с отличием закончил юридический факультет Токийского университета. Пытаясь устроиться на работу в «Японский промышленный банк», он успешно сдал соответствующий экзамен, но кандидатура Мисимы была отклонена по причине его неудовлетворительного здоровья (из-за которого он не был в свое время призван в ряды японской Императорской армии, что мучило его всю жизнь, как свидетельство некоей «неполноценности» или «ущербности»). Однако, успешно сдав после этого фиаско государственный квалификационный экзамен, необходимый для работы чиновником высокого ранга (в списке результатов имя Мисимы значилось на сто тридцать восьмом месте из ста шестидесяти семи), Юкио Мисима некоторое время проработал в Министерстве Императорского двора, после чего, по рекомендации отца, перешёл на службу в Министерство финансов. Совмещая работу государственного чиновника с активной литературной деятельностью, Мисима написал свое первое произведение крупной формы, озаглавленное «Вор». В это же время состоялось его знакомство с известным писателем Фусао Хаяси, отношения с которым у Мисимы испортились лишь в поздние годы (по его словам, из-за политической беспринципности Хаяси).

В 1948 году Юкио Мисима примкнул к литературному объединению «Современная литература». Получив от Кадзуки Сакамото, главного редактора издательства «Кавадзё-босинся», заказ на написание романа, Мисима, пытавшийся

вести двойную жизнь — государственного чиновника и писателя, из-за крайней истощённости организма чуть было не погиб, упав с железнодорожной платформы и едва не попав под поезд. Этот инцидент способствовал тому, что в сентябре 1948 года Мисима уволился по собственному желанию из Министерства финансов и всецело посвятил себя литературной деятельности, с чем был вынужден со временем смириться и его властный отец.

В июле 1949 года был опубликован только что завершённый Мисимой роман «Исповедь маски», который, с одной стороны, стал сенсацией из-за с неслыханной для того времени откровенностью описанного в нем гомосексуализма, а с другой — получил высокую оценку литературных критиков, что позволило Юкио Мисиме занять почетное место среди видных представителей литературной элиты Японии. За «Исповедью маски» последовали «Жажда любви» (1950) и «Запретные удовольствия» (1951). На основе опять-таки гомосексуальных по своей тематике «Запретных удовольствий» известный театральный режиссер Тацуми Хидзиката поставил в 1959 году одноимённый спектакль, который принято отождествлять с моментом зарождения искусства танца «буго». Успех многочисленных произведений Мисимы вывел его в лидеры японской послевоенной литературы. В декабре 1951 года Мисима, не без протекции отца, отправился в качестве специального корреспондента газеты «Асахи симбун» в кругосветное путешествие, вернувшись на родину в августе следующего года.

В результате кругосветного путешествия Юкио Мисима, по его собственным словам, заново открыл для себя солнечный свет, телесность и ощущения, что оказало огромное влияние на его дальнейшую литературную деятельность. Вернувшись в Японию, он, от рождения худой, болезненный и слабый, начиная примерно с 1955 года принялся за радикальную перестройку собственного тела, всерьёз занявшись бодибилдингом. В то же время Мисима, заинтересовавшийся

классической японской литературной традицией (его внимание привлёк, прежде всего, Мори Огай), стал изменять и свой писательский стиль. Двойственное изменение Мисимы нашло своё выражение в написанном им в 1956 году, под влиянием эстетики Мори Огая и Томаса Манна, романе «Золотой храм», в основе которого лежит история сожжения молодым монахом храма Кинкакудзи. «Золотой храм» стал одной из творческих вершин молодого писателя и считается самым читаемым в мире произведением японской литературы.

Выход в свет «Золотого храма» ознаменовал собой начало периода восторженного восприятия читательской аудиторией каждого нового сочинения Юкио Мисимы. Сначала написанный на фоне идиллического пейзажа острова Камисима (префектура Миэ), по мотивам известной английской пастушеской идиллии (считающейся первым в истории пасторальным романом) греко-римского сочинителя Лонга о Дафнисе и Хлюс, роман «Шум прибоя» (1954), а затем — романы «Долгая весна» (1956) и «Пошатнувшаяся добродетель» (1957) открыли череду произведений Мисимы, ставших подлинными бестселлерами. Многие из них обрели столь большую популярность, что были экранизированы. Мисима превратился в одну из центральных фигур японского литературного мира. В это же время, словно демонстрируя многогранность собственного таланта, Мисима обратился к драматургии и написал, наряду с многочисленными пьесами, сборник современных пьес для театра «но», а затем, примкнув к театру «Бунгакудза», успешно дебютировал в качестве постановщика собственных произведений и высокоодаренного актёра.

В 1959 году вышел в свет его роман «Дом Кёко», на создание которого ушло около двух лет и который, по замыслу автора, был своеобразной антитезой «Золотому храму»: если «Золотой храм» представлял собой глубокий анализ внутреннего мира отдельного человека, то в «Доме Кёко» центральное место заняло отображение сущности современной эпохи в целом. Мнения маститых литературных критиков раздели-

лись: Такэо Окуно назвал роман подлинным шедевром, в то время как Кэн Хирано и Дзюн Это единодушно оценили «Дом Кёко» как полный провал. Реакцию читательской аудитории, склонявшейся в целом к мнению Хирано и Это, также нельзя было назвать положительной. В результате Юкио Мисима, дотоле избалованный успехом, впервые в своей литературной деятельности испытал действительно сильное разочарование, что стало поворотным моментом для всей его дальнейшей карьеры.

Тем не менее последовавший за публикацией «Дома Кёко» период оказался весьма плодотворным для отнюдь не утраченного своей популярности Мисимы. В эти годы он написал романы и повести «После банкета» (1960), «Красивая звезда» (1962), «Шёлк и проницательность» (1964), новеллы «Сэмбэй¹ за десять тысяч иен» (1960), «Патриотизм» (1961),

¹ Сэмбэй — один из видов японских рисовых крекеров. Они обладают различной формой, различным размером, ароматом и вкусом (иногда — сладким) и, как правило, подаются на десерт. В Японии крекеры-сэмбэй часто едят с зелёным чаем, в качестве закуски, или предлагают их гостям дома как скромное угощение в знак вежливости.

Сэмбэй обычно запекают или жарят на гриле (традиционный способ приготовления — на углях). Во время приготовления крекеры сэмбэй могут, для придания вкуса, приправляться различными соусами, чаще всего — соевым соусом, или соусом с добавлением сладкого рисового вина — мирина, широко используемого в традиционной японской кулинарии. Сэмбэй также могут обёртываться тонким слоем сушеных морских водорослей нории (используемых и для суши). Кроме того, по другому рецепту, сэмбэй могут быть сдобрены солью или «салатной» приправой.

В Китае (на родине этих крекеров, откуда они, как и многое другое в японской культуре, попали в Страну восходящего солнца) сэмбэй больше напоминают блины, похожие на японские жареные лепешки-окономияки (буквально: «то, что ты хочешь», названные так за разнообразие ингредиентов — лапши, морепродуктов и т.д., которые могут входить в их состав), в то время как в Японии сэмбэй — жёсткие (а не

«Меч» (1963), пьесы «Розы и пираты» (1958), «Тропические деревья» (1960), «Кото, приносящее радость» (1963) и другие сочинения.

В личной жизни Юкио Мисимы также произошли немаловажные изменения. В 1958 году он женился на Ёко Сугияма, дочери известного мастера классической японской живописи Ясуси Сугиямы. По поводу выбора супруги Мисима заметил, что Ёко, как дочь человека искусства, не питает иллюзий по

гибкие) и являются скорее легкой закуской для быстрого утоления голода, чем полноценным блюдом. Тем не менее крэкеры, похожие на японские сэмбэй, употребляются в пищу и в современном Китае.

Сладкие сэмбэй попали в Японию в период правления в Китае императорской династии Тан; первое их документированное употребление относится к 737 году после Р.Х., и они до сих пор очень похожи на традиционные формы этого блюда эпохи Тан, первоначально часто выпскавшиеся в районе Кансай, в число которых входят традиционные сэмбэй в форме «черепицы». В их состав входят такие ингредиенты, как пшеничная мука или клейкий рис; они похожи на торты «кастелла» (заметьно отличаясь от того, что большинство людей сегодня называют сэмбэй).

Блюдо, которое японцы называют сэмбэй в настоящее время, приобрело огромную популярность в период Эдо и приправлялось соевым соусом; именно в таком виде сэмбэй впоследствии распространились по всей Стране восходящего солнца.

Существует несколько типов традиционных японских сэмбэй: сладкие сэмбэй (более пятнадцати видов), рисовые конфеты сэмбэй и другие виды сэмбэй, в том числе даже рыбный сэмбэй, сэмбэй из лотоса и сэмбэй из костей (!).

Современные варианты сэмбэй весьма разнообразны и могут включать в свой состав различные ароматизаторы, которые варьируются от любимых всеми нами кимччи (остро приправленных квашеных овощей — блюда изначально корейского происхождения) до тертого корня васаби (светло-зеленого «японского хрена») и от карри до шоколада. Сэмбэй из Кансай, как правило, включают клейкий рис, не очень сильно приправлены и внешне неброски («саку саку»). Сэмбэй из Канто не содержат клейкого риса; они более хрустящие («кари кари») и сильнее сдобрены различными приправами.

поводу того, что человек искусства представляет собой на самом деле. Вместе с молодой женой Мисима поселился в новом особняке, построенном в викторианском стиле (проектирование и строительство особняка было осуществлено известной японской строительной компанией «Симидзу кэнсэцу»). Однако вслед за долгожданным завершением строительных работ начался период разного рода неприятностей и неурядиц. В их числе были скандал и судебный процесс, затеянный дипломатом Хатино Аритой, обвинившим Мисиму в 1961 году в том, что писатель в своем произведении «После банкета» нарушил право Ариты на неприкосновенность частной жизни (процесс был прекращен лишь со смертью Ариты в 1965 году). Кроме того, в том же 1961 году Мисима начал получать послания, содержащие угрозы физической расправы, от правых радикалов. Недовольство правых Юкио Мисимой было вызвано широко известной поддержкой, оказанной Мисимой молодому писателю Ситиро Фукадзаве, включившему в свой роман «Необыкновенный сон» шокирующую, антипатриотическую и кощунственную, с точки зрения традиционных японских ценностей и представлений, воображаемую сцену приводящего в восторг японцев убийства коммунистами наследного принца Акихито и принцессы Митико (нынешних императора и императрицы Страны восходящего солнца). Это оскорбило японских патриотов-традиционалистов и побудило их к совершению террористического акта, получившего в прессе известность как «Скандал с Накадзимой» (по имени директора издательства «Тюокорон», выпустившего кощунственный по отношению к императорской семье и оскорбительный для японского народа роман; дом и семья Накадзимы подверглись нападению правых радикалов). В результате всех этих событий резиденция Мисимы в течение нескольких месяцев находилась под охраной полиции. Младший брат писателя — дипломат Тююки Хираока — впоследствии утверждал, что радикальный и ультраправый характер взглядов и поступков «зрелого» Мисимы объявляется именно чувством шока и

страха перед правыми экстремистами, впервые испытанного им в период «скандала с Накадзимой». Однако это объяснение, данное дипломатом «задним числом», скорее всего, было продиктовано соображениями пресловутой «политкорректности».

К 1962 году у Юкио Мисимы достаточно созрел замысел написать тетралогию «Море изобилия». В 1963 году разразился новый скандал, на этот раз вокруг его пьесы «Кото¹, при-

¹ «Кото», или японская цитра — японский щипковый музыкальный инструмент. Наряду с флейтами («хаяси» и «сякухати»), барабаном-«цудзуми» и лютней-«сямисэном», «кото» относится к числу традиционных японских музыкальных инструментов. Сходные с японским «кото» струнные инструменты характерны для музыкальной культуры Кореи («каягым») и Китая («цзяньцинь»). История «кото» как японского музыкального инструмента насчитывает более тысячи лет. «Кото» был завезён в Японию из Китая в период Нара (710—793 гг. н.э.) в качестве инструмента для дворцового оркестра и использовался в музыке «гагаку». Своего расцвета «кото» достиг в эпоху Хэйан, как неизменный атрибут аристократического образования и времяпрепровождения. Одной из самых известных музыкальных пьес, написанных специально для «кото», является созданная в XVII веке слепым мастером Кэнгё Ясүхаси композиция «Рокудан-но сирабэ» («Музыка шести ступеней»).

На «кото» играют с помощью особых накладных ногтей-медиаторов («котодзумэ»), надеваемых на большой, указательный и средний пальцы правой руки. Лады и тональности настраиваются с помощью струнных подставок (мостов) непосредственно перед началом игры.

Игра на «кото» является одним из традиционных японских национальных видов искусства, получивших распространение, прежде всего, при императорском дворе. Однако и в сегодняшней Японии этот музыкальный инструмент пользуется большой популярностью. Благодаря своей пластичности «кото» находит применение в современной японской музыке и способствует её развитию.

В настоящее время существуют два основных типа «кото»:

1) Семиструнный «кин» длиной один метр — используется как соло-инструмент;

носящее радость», которую руководство театра «Бунгакудза» категорически отказалось ставить ввиду ее излишней «политизированности». В результате скандала сам Мисима и четырнадцать ведущих актёров театра демонстративно покинули «Бунгакудза». Однако, несмотря на то, что «Кото, приносящее радость» и некоторые другие сочинения Мисимы во многом соответствовали духу того времени, когда на волне беспрецедентного по своему масштабу гражданского протеста против японо-американского договора безопасности вторжение политики в искусство стало повсеместным, «излишняя (по меркам 1963 года) политизированность» Мисимы была ещё весьма и весьма далека от той, которая стала характерной для него во второй половине 1960-х годов. В этот период Мисима, наряду с бодибилдингом, превратившим его из довольно шушлого, слабосильного и худосочного «ботаника», или «ботана» (выражаясь языком нашей современной «продвинутой» молодежи), каким он был в начале своего литературного и жизненного пути, в человека с необычайно красивой мускулатурой, начал усердно заниматься «кэндо»¹ (старинным, самурайским по происхождению, искусством владения мечом, известным в древности под названием «кэндзюцу»). Снявшись в главной роли в художественном фильме Ясудзо Масумуры «Караккадзэ яро» (продюсер Масаити Нагата, киностудия «Дайэй», 1960), позируя известному мастеру художественной фотографии Эйко Хосозэ для фотоальбома, озаглавленного «Форма розы» (1963), Мисима стал целенаправленно создавать и пропагандировать в средствах массовой информации культ своего тела, сильного и преображённого в ходе изнурительных тренировок, желая дать тем самым пример для подражания японской молодежи, да и вообще всем японцам.

2) «Со» — длиной от одного метра восьмидесяти сантиметров до двух метров, с числом струн от тринадцати и выше — используется как оркестровый инструмент.

¹ «Кэндо» — «путь меча».

Характерными особенностями данного периода жизни и творчества Юкио Мисимы были многочисленные инсценировки его пьес и популяризация его творчества в Европе и Америке, благодаря начавшим появляться в печати переводам на европейские языки. Именно в эти годы произведения Мисимы получают всемирную известность и удостоиваются высокой оценки критиков на Западе.

В 1965 году началась продолжавшаяся до 1967 года серийная журнальная публикация романа «Весенний снег», первой части посвящённой интерпретации буддийской концепции круговорота человеческого существования тетралогии «Море изобилия», задуманной Мисимой как главный труд всей его жизни. Над этой тетралогией, состоящей из четырех романов — «Весенний снег», «Несущие кони» («Мчащиеся кони», «Под богом бурь»), «Храм на рассвете» и «Падение ангела», Мисима работал с 1965 по 1970 год. В том же 1965 году вышла пьеса «Маркиза де Сад». В этот последний период жизни и творчества Мисимы его кандидатура несколько лет подряд выдвигалась на соискание Нобелевской премии по литературе (но не прошла — скорее всего, из соображений пресловутой «политкорректности», хотя само это столь актуальное и популярное ныне словечко было изобретено и пущено в оборот гораздо позднее).

В эти годы Юкио Мисимой была написана и экранизирована (с самим автором в главной роли) его знаменитая повелла «Патриотизм» (1965) о самоубийстве молодого японского офицера и его супруги в знак солидарности с потерпевшими поражение участниками военного мятежа «молодых офицеров» во имя «освобождения Божественного императора из-под влияния дурных министров» (многие из которых были убиты путчистами) и торжества «чистой Императорской идее» в мае 1932 года. Им были также опубликованы «Голоса духов героев» (1966) и получившая название «Несущие кони» (1968) вторая часть тетралогии «Море изобилия». В «Несущих конях» Мисима продолжил линию героев «Весеннего

спсга». Рационалиста и законника Сигэкуни Хонду в зрелом возрасте жизнь сводит с девятнадцатилетним юношей, в котором он вдруг видит типичную для буддийских представлений реинкарнацию, то есть перевоплощение, своего горячо любимого друга Киёаки Мацугаэ. В новой жизни (как и в прежней) столкновение мечты друга с реальностью заканчивается смертью, трагической, но завораживающей в своем величии и своей красоте.

Исао — новое воплощение Киёаки — доблестный юноша, мастерски (как и его создатель Юкио Мисима) владеющий боевым искусством владения мечом — «кэндо». Он горячо любит свою страну и для того, чтобы возродить ее славу и величие, замышляет государственный переворот силами тайной организации «Союз возмездия» (в другом переводе на русский язык — «Союз Божественной Бури»). Доказательством чистоты своих помыслов он полагает принятое им решение — как в случае неудачи, так и в случае удачи покончить с собой единственным способом, достойным истинно доблестного мужа, — вспоров себе живот самурайским мечом.

В романе «Несущие копи» Юкио Мисима во многом детально описал будущую собственную смерть — принятое у японских самураев ритуальное самоубийство «сэппуку».

Наряду с романом «Несущие копи» Мисима создал в эти поздние годы многочисленные произведения, также воспеваящие героическую смерть и подчёркивающие неразрывность связи между эстетической красотой и политически окрашенными действиями.

В декабре 1966 года Юкио Мисима познакомился с редактором правого националистического журнала «Ронсо» («Спор»). Между Мисимой и группой активистов журнала завязались тесные отношения, натолкнувшие его на идею создания собственной воснизированной группы единомышленников, придерживающихся, как и он сам, взглядов, не просто откровенно монархических, но и считающихся крайне правыми в современной Стране восходящего солнца. Первыми шагами к rea-

лизации этой идеи стали вступление Юкио Мисимы в состав японских Сил самообороны и совершение им полёта на истребителе Локхид Ф-104 «Старфайтер», а также начало формирования группы на базе авторов и читателей журнала «Ронсо» крайне правой ультрамонархической организации «Тате-но-Кай» («Общество Щита»). В это же время Юкио Мисима сблизился с главнокомандующим японскими Силами самообороны Киёкацу Ямамото. Вышли в свет политически ангажированные «Солнце и сталь», «Моё Хагакурэ», «В защиту культуры» и другие известные публицистические произведения Мисимы.

В 1968 году началась публикация романа Мисимы «Храм на рассвете», третьей части тетралогии Мисимы, а также вышла его вызвавшая очередной скандал пьеса «Мой друг Гитлер» (посвященная драматическим коллизиям взаимоотношений между фюрером Национал-социалистической германской рабочей партии Адольфом Гитлером и командиром партийных штурмовых отрядов Эрнстом Рёмом, завершившихся «Ночью длинных ножей»).

В 1969 году Мисима обратился к написанию пьес для театра «кабуки» и опубликовал несколько драматических произведений в этом жанре. Во время студенческих волнений Мисима посетил захваченный левыми студентами Токийский университет, где принял участие в яростной дискуссии о роли императора и государственном устройстве; главным оппонентом Мисимы выступил Масахико Акута. Мисима в очередной раз снялся в кино, сыграв роль в поставленном известным режиссером Хидэо Гося фильме «Убийство». Из-за разногласий, связанных с финансированием военных расходов общества «Тате-но-Кай», Мисима прекратил сотрудничество с журналом «Ронсо», однако в составе «Общества Щита» остался активист «Ронсо» и член Японской студенческой лиги Масакацу Морита, которому было суждено сыграть ключевую роль в последовавших далее событиях, закончившихся самоубийством Мисимы.

Как уважасмый читатель мог убедиться из приведенного нами выше краткого жизнеописания, Юкио Мисима не был

ни «земным архангелом» вроде «кэпитула» румьпнской «Железной гвардии» Корнелиу Зеля Кодряну, ни аскетическим «козлом отпущения» вроде Рудольфа Гесса, ни «грозным Махакалой» вроде барона Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга. Собственно говоря, он был писателем-декадентом, сумевшим, однако, доказать не только Японии, но и всему миру, что даже из этого исходного положения можно подняться до высот подлинного героизма. Познание принципов, лежащих в основе Порядка, Традиции и Патриотизма, обязывает познавшего их к последовательности действий. Трусливые оправдания иных людей, что они, дескать, «вылеплены из другого теста, чем герои», представляются нам совершенно безосновательными. В знаменитом сборнике самурайских наставлений «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», или «Скрытое под листьями»), вершине самурайской философии, записанном в начале XVII века Тасиро Цурамото со слов своего учителя Дзётё Ямамото (Ямамото Цунэтомо) по прозвищу «Ёхо» (который стал буддийским монахом-отшельником после того, как его господин и сюзерен Мицусиги Набэсима, уходя из жизни, категорически запретил своему верному вассалу и слуге покончить с собой), написано черным по белому: «Самурай клана Набэсима не нуждается ни в духовности, ни в таланте; попросту говоря — ему достаточно иметь волю к тому, чтобы нести дом своего Государя на своих плечах».

В своем сборнике избранных цитат из «Хагакурэ» Юкио Мисима комментирует этот источник энергии, доступный всякому человеку, в следующих выражениях: «Ёхо указывает на то, что здесь речь идет о великой, первозданной силе, побуждающей человека к совершению подвигов. Если нормальная жизнь ограничивается добродетелью скромности, то на основе ежедневных упражнений идея не может вырасти в деяние, превышающее по силе эти упражнения. Она нуждается в высокой степени уверенности в себе и одновременно в убеждении, что ты сам и один должен нести дом на своих плечах. Как и грескам, Ёхо были хорошо известны чары, блеск

и ужас, исходящие от того, что именуют “хиобрис”» (Юкио Мисима. К этике подвига).

Именно этого «хиобриса» (одно из значений данного слова у древних греков — «олицетворение возвышенного духа») всем нам сегодня не хватает, уважаемый читатель. Всякий человек, вообще еще способный осознать происходящий вокруг нас всеобщий распад, похоже, полагает, что не лично он, а кто-то другой должен что-то сделать, что-то предпринять против этого распада, или что пока этот другой ничего не делает, его собственные действия бессмысленны, что нужно сначала собрать под свои знамена тысячу, потом десять тысяч, потом сто тысяч единомышленников, и уж тогда... а пока что не делается ровным счетом ничего.

25 ноября 1970 года Юкио Мисима — первый писатель послевоенного поколения японцев, после долгого перерыва заговоривший о воинской доблести («бутоку»), в сопровождении всего четырёх спутников — студентов в военной форме бывшей Японской императорской армии — направился в Штаб-квартиру японских Сил самообороны в Итигая. Утром, перед поездкой в Итигая, Мисима отослал своему редактору Тикако Колдзима текст романа «Падение ангела» — последней части тетралогии «Море изобилия» и вообще последнего сочинения Юкио Мисимы.

Штабная охрана беспрепятственно пропустила их внутрь по приказу генерала Маситы Канэтоси, закадычного приятеля Мисимы и ценителя его литературного таланта. По просьбе генерала Юкио Мисима показал ему извлеченный из ножен клинок своего старинного самурайского меча. Когда генерал наклонился, чтобы полюбоваться драгоценным мечом, один из спутников Мисимы схватил его сзади. Генералу связали руки и затолкали ему в рот кляп. Юкио Мисима и его спутники, сняв фуражки, повязали себе головы белыми лентами с красным кругом Восходящего Солнца и чёрной надписью «Отдай все твои семь жизней Императору».

Такие повязки надевали перед совершением своего жертвенного подвига японские воины-смертники — «банзай-

самоубийцы», бросавшись с босвым кличем «Банзай!» — «Десять тысяч лет¹ (Императору)!» — в безнадежные (с точки зрения личного выживания) штыковые атаки на неприятельские укрепленные позиции в годы Русско-японской войны 1904—1905 годов, взрывавшие себя вместе с неприятельскими танками добровольцы с противотанковыми минами на бамбуковых пнях (честь мужеству которых воздал даже советский поэт-фронтовик Константин Симонов в своей когда-то широко известной поэме «Далеко на Востоке»), экипажи самодвижущихся морских и воздушных торпед «бака» и, конечно же, лётчики-смертники («камикадзе», буквально: «Божественный Ветер») времен Второй мировой. Спутники Юкио Мисимы, взявшие в заложники генерала Масигу, забаррикадировались в его рабочем кабинете и отбили атаку штабных офицеров. Затем Мисима вышел на балкон здания Штаб-квартиры японских Сил самообороны. По требованию писателя, под балконом, выходящим на плац перед Штаб-квартирой, собрался весь гарнизон, чтобы выслушать его.

Юкио Мисима был не только блестящим публицистом, но и выдающимся оратором. Не раз — с непоколебимым мужеством и с риском для собственной жизни! — выступая перед многотысячной студенческой аудиторией в диспутах с самыми буйными и языкастыми представителями левых организаций и сил, он всегда выходил из споров победителем. Многие из членов учрежденного Мисимой «Общество Щита» были в прошлом сторонниками идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и даже Ким Ир Сена, которых Юкио Мисиме удалось переубедить и «обратить в самурайскую веру». И теперь он выступил с последним в этой своей жизни «литературным докладом» в форме обращенного к собравшимся

¹ Японское выражение «банзай» (от китайского «вансуй», буквально: «десять тысяч», в значении «очень много») по смыслу очень близко нашему выражению «Многая лета!».

внизу военнoслужащим японских Сил самообороны призыва к государственному перевороту во имя восстановления полновластия императора.

Однако на сей раз обстоятельства были против него. Над зданием штаба Сил самообороны роем железной саранчи кружили многочисленные вертолёты с телевизионщиками и репортёрами на борту. Рокот их моторов заглушал его зычный голос. Мало кому удавалось расслышать его слова. В результате призывы Юкио Мисимы отказаться от действующей в Японии с послевоенных времён, навязанной ей победителями Конституции, совершить в стране государственный переворот и реставрировать власть императора не нашли отклика у большинства его слушателей.

Впрочем, он несколько не смутился этим обстоятельством и подтвердил верность своим принципам высшей формой жертвенного свидетельства — покончив жизнь самоубийством в традиционной для японских самураев форме «сэппуку» (обычно у нас употребляют другой, менее точный, по мнению ряда специалистов, вариант «харакири», о чём ещё пойдет речь далее), — вспоров себе живот кинжалом. Верный соратник (и возлюбленный) Мисимы, лейтенант Морита Масакуцу, чтобы облегчить предсмертные страдания своего господина, вождя и учителя, взяв на себя традиционную роль добровольного «помощника», или «сскунданта» («кайсяку»), попытался обезглавить его самурайским мечом. После нескольких неудачных попыток обезглавить Юкио Мисиму Морита передал меч своему соратнику Коге, который и отрубил голову Мисиме. После гибели учителя Морита и Кога также покончили с собой.

Узнав о смерти Юкио Мисимы, добровольно ушел из жизни его старший друг, наставник и учитель — классик японской литературы, лауреат Нобелевской премии Ясунари Кавабата. По свидетельству очевидцев, многие солдаты японских Сил самообороны после самоубийства открыто высказывали

сожаление, что не прислушались к призыву Мисимы-сэнсэя¹ и не примкнули к нему. Факт, на наш взгляд, весьма многозначительный и примечательный...

«Вернём Японии её истинный облик — и умрём. Или вы хотите сохранить свою жизнь и дать умереть своей душе? Сердцем истинного, Имперского образа Японии является император — тэнно. Он есть посредник между Небом и Землей, Он есть сердце японского народа. Пусть даже Его властные prerogatives ограничены, но он действует самим Своим существованием, самим Своим бытием, представляя, как человек, людей перед лицом богов, а как бог — богов перед лицом людей. Именно в силу того, что Тэнно не действует, а лишь присутствует, Он нуждается в организациях защитников, мужских союзах, воинских братствах, позволяющих ему полновластно править своей Империей», — провозглашал «последний самурай».

Именно такую организацию («Кадетский корпус») Юкио Мисима и основал 3 ноября 1968 года из активистов-читателей журнала «Ронсо». Как уже было сказано выше, организация Мисимы официально называлась «Обществом Щита» и состояла из нескольких десятков (по другим сведениям — пяти сотен) студентов, обмундированных в военную форму, разработанную для них лично Мисимой (напоминавшую — особенно фуражки — военную форму германского вермахта и СС).

В названии организации, основанной Мисимой, содержался двойной смысл. С одной стороны, оно восходило к овсянной легендами героической фигуре раннего японского Средневековья — доблестного самурая Ёруцу, верно служившего Божественному Тэнно в VI столетии и прозванного современниками «Щитом Императора» за непоколебимую преданность своему Государю. С другой стороны, название «Общество Щита» в переводе с японского языка на английский

¹ Сэнсэй — учитель.

звучало как «Шилд Сосайсти» («Shield Society») — то есть, сокращённо, СС (SS).

Юные «СС-овцы» Юкио Мисимы приходили военно-спортивную подготовку на учебных полигонах японских Сил самообороны у подножия священной горы Фудзи. Они хранили верность не только и не столько самому Мисиме (игравшему в «Обществе Щита» роль средневекового «сёгуна» — военного диктатора, повелевавшего самураями и всей Японией от имени императора), сколько, через него, самому Тэнно!

Этих современных самураев, подобно их древним предшественникам, объединяло не стремление к добродетельной жизни, но возможность добродетельной смерти; а таковой, как учил их Мисима-сэнсэй, является смерть во имя японской Нации и самое яркое проявление ее — добровольная смерть за Божественного Тэнно. Поэтому, в соответствии с древней японской традицией, смысл и предназначение подобных боевых союзов, существовавших на всем протяжении долгой и бурной истории Страны восходящего солнца, заключается не в достижении каких-либо политических целей, а в совместной смерти. Политические последствия — а свои государственно-философские представления, естественно, были и у Юкио Мисимы! — являются, в свете этой старинной самурайской традиции, не более чем побочным продуктом чистого действия. Чистое действие есть наивысшая форма приближения к чистой сущности бытия Тэнно.

Поскольку, с точки зрения Юкио Мисимы и его единомышленников-«несамураев», в насквозь проникнутом западным духом, демократизированном, унадочническом мире современной Японии подлинных традиций больше не осталось, акт «сэншуку» одновременно являет собой аспект жертвоприношения, которое может и должно повлечь за собой Возвращение, новый Восход Японского Солнца. Этот внутренний Восход Солнца Юкио Мисима пророчески описал в одном из своих последних произведений — в упоминавшемся выше

романс «Хомба» («Несущие кони»)¹, второй части его тетралогии «Море изобилия»²:

«Исао глубоко вздохнул, провел рукой по животу, закрыл глаза. Приставил острис кинжала, зажатого в правой руке, к животу, пальцами левой руки определил место и правой рукой с силой вонзил кинжал.

И в тот момент, когда кинжал проник внутрь, за закрытыми веками с ослепительным блеском вспыхнул солнечный круг».

(*Юкио Мисима. Несущие кони*).

Приведем, для сравнения, вариант описания этой же сцены, взятый из другого русского перевода романа Мисимы, озаглавленного «Под богом бурь»:

«Исао сделал глубокий вдох, провел левой рукой по животу, потом закрыл глаза, прикоснулся острием сжатого в правой руке кинжала к приложенным к определенному месту живота пальцам левой руки, и нанес удар, вложив в него всю силу правой руки. И в тот момент, когда клинок вонзился в живот, под его веками возшел сияющий красный диск Солнца».

(*Юкио Мисима. Под богом бурь*³).

¹ Так озаглавлен русский перевод Елены Струговой. Автору настоящей книги известны еще два русских перевода романа Юкио Мисимы «Хомба», озаглавленные «Мчащиеся кони» и «Под богом бурь».

² Над тетралогией «Море изобилия», состоящей из четырех романов — «Весенний снег», «Несущие кони» («Под богом бурь»), «Храм рассвета» и «Падение ангела» — Юкио Мисима работал до последних лет своей жизни, с 1965 по 1970 год.

³ Бог бурь и грома Сусаноо-но Микото был сыном бога небес Идзанаги, родившимся одновременно с богиней Солнца Аматаэрасу(-но) О(о)миками и богом Луны Цукиёми(-но) Микото. Богу бурь, ураганов и грома Сусаноо подчинялись морские волны и подземные источники, а также всевозможные болезни. Он убил чудовищного дракона, наводившего ужас на всю Японию, и извлек из хвоста поверженного чудовища волшебный меч, ставший одной из трех небесных священных регалий — символов верховной власти над Страной восходящего солнца, — передающихся от императора к императору. В наиболее известном русском переводе эта вторая часть тетралогии Юкио Мисимы «Море изобилия» называется «Несущие кони».

Как нам уже известно, Мисима не был горячим юнцом, склонным к необузданным поступкам и порывам. За его плечами была солидная карьера плодовитого писателя, хотя и начатая, в соответствии с духом времени, упоминавшейся выше скандальной книгой с гомоэротической окраской — пресловутой «Исповедью маски». Он неустанно работал над развитием и укреплением своих тела и духа, но в то же время любил эпатировать «добропорядочное общество» и наносить «попщичины общественному вкусу» — например, при всем честном народе танцевать в паре с мужчинами — и, случалось, поколачивал свою жену (хотя, несмотря на свои гомоэротические склонности, был примерным мужем и отцом, любил своих детей). Нельзя сказать, что все эти действия никак не были связаны с его философией и в конечном итоге с избранной им формой смерти. Совсем наоборот, в них явно отражались его настойчивые и неустанные попытки приблизиться к Красоте, Силе и Смерти. Однако земными средствами их можно только показать, но не осуществить. В Смерти же самурай может воплотить вечные принципы, если он предварительно пережил внутреннюю трансформацию, разделённую в своё время итальянским «консервативным революционером» бароном Юлиусом Эволой на четыре фазы:

1. Сделать господином высших впечатлений и инстинктов (мужская аскеза);

2. Добиться подчинения организма собственному авторитету — стойкость (соответствующая военной подготовке в собственном смысле этого слова);

3. Установить контроль над своими страстями и чувствами, правда — в форме внутреннего равновесия (не впадая, однако, при этом в состояние отупения);

4. Отказаться или отрешиться от собственного «Я».

(Юлиус Эвола. Путь самурая).

Только отказавшись или отрешившись от собственного «Я», только перестав придавать ему какое бы то ни было значение, мы становимся готовыми к героической смерти в бою или к «сэппуку». Не всякий человек, избавляющийся от своей жизни через самоубийство, тем самым обручается со смертью. Брако-

сочетание со Смертью должно быть тщательно подготовлено и являться предметом свободного, осознанного выбора. Только в этом случае мы можем быть гарантированы от неудачи, как это явствует из приведенного ниже краткого диалога между студентом-пугачиком Исао и лейтенантом Хори, взятого из книги Юкио Мисимы «Несущие копи» («Под богом бурь»):

«— И тебя не смущает, что восстание “Союза возмездия” потерпело поражение?»

— Это не было поражением.

— Ты так считаешь? Во что же ты веришь?

— В меч, — ответил Исао одним словом.

Лейтенант немного помолчал. Словно обдумывал следующий вопрос.

— Ладно. Задам еще один вопрос. А чего ты больше всего хочешь в жизни?

На этот раз какое-то время молчал Исао... Подбирая слова, но без колебаний он выговорил:

— Солнечным... На крутом обрыве при восходе солнца, молясь на встающий сияющий круг... глядя на блистающее внизу море, у корней благородной сосны... умереть от своего меча».

Приведем для сравнения описание той же самой сцены в другом переводе с японского:

«— Восстание “Союза Божественной Бури” окончилось неудачей; Вас это не смущает?»

— Оно не окончилось неудачей.

— Вы в этом уверены? И на чём же основана Ваша уверенность?»

— На мече, — ответил Исао, не трата лишнего слов.

Старший лейтенант немного помолчал. Он как бы заранее проговаривал про себя свой следующий вопрос:

— Ну, хорошо. Но в таком случае мне хотелось бы знать, каково Ваше самое заветное желание.

Исао тихо, но уверенно сказал: “Перед ликом Солнца... на отвесной скале, на восходе Солнца помолиться на восходящий диск... посмотреть вниз, на сияющее море... а потом, у

ног старой, древней сосны... убить себя мечом... Вот моё самое заветное желание»»).

Так, успев перед смертью воскликнуть: «Тэнно хэйка банзай!»), закончил свою жизнь и сам Юкио Мисима, прозванный многими из своих современников «последним самураем». Но кто же такие, в конце концов, эти пресловутые самураи, и почему они до сих пор не могут считаться сошедшими с исторической сцены, хотя формально это феодальное сословие не существует в Японии со времён буржуазной «революции (реставрации) Мэйдзи»?

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «САМУРАЙ»

Пользуясь в настоящее время широчайшей известностью японское слово «самурай», вошедшее в период с конца XIX до середины XX века (если не раньше) во многие иностранные языки и ставшее символом и синонимом отважного, бескомпромиссного воина, сражающегося за идею и ставящего свою честь выше собственной жизни. Своим происхождением самураи обязаны клановым военным отрядам, сражавшимися в раннюю эпоху Японской империи с «варварскими» племенами, издавна населявшими пограничные районы Страны восходящего солнца. В X—XII веках, в период междоусобных войн между различными японскими феодальными родами («кланами» или «военными домами», о которых подробнее будет рассказано далее), могущество самураев все более возрастало. К середине XII века одному из военных предводителей самураев — прославленному полководцу Киёмори Тайра — впервые удалось захватить власть в Стране восходящего солнца¹. В 1192 году другой самурайский князь, Ёритомо

¹ Ещё раньше, в 935 году после Р.Х., мятежный самурайский князь Масакадо Тайра на какое-то время провозгласил себя императором, но реально подчинить Страну восходящего солнца своей власти ему не удалось. Об этой неудачной попытке узурпации титула и власти Божественного Тэнно представителем самурайской военной аристократии будет подробнее рассказано далее.

Минамото (о котором у нас еще будет подробнее рассказано далее), создал первое самурайское государство, отняв власть у Центрального Императорского правительства и предельно ограничив полномочия Божественного Императора (роль которого была сведена лишь к исполнению религиозных обрядов и участию в официальных церемониях). С тех пор почти на семь столетий в Японии утвердился режим, при котором политическая власть сосредоточилась в руках самурайской военной аристократии. Влияние самурайского военного сословия, его образа мыслей, религиозных убеждений, привычек, культуры на жизнь всего японского общества стало подавляющим. Ощущается оно в полной мере и по сей день.

Японское слово «самурай» (происходящее от глагола «сабурау», то есть «служить», «охранять») имеет много значений и смысловых граней. Первоначально слово «самурай» имело значение «личный слуга» или «личный охранник», «телохранитель», «вооруженный слуга», «вооруженный страж». В X веке этим словом стали называть профессиональных воинов невысокого звания, находившихся на службе у императора (то есть у тогдашнего японского государства), а отнюдь не всадников-аристократов («рыцарей»), как впоследствии. Воинов, принадлежащих к высшим слоям японского общества, тогда именовали «буси». Термин «буси» впервые засвидетельствован в период Нара (710—784), а ранее существовало название «мноофу». Со временем, однако, слово «самурай» стало синонимом слова «буси», и незнатные воины стали называть себя и «самурай», и «буси», пока слово «самурай» не вытеснило полностью слово «буси». К началу XVII века «самураем» в Японии называли всякого, кто имел право носить «дайсё», то есть два меча, за исключением разве что самураев самого высшего ранга — «даймё» (владельческих князей, о которых будет подробнее рассказано далее).

В русском языке слову «самурай» более или менее соответствуют понятия «служивый», «служилый человек», «дворянин» или «рыцарь». Однако наиболее точным переводом

слова «самурай» на русский язык нам представляется словосочетание «боевой холоп». «Холопом» в Древней Руси именовался всякий лично зависимый человек, близкий по своему юридическому положению к рабу («робичичу»). Между тем на практике между различными категориями «холопов» имелись весьма существенные различия. «Боевые холопы» (или «боевые послужилыцы») — лично зависимые от знатного воина люди, входившие в его «дворню» (от понятия «дворня», «дворовые люди», кстати, и происходит слово «дворяне») и обязанные являться, вместе со своим господином и предводителем, на военную службу, существовали в средневековой Древней Руси на протяжении длительного периода и со временем стали одним из источников образования феодального сословия служилого дворянства (именно «боевым холопом» — а не просто «холопом»! — князя Телятевского был, например, известный деятель времен Смутного времени Иван Болотников, долгое время велеречиво именуемый советскими историками и другими историками-марксистами «крепостным крестьянином» и «выдающимся вождем Крестьянской войны начала XVII века в России»).

В средневековой феодальной Западной Европе «боевым холопам» соответствовали так называемые «министерялы».

Прослойка министерялов возникла постепенно, в процессе освобождения нетитулованных военных слуг. Из оброчного населения стало возможным подняться в министерялы, получив должность при дворе феодального сеньора, нести службу в его войске в качестве легковооруженного всадника, а со временем, заслужив соответствующий бенефиций (земельное пожалование за военную службу), или, говоря по-русски, «поместье», которое воин получал «по месту (военной службы)», перейти в тяжелую конницу и стать рыцарем (тяжеловооруженным конным воином). Таким путем из среды несвободных со временем выделился привилегированный класс дворовых слуг знатных и богатых феодалов. Эти дворовые слуги именовались «вассы» (*лат. vassi* — от этого слова впоследствии

произошли известные феодальные термины «вассал» и «вассалитет»; слово «вассал», по мнению целого ряда филологов и историков, происходит от валлийского слова «gwaz», означающего «тот, кто служит», «слуга», «служивый», «служилый», и являющегося, таким образом, еще одним — на этот раз кельтским — эквивалентом японского слова «самурай»), «сервы-министерялы», буквально: «рабы-служители» (*лат. servi ministeriales*) или «пуэры» (*лат. pueri*) — «холопы». Дело в том, что латинское слово «пуэр», являвшееся еще в античном Риме синонимом слова «серв(ус)», то есть «раб», буквально означает «мальчик», «отрок», «хлоп(ец)», «хлоп(чик)», то есть «холопчик» (так во многих славянских языках — например, в польском, украинском белорусском) по сей день именуется не только «мальчик», но и «(крепостной) крестьянин».

В средневековой Европе — первоначально во Франкской державе, а после ее распада — в рамках возникших на развалинах раннесредневековой империи Карла Великого феодальных государств — сложилась так называемая ленная система. Эта основанная на соединении государственной власти с землевладением средневековая система государственного управления состояла в том, что сюзерены (верховные собственники) раздавали участки земли своим вассалам (становясь по отношению к ним «сеньорами», то есть «старшими»), которые, сверх арендной платы за землю, обязаны были им и личной службой во время войны. По понятиям средневекового права, король считался верховным собственником (сюзереном) государственной территории, отдельные части которой он отдавал в пользование и управление своим приближенным и воинам, под условием исполнения известных натуральных и денежных повинностей. Иногда и независимые владельцы подчинялись королю и становились к нему в ленные (зависимые) отношения, приобретая тем самым его защиту и покровительство. Собственники обширных земельных угодий, западноевропейские короли, сохраняя за собою верховное право собственности (сюзеренитет), раздавали эти земли своим

дружинникам вместе с правами государственного управления в их пределах, на условиях службы (прежде всего — военной) королю или уплаты определенной аренды. С другой стороны, вследствие неопределенности прав и безопасности человеческой личности в эпоху постоянно усиливавшейся, после распада державы Карла Великого, феодальной раздробленности и «войны всех против всех», многие собственники аллодов, то есть независимых земельных участков (дарованных им однократно за какую-либо заслугу и с этого момента считавшиеся находящимися в их полном и безусловном владении), добровольно становились в ленные отношения к сильным королям, приобретая этим их защиту. Каждый ленник, или вассал, мог, в свою очередь, уступить (или, точнее говоря, переуступить) часть своей земли и своих прав (полученных им от сюзерена) третьему лицу, которое становилось уже его вассалом, и теперь зависело уже непосредственно от него (отсюда — известная формула феодального права «вассал моего вассала — не мой вассал») и т.д.

С развитием ленной системы министерялы получали лены и привлекались к рыцарской службе. В то же время западноевропейские министерялы (как и «дворские» в средневековой Руси) несли не только военную, но также придворную, административную и хозяйственную службу.

В средневековой феодальной Германии (а точнее говоря — в Священной Римской империи, именуемой впоследствии Священной Римской империей германской нации) министерялы с XI века составляли особое сословие «динстманнов» (нем. Dienstmannen), буквально: «служилых людей», занимавшее в сословно-иерархической пирамиде место выше бюргеров-горожан и свободного сельского населения (буров, бауэров, бурген, Вауегн), но ниже свободных рыцарей. Признаком несвободного состояния «динстманнов» являлась только невозможность бросить службу по желанию или «отъехать» (используя соответствующее древнерусское выражение) к другому «князю» (сеньору). Как известно, царь Иоанн Васи-

льевич Грозный расценивал «отъезд» любого из своих подданных, вплоть до самых знатных бояр», не как исконную, освещенную веками привилегию, а как «измену» именно в силу того, что считал всех подданных своими «холопами».

Особенное значение министриалы приобрели в Священной Римской империи (германской нации) в XII—XIV веках, добившись прав отдельного сословия, личной свободы и став одной из опор центральной власти в германских княжествах.

Так, например, в XIII веке, согласно баварским законам, министриалы не имели права занимать должности выше свободных людей, несущих обычную военную службу (хотя на практике дело порой обстояло иначе). Только монарху (баварскому князю) и крупным феодалам (как светским, так и духовным) было дозволено законом сохранить при своей особе министриалов (однако и это правило нередко нарушалось). На протяжении XII—XIV веков из среды министриалов сформировалась часть мелкопоместного дворянства, чему способствовала рыцарская военная служба министриалов и их являвшееся результатом этой службы довольно высокое положение в феодальном государстве. В XV веке именно министриалы составили ядро немецкого рыцарского сословия — «риттерштанда» (Ritterstand).

Министриалы монарха нередко сами превращались в крупных феодалов, теряя непосредственную связь с короной, и вступали в сложную систему вассально-ленных отношений. Примером может служить один из могущественнейших министриалов Священной Римской империи германской нации Вернер фон Болленд. Этот министриал одновременно являлся вассалом («боевым холопом», или, по-японски, «самураем») не одного и не двух, а сорока трех (!) различных феодальных сеньоров-сюзеренов (нем. «ленсгерров», Lehnsherren), от которых получил в общей сложности более пятисот ленов, в том числе пятнадцать графств, и сам, в свою очередь, имел более ста ленников (нем. «ленсманов», Lehnsmannen). В то же время возвышались министриалы князей церкви и светских

господ, которые также вливались в ряды господствующего класса. Аналогичную картину мы наблюдаем и в средневековой Японии.

Между прочим, в английском языке до сих пор сохранилось воспоминание о том, что многие рыцари, представители воинского сословия, изначально были не вполне свободными, зависимыми от своего господина (сюзерена) людьми, его «слугами». Дело в том, что слово «найт» (*англ.* knight), означающее в современном английском языке «рыцарь», в эпоху раннего Средневековья означало «слуга», «холоп» (в том числе и «боевой холоп»), как и аналогичное по значению и близко родственное ему по происхождению немецкое слово «кнехт» (Knecht).

Подобно «боевым холопам» Древней Руси и министралам средневековой Западной Европы, японские самураи также были, с одной стороны, привилегированным воинским сословием, имели право на ношение сразу двух мечей (эта пара мечей называется по-японски «дайсё», о чем будет подробнее рассказано на дальнейших страницах нашей книги) и потому долгое время гордо именовали себя упомянутым нами выше словом «буси» («воин»), то есть человек, презирающий смерть и живущий по особым законам воинской чести — «пути воинов» («бусидо»). С другой стороны, жизнь всякого «самурая», как верного вассала, была всецело посвящена служению своему господину, сеньору, которого «боевой холоп» был обязан беречь как зеницу ока, беспрекословно повинаясь ему во всех жизненных обстоятельствах. Сеньор мог приказать любому из своих вассалов-самураев пожертвовать жизнью по его приказу, отправиться выполнять смертельно опасное задание и даже совершить самоубийство. Самурай, утративший своего сеньора, одновременно лишался и средств существования, превращаясь в «рони́на» — бесприютного скитальца, вынужденного терпеть всяческие бедствия и лишения. Бесконечные внешние (а чаще — внутренние, междоусобные) войны со временем выковали из японского «служивого» классический

тип «боевого холопа» — сурового, закаленного воина, лихого рубаку и стрелка, мастерски владеющего не только мечами (а на более раннем этапе японской истории — в первую очередь луком и стрелами), но и любым другим оружием. Правда, наряду с бесчисленными примерами героических единоборств, проводимых по всем правилам рыцарского военного искусства (впрочем, не без определенной, чисто японской, хотя, возможно, и китайского происхождения, специфики, заключавшейся в необходимости непременно отделить голову побежденного в поединке противника от тела и предъявить ее своему предводителю для получения награды, о чем еще будет подробно сказано далее), немалую часть военного искусства и военной практики «боевых холопов» державы Ямато, судя по хроникам бесчисленных войн и военных конфликтов, сотрясавших Страну восходящего солнца на протяжении большей части самурайского периода ее долгой истории, составляло умение «буси» незаметно подобраться в крепости, замку, дворцу или дому неприятеля, окружить его со всех сторон, кроме одной, поджечь, а затем перебить защитников, пытающихся спастись от огня, выбегая из пламени пожара с этой единственной стороны. Самураи разработали многие виды боевых искусств — «будо», — ставших ныне популярными в глобальном масштабе. К числу этих искусств относятся «дзюдзюцу» («джиу-джитсу»), «айкидо», «кэндо» (уже упоминавшееся нами искусство владения мечом, известное, как «путь меча»), «кюдо» (искусство стрельбы из лука, известное под названием «путь лука»), «дзюдо» и даже знаменитое «ниндзюцу» — боевое искусство неуловимых «ночных убийц» — «ниндзя» (начало которым положили беглые «ронины», то есть бывшие самураи, лишившиеся своих сюзеренов). Единственным исключением в этом ряду боевых искусств, разработанных самураями, является, пожалуй, только «каратэ» (возникшее в крестьянской среде на «не совсем японском» острове Окинава и лишь впоследствии перенесенное оттуда в собственно Японию).

Бесстрашные и беспощадные в сражениях и в смерти, японские самурай отнюдь не были бездумными, не рассуждающими и тупыми «босвыми машинами». Эти свирепые и грубые на вид воины, готовые в любой момент пустить в ход свои острые как бритва, смертоносные мечи, вели суровую и аскетическую жизнь, наполненную строжайшей внутренней самодисциплиной и поэзией. Их боевое мастерство, отточенное до малейших нюансов, подобно лезвиям их боевых мечей, далеко выходило за рамки военной сноровки и превращалось в высокое искусство, в образ жизни. И все это охватывало собой понятие «путь воина».

Многие «боевые холопы» средневековой Японии были не только воинами, но и выдающимися поэтами, художниками, каллиграфами, музыкантами, философами и мастерами буддийской духовной культуры «дзен».

Самурайское сословие правило Японией с конца XII до середины XIX века. На протяжении многих столетий «боевые холопы» представляли собой элиту японского феодального общества и служили средоточием духа японской нации. И хотя после буржуазной «революции (реставрации)¹ Мэйд-

¹ «Революция Мэйдзи» именуется также «реставрацией Мэйдзи», поскольку была совершена во имя «реставрации» (восстановления) власти Божественного Императора (Тэнно), фактически узурпированной военными предводителями самурайских кланов — «сёгунами». «Мэйдзи» (буквально: «Просвещенное правление») — девиз нового царствования и одновременно — новое тронное имя, принятое Божественным Императором Муцухито после успешного осуществления этой своеобразной «революции-реставрации». Кстати, само слово «революция» (латинского происхождения, от *revolutio*) в своем исконном (принятым до сих пор, к примеру, в астрономии) значении, означает «возвращение (например, небесного тела, завершившего круговое движение по своей орбите) в свое прежнее положение» и, с этой точки зрения, вполне может рассматриваться как синоним слова «реставрация», также означающего «восстановление» (исходного положения, прежних порядков, прежнего строя и т.д.). Вероятно, первые европейские революционеры также воспринимали совершаемую

зи» в 1873 году все прежние самурайские привилегии были официально отменены на общегосударственном уровне, во всеяпонском масштабе, и самурайское сословие как таковое официально упразднено (как, впрочем, и все средневековые японские сословия вообще), моральные и культурные ценности, сложившиеся на протяжении (весьма затянувшегося в Японии) периода Средневековья, внутри самурайского сословия, стали духовным достоянием всей японской нации, как бы превратившейся (естественно, в идеале, как всегда бывает в подобных случаях) в совершенно уникальную «нацию самураев». Эти ценности живы до настоящего времени, благодаря им современная японская культура достигла таких вершин, о которых другие нации могут, к нашему величайшему прискорбию и сожалению, только лишь мечтать. Не случайно наследие традиционной самурайской культуры сейчас творчески изучается не только в самой Японии (что само собой разумеется), но и во многих других странах мира (в том числе весьма активно — и в нашем многострадальном российском Отечестве, дорогом каждому честному русскому сердцу не меньше, чем японское Отечество — сердцу японскому).

Вне всякого сомнения, пришло время и для нас, россиян, перестать смотреть на самураев только как на наших «давних» (?) и «естественных» (?) врагов (хотя их потомки и требуют от нас, с достойным лучшим применением упорством, возвращения Японии пресловутых «северных территорий»,

ими революцию как «восстановление прежних справедливых порядков», «доброе старое время» эпохи «справедливого общественного договора» и т.д., попорченных злоупотреблениями несправедливой власти (обычно не столько самого монарха, сколько окружающих его «дурных министров», «злых бояр») нарушившей этот «общественный договор». В этом смысле представляется не лишенным интереса следующее обстоятельство. Китайские иероглифы, которые обычно переводятся на русский язык (и на другие европейские языки) как «революция», в буквальном смысле слова означают: «мандат, выданный Небом на справедливое правление»...

то есть Южных Курильских островов) и попытаться хотя бы в самом сжатом очерке ознакомиться с основными вехами их славной многовековой истории.

ОБ ИСТОКАХ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Воинские традиции Страны восходящего солнца уходят своими корнями в седую древность. Это не представляется удивительным. Дело в том, что далеким предкам современных японцев приходилось много и долго воевать за овладение своей будущей Родиной. Согласно древним легендам, Японские острова были в далеком прошлом сотворены самими богами (*яп.* ками). Вера в Божественное начало природы (и в Божественное происхождение японского народа) стала основой исконной религии древних японцев — «синто» («путь богов»). Японцы издавна верили, что их родные острова и управляющие ими «местные», «земные» боги-«ками» (соответствующие древнеримским «дэмонес лоци», *daemones loci*) сами являются порождениями небесного бога Идзанаги и его божественной супруги Идзанами. Тем не менее, не сам Идзанаги, а младшая дочь бога небес — богиня Солнца Аматэрасу-(но) О(о)миками (вышедшая из глаза своего божественного отца, подобно тому, как богиня Афина Паллада древних греков родилась во всеружии из головы своего божественного отца — Зевса Громовержца), почитается японцами как главное синтоистское божество. Таким образом, получается, что каждый японец — естественный синтоист от рождения (и в силу своего рождения в качестве японца), независимо от того, какую еще религию он исповедует — буддизм, христианство и т.д. (именно поэтому в Японии по сей день насчитывается гораздо больше верующих, чем жителей).

Согласно синтоистским мифам (излагавшимся до самого — неудачного для Японии — окончания Второй мировой

войны в качестве реальных фактов во всех школах Империи восходящего солнца), от солнечной богини Аматаэрасу произошла династия японских императоров. Родной внук Аматаэрасу Омиками — полубог Ниниги-но Микото — был назначен своей божественной бабкой первым правителем Японских островов (любопытно, что боги, по учению синтоистов, сотворили только эти острова и населивших и японцев; к сотворению других земель и народов синтоистские «ками» не имеют никакого отношения, да и сами исповедники синто другими землями и народами, похоже, вовсе не интересовались, считая только себя «людьми» в собственном смысле этого слова). Отправляя внука из своей небесной обители Такамагахара на грешную землю, Аматаэрасу вручила ему три небесных священных сокровища:

1) Магическое бронзовое зеркало (с реверсом, украшенным, странным образом, шестиконечной звездой-гексаграммой, образованной двумя треугольниками, один из которых расположен вершиной кверху, а другой — вершиной книзу — древнейшим магическим знаком-оберегом, совершенно неправомерно считающимся в настоящее время исключительно символом иудаизма¹, под названием «Моген Давид», буквально: «Щит Давида», и украшающим, в качестве такового, государственный флаг современного государства Израиль);

¹ Любопытно, что в эпоху до «революции (реставрации) Мэйдзи» японцы (подобно правоверным иудеям) не употребляли в пищу свинину, как «нечистое мясо». Впрочем, они вообще ели мало мяса (изредка употребляя в пищу домашнюю птицу). Основу питания составляли рис (у более состоятельных слоев населения — крестьяне питались в основном просяной похлебкой), овощи, фрукты и морепродукты. Рыба тоже была по карману далеко не всем жителям Страны восходящего солнца, в том числе и далеко не всем самураям (которым нередко приходилось питаться сырой редькой, что нашло свое отражение даже в японской литературе и, в частности, в поэзии «танка»).

2) Волшебный меч (извлеченный некогда богом бурь, грозы и грома Сусаноо-но Микото из хвоста поверженного им чудовищного дракона)¹;

3) Драгоценное яшмовое ожерелье «магатама».

Этим трем божественным дарам богини Солнца суждено было в дальнейшем стать знаками верховной власти (инсигниями, или регалиями) всех последующих японских императоров — «Сынов Неба (Солнца)», хотя в широком смысле слова «сынами Солнца» могут считаться все японцы, составляющие тем самым не только одну нацию, но и один род, одну семью, возглавляемую одним Всеотцом — Императором, Сыном Солнца, и объединяемую общим происхождением от единого Божественного Предка (которого можно было бы именовать Отцом Богов и Людей, как

¹ Этот «Имперский» («Государственный») меч необыкновенной красоты, именовавшийся первоначально Амэ-но-мураку-мо-но-хокэн («Небесный драгоценный меч собирающих туч»), а впоследствии — Кусанаги-но-цуруги («Меч, косящий траву»), прямой и обоюдоострый (в отличие от более поздних, ставших со временем «классическими», самурайских изогнутых мечей с одним лезвием), с рукоятью в виде «ваджры» — древнего магического жезла-«перуна», вошедшего в число ритуальных буддийских принадлежностей, был передан богом бурь Сусаноо своей сестре — богине Солнца Амата-расу, которая, в свою очередь, передала его своему правнуку Ниниги-но Микото, направив его управлять Японией. Ваджра (по-японски: «конгосё») символизирует мудрость, звучащую, как раскат грома, и ослепительную, как удар молнии. От одного вида ваджры в страхе бегут прочь все нечистые духи и демоны. В буддизм ваджра пришла из индоарийской ведической и брахманистской мифологии, в которой считалась оружием («перуном», «булавой» или «палицей») бога-громовержца Индры («пастуха небесных коров», то есть «Тучегонителя»), которым тот сразил дракона (змея) Вритру. Налицо явное заимствование японцами, через буддистов, ведического сказания о боге-змееборце, причем то обстоятельство, что рукоять этого якобы «исконно японского» священного меча, врученного правителям Японии через посредство синтоистских (то есть добуддийских) божеств, имеет не японскую, а индоарийскую по происхождению форму «ваджры», заставляет усомниться в изначальном характере легенды.

это делали древние эллины в отношении своего верховного Бога Зевса, к которому возводили свой род многие царские и аристократические фамилии античной Греции).

Спустившись с небес — обители бессмертных и царства вечной жизни — на грешную землю, Ниниги-но Микото оказался в среде исторического времени и неизбежно связанных с ним процессов старения и умирания, поэтому ему пришлось позаботиться о продолжении собственного рода. Точнее говоря, поначалу боги предложили ему на выбор в жены двух сестер — старшую («Деву Скаль»), безобразную с виду, но способную рожать бессмертных детей, и младшую («Деву Цветов»), способную рожать только смертных, недолговечных детей, но зато писаную красавицу. Как всякий юноша, еще не умудренный жизненным опытом и принимающий решения больше сердцем, чем разумом, внук богини Солнца выбрал себе в жены красавицу. И потому жизнь человеческая так же недолговечна, как всякая красота. Внука Ниниги-но Микото (и, соответственно, праправнука богини Солнца) — Дзимму Тэнно («правителя Дзимму»), божественного властителя, синтоистские мифы называют первым императором Японии. Сначала Дзимму Тэнно правил только островом Кюсю, но по достижении сорокапятилетнего возраста повел своих отважных воинов на завоевание острова Хонсю. После тяжелой и кровопролитной войны с тамошними варварами (не сотворенными богами и, соответственно, являвшимися, с японско-синтоистской точки зрения, в общем-то, «челюдь»), он, с божественной помощью, завоевал занимавшую центральную часть острова Хонсю страну Ямато, объявив себя ее правителем. Согласно древним хроникам, это произошло в 660 году до Р.Х. Именно этот год японцы стали считать официальной датой основания своего государства, именовавшегося долгое время «страной (Империей) Ямато», наряду со словом «Япония» — «Нихон», «Ниппон» или «Ниппон (ди)-го».

Постепенно правители Ямато — пресмники Дзимму Тэнно — подчиняли себе одну область за другой, держава Яма-

то росла и крепла, превратившись со временем в Японскую империю. Официально считается, что династическая линия японских императоров не прерывалась со времен легендарного (для всех, кроме самих японцев) Дзимму Тэнно до нынешнего Отца и Символа японской Нации — Акихито.

О МИКАДО (ТЭННО) — ЖИВОМ БОГЕ И ЯПОНСКОМ ИМПЕРАТОРЕ

У древних японцев (как, впрочем, и у многих других — если не у всех! — народов древности) существовала вера в некие особые божественные силы, присущие их верховным правителям. Благодаря этим полученным от рождения божественным силам правитель был проводником воли Неба и сам являлся живым богом во плоти. Каждое его движение, каждая его мысль сказывались на благосостоянии подчиненных им страны и народа и несли с собой благополучие или невзгоды для земли и людей. Поэтому большую часть своего времени правители древней Японии были обязаны посвящать общению с богами и выполнению священных ритуалов, не имея «частной жизни» по определению. Даже заботы, связанные с практическим управлением государством, считались мелкими, суетными и недостойными «сына Неба». По его поручению и от его имени державой управлял регент из числа ближайших родственников императора (древнейшей придворной аристократии «кугэ», имевшей еще досамурайское происхождение, то есть возникшей задолго до того, как сложилось военно-служилое сословие «боевых холопов»). Регент из среды аристократов-«кугэ», составлявших императорский двор, правивший от лица малолетнего императора, именовался «сэссэй». А такое случалось довольно часто, поскольку могущественные «кугэ», не желая отказываться от вольготной жизни, которую они вели при малолетних императорах, вынуждали тех отречься от престола по достижении ими совершеннолетия, чтобы назначить им новых преемников из числа малолетних принцев, от имени которых продолжал

бы править очередной «сэссэй». Особенно прославился в этом отношении могущественный придворный аристократический клан Фудзивара, долгое время поставлявший из своей среды «сэссэев» при несовершеннолетних императорах Страны восходящего солнца, выдававший за последних замуж девушек из своего рода и, таким образом, многократно породненный с божественным императорским домом. Впоследствии, с приходом в Японию из Китая новой, индийской по происхождению, религии — буддизма — некоторые японские императоры вместо отречения от престола стали принимать монашеский постриг и формально «приписываться» к тому или иному из буддийских монастырей, очень быстро расплодившихся после прихода буддизма, в лице ученика самого Просветленного — индийского принца Бодхидхармы (*яп.* Даромы) в Японию через Китай, по всей Стране восходящего солнца и достигших в скором времени немалого богатства и могущества (как политического, так и военного, учитывая все возраставшее число буддийских воинов-монахов, иногда составлявших целые монастырские армии, наподобие армий духовно-рыцарских орденов средневековой Европы). Такой император, являвшийся одновременно буддийским монахом, именовался «инсэй» и формально имел более высокий статус, чем «сэссэй», номинально правящий от лица малолетнего императора. Тем не менее реальная власть находилась в руках не императоров, а регентов. Однако, невзирая на этот реальный факт, вера в исключительность императора настолько укрепилась в сознании «сынов Ямато», что в последующие исторические периоды, когда реальная власть в Японии оказывалась в руках не императора и регентов из числа его ближайших родственников, а в руках других могущественных феодальных кланов или отдельных «сильных личностей», никто из этих диктаторов даже и не помышлял о том, чтобы самому завладеть императорским престолом. Формально все «сильные личности», как бы они ни именовались, оставались верными, преданными и почтительными подданными своего «Тэнно», или «Микадо», довольствуясь полученными от

него (добровольно или нет, это уже другой вопрос!) пышными титулами. Наиболее известным среди них был титул «сэйи тайсёгун» («великий полководец — победитель варваров»). Японский титул «сёгун» (ударение при произнесении этого слова следует делать на первом слоге), как и многое в древней и средневековой Стране восходящего солнца, имеет китайское происхождение¹. Он происходит от китайского титула «дзяндзюнь» или «цзянь-цзюнь» (имевшего в древнем и средневековом Китае аналогичное значение и обычно персводящегося на русский язык и на другие европейские языки как «генерал»). Титул «сёгуна» (роль которого, как мы помним, играл Юкио Мисима в своем «Обществе Щита») носил Верховный главнокомандующий всеми войсками императора и его вассалов и военный диктатор, правящий от имени императора. В отличие от «сэссэя», происходившего из среды досамурайской придворной аристократии, «сёгун» происходил из самурайской среды и правил от имени императора, даже если этот император не был малолетним.

Со временем конструкция управления средневековой Японией еще больше усложнилась: «сёгуны» тоже были лишены реальной власти очередными «сильными личностями», происходившими, подобно самим «сёгунам», из самурайской среды, принимавшими титул «сиккэн» и правившими от лица малолетних «сёгунов» (вынуждаемых «сиккэнами» к отречению от власти по достижении ими совершеннолетия), формально, в свою очередь, продолжавших номинально править от имени Божественного Императора (лишенного в действительности всякой реальной власти).

В данной связи нам представляется необходимым указать уважаемым читателям на следующее обстоятельство.

¹ Вообще, на наш взгляд, взаимоотношения и соотношения между китайской культурой и вторичной по отношению к ней культурой японской можно сравнить с соотношением между вавилонской и ассирийской, а также между греческой и римской культурами.

«Микадо» — древнейший, теперь уже почти не употребительный в самой Японии (и все еще достаточно широко распространенный в других странах) титул (означающий по-японски буквально: «Высокие Врата»), употреблялся в прежние времена для обозначения императора как светского верховного повелителя Японии (именуемого в более поздние времена, и в том числе в настоящее время, «Тэнно»). При этом следует учитывать, что понятие «Микадо» включало в себя в древней Японии не только самого монарха, но также его дом, двор и даже государство, находившееся под его управлением. Коренные японцы ныне не используют понятие «Микадо», исключенное из всех японских официальных документов, в качестве императорского титула.

Вместо устаревшего титула «Микадо» в настоящее время используется более поздний титул «Тэнно» (в другом варианте произношения: «Тённо», буквально: «Небесный Государь», «Сын Неба», «Повелитель всего сущего»; латинское слово древнеримского происхождения «император», то есть «повелитель», которым обычно пользуются для перевода слова «Тэнно» на другие языки, к сожалению, не передает точного смысла японского титула), вошедший в японское словоупотребление под китайским воздействием и являющийся, по сути дела, калькой с титула китайского императора.

Японцы верили (или, во всяком случае, считается, что верили) в божественность своего императора вплоть до 1 января 1946 года. В тот памятный день сто двадцать четвертый по счету (начиная с Дзимму Тэнно) японский император Хирохито, после поражения Японии во Второй мировой войне, под давлением американских оккупационных властей был вынужден издать специальный указ (рескрипт или декрет), в котором отказался от статуса «живого бога», назвав Божественность императора ложным понятием, основанным на легендах и мифах, и признав, что император — всего лишь «Символ Государства и Единства Нации». Это официальное заявление «Небесного Государя» о его человеческой, а во-

все не Божественной природе («Нингэн-сэнгэн») глубоко потрясло большинство японцев, для которых «культ личности» Микадо-Тэнно был традиционной основой мировоззрения. Многие из «истинных сынов Ямато» — например, Юкио Мисима, так и не смогли с этим до конца примириться.

Однако вернемся во времена Божественного Властителя Дзимму Тэнно.

КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Если верить японскому историку Райдзё Сисэю, в годы правления Дзимму Тэнно и его ближайших преемников жизнь державы Ямато была предельно воснизированной, причем император Страны восходящего солнца был, в первую очередь, верховным военачальником.

«В первые времена государственная организация была проста, гражданские и военные функции были объединены. Все в государстве были воинами, и верховным предводителем их был император; министры составляли при нем свиту помощников. Когда наступало время военных действий, император сам лично брал на себя труды по ведению походов. Если же предводительствовал не он сам, то его заменяли сыновья или императрица. Подчиненным никакое дело не поручалось. Благодаря этому верховная власть находилась в Императорских руках, она признавалась по всей стране и, постепенно распространяясь, достигла Кореи и Сюкосина, приходившихся японским государям данниками».

Крайне интересным в данной связи представляется исполнение функций Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Страны восходящего солнца не только самим японским императором, но и его супругой. Такой воительницей считалась, по легендам, регентша Дзинго Кого, вставшая (между прочим, против воли своего супруга-императора), вместе со своим сыном принцем Хатиманом, во главе японского войска, предпринявшего первую историче-

ски засвидетельствованную попытку экспансии за пределами собственно Японских островов. Это произошло, по мнению многих историков, например, Ведемейера¹ или Куно² около 363 года после Р.Х., то есть примерно через триста лет после высадки обитавших ранее в южной части острова Кюсю племен ямато на полуострове Кии — среднеяпонском полуострове, известном ныне, прежде всего, расположенными на нем храмом Исе и городом Осакой. Именно там начался подъем клана Ямато, ставшего на протяжении столетий господствующим кланом, чье высшее семейство сделалось в конце концов императорским домом Японии, еще не распространив свою власть на все острова Японского архипелага, зажатого в тиски между враждебными северояпонскими племенами и существовавшими в Южной Японии, на острове Кюсю многочисленными царствами (королевствами). Как и в ходе всех последующих попыток внешней экспансии японцев, целью экспедиции была, в первую очередь, Корея. Уже тогда северная и центральная Корея на протяжении столетий находилась под сильнейшим политическим и военным влиянием Китая, в то время как южная Корея, раздробленная на несколько враждовавших между собой царств (королевств), тоже находилась под влиянием Китая — но только культурным. Именно высадившиеся на территории южной Кореи японские завоеватели, воспользовавшись ее политической раздробленностью, впервые попытались установить свое господство над ней. Поначалу японцы покорили южную Корею (хотя согласно японским героическим легендам они покорили всю страну) и заставили ее платить дань державе Ямато (впоследствии принц Хатиман был, как победоносный полководец, даже обожествлен на родных островах и все японцы стали поклоняться ему, как богу войны). Однако власть «сынов Ямато» над покоренными землями оказалась непрочной. Корейцы постоянно восстыва-

¹ *Wedemeyer. Japanische Fruehgeschichte. Tokio, 1930.*

² *Kuno. Japanese Expansion. California, 1937.*

ли. Триста лет продолжалась политическая и военная борьба за южную Корею, пока в 663 году после Р.Х. японские завоеватели не были, в кровопролитных и жестоких схватках, разгромлены объединенными корейскими войсками в союзе с войсками вновь — в очередной раз! — обретшего единство Китая как на суше, так и на море.

Однако, подобно тому, как первые главы и книги истории Рима «От основания града» (*Ab urbe condita*) Тита Ливия основаны на древних мифах и легендах, так и приведенные выше сведения о раннем периоде японской истории основаны на легендарных хрониках «Кодзики» и «Нихон Сёки», записанных по императорскому указу в VIII веке после Р.Х., а до того существовавших исключительно в устной традиции.

Изложенная выше легендарная история, мягко говоря, не согласуется с данными современной науки. По мнению историков и археологов наших дней, вероятность реального существования великого воителя Дзимму Тэнно вряд ли больше, чем вероятность реального существования Тесея, Геракла, Ромула или Гильгамеша. Возможно также, что Дзимму Тэнно — не что иное, как собирательный образ, объединивший деяния не одного, а сразу нескольких реальных правителей, чьи имена в истории не сохранились. Немало «белых пятен» имеется не только в древнейшей истории Японии, но и в вопросе о происхождении японского народа (если, конечно, не принимать слепо на веру вышеизложенную синтоистскую версию).

Следует обратить внимание на одну особенность исторического развития Японии — в этой стране первобытно-общинный строй сменился феодальным, фактически минуя рабовладельческую стадию (некоторое количество рабов, находившихся в храмовом, дворцовом и частном владении, не играло существенной роли в экономике и производстве). Большинство современных историков считают реальной датой раннефеодального японского государства 645 год после Р.Х. Тогда при дворе японского императора тридцать пятого поколения

(после Дзимму Тэнно) Когёку вспыхнул мятеж (из-за отсутствия документальных свидетельств у историков нет единого мнения о том, когда же это произошло; разница между датами, которые они называют, порой достигает нескольких столетий, что, впрочем, не редкость в историографии Востока, в которой часто собственно исторические события, особенно на ранних этапах истории, оказываются самым причудливым образом перемешаны с подлинно историческими). Заговорщики стремились избавить Страну восходящего солнца от произвола крупных аристократических родов, отпрыски которых столетиями хозяйничали в стране, как в своем собственном владении. Они злоупотребляли своей властью, притесняли законных правителей, наживали огромные состояния, творя насилие. Участники мятежа мечтали положить этому конец и заложить основы нового сильного государства. Их восхищал Китай, где власть принадлежала императору («Сыну Неба»), а закон и порядок повсеместно поддерживали назначенные им государственные чиновники.

Государственный переворот удался. Наступила эпоха реформ «Тайка» (буквально: «Великие реформы»). Они проводились по указанию вступившего на престол в 645 году императора тридцать шестого поколения Котоку.

Победившие реформаторы весной следующего, 646 года после Р.Х. огласили Императорский указ, или декрет Тайка, о создании государства нового типа, с сильной централизованной властью и мощным чиновничьим аппаратом. Декрет закреплял коренные изменения в политической и экономической жизни Японии.

Отменялась частная собственность на землю. Отныне вся пригодная к возделыванию земля принадлежала императору, который единолично решал, как ее использовать.

Вся территория Страны восходящего солнца была разделена на провинции, уезды (округа) и деревни (селения).

Было начато строительство новой императорской столицы как зримого воплощения и средоточия империи Ямато.

Всем представителям прежней знати разрешалось поступать на государственную службу, получая за эту службу жалованье от государства.

Все держатели земельных наделов были обязаны платить в императорскую казну земельный налог, а все ремесленники — налог с продажи своих изделий.

Была введена воинская повинность. Каждый третий подданный императора мужского пола был обязан в течение трех лет нести военную службу, охраняя границы от вторжения «варваров».

Государственный переворот 645 года после Р.Х. и последовавшие вслед за ним «реформы Тайка» значительно ускорили становление единой централизованной японской империи. Высшая знать в основном примирилась с изменениями, покорила Божественному Тэнно и стала служить ему в меру своих сил и способностей. Все новые министры, крупные чиновники и придворные принадлежали к древним аристократическим родам «кутэ».

Сами «реформы Тайка» начались с перераспределения земельных наделов. Вся земля объявлялась собственностью Божественного Императора (а не отдельных кланов-родов, как это было прежде), а все население страны — его подданными. Частные земли были, после их обмера, поделены на равные наделы, которые сдавались в аренду свободным крестьянам от имени государства. За пользование землей крестьяне платили налоги государству (а не землевладельцу, как прежде). Кроме крестьянских существовали также «привилегированные» земельные наделы, дарованные «по занимаемой должности», «за заслуги» и т.д. Центральная власть предоставляла их членам императорского дома, представителям прежней знати, высокопоставленным чиновникам. Эти наделы не облагались государственным налогом и передавались по наследству. Постепенно они превращались в частные феодальные поместья (так называемые «сээнъ»).

Наступило время бурного освоения территории Страны восходящего солнца. По всей Японии активно прокладывались до-

роги, строились мосты, новые города, буддийские монастыри. Процветали науки и искусства (находившиеся под сильным корейским и еще более сильным китайским влиянием). Художники, ученые, поэты устремились в недавно основанные столицы империи Ямато. До начала VIII века в Стране восходящего солнца (как, например, и в западноевропейской Священной Римской империи) вообще не было постоянной столицы (после смерти очередного Божественного Тэнно столицу державы Ямато переносили на новое место). Сначала, в 710—784 годах, столицей был пышный город Хэйдзэ (носящий в настоящее время название Нара), начиная с 794 года — Хэйан («Столица Мира и Покоя», ныне — Киото). Здесь, в окрестностях императорского дворца, размещались двор императора Страны восходящего солнца и его правительство (как мы помним, в описываемые давние времена не только монарх, но и все они обозначались собирательным понятием «Микадо»¹), всевозможные государственные учреждения и храмы.

Хотя целью «реформ Тайка» было преобразование державы Ямато в строго централизованное, унитарное государство с едиными законами и единым жизненным укладом, на практике достичь этой цели так и не удалось. Виной тому была, прежде всего, непоследовательность самого императора-реформатора. Со временем решимость Тэнно довести реформы до конца ослабла, и он уже не мог воодушевлять, как прежде, подданных своим личным примером.

¹ Аналогичным образом обстояло дело, скажем, и с арабским словом «султан» (означающим изначально «единство власти»). Первоначально (например, в священной книге мусульман Коране, продиктованной пророку Мухаммеду, именуемому европейцами «Магомедом», Джебраилом, соответствующим христианскому архангелу Гавриилу) слово «султан» использовалось для отвлеченного обозначения власти как таковой. Именно в этом смысле следует понимать приписываемое пророку Мухаммеду изречение (хадис): «Султан есть тень Бога на земле, и у него ищет убежище всякий обиженный». Впоследствии, однако, султаном стал именоваться в мусульманском мире всякий правящий государь.

Еще одним фактором, мешавшим упорядочить условия жизни в Стране восходящего солнца по единому, установленному раз и навсегда образцу, были природные условия Японии и в первую очередь — японский ландшафт.

Япония, как известно, страна островная. Она состоит из четырех больших (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку) и девяти сот более мелких островов самого разного размера. Около семидесяти пяти процентов японской территории занимают горы, и лишь двадцать процентов — равнины (как правило, обособленные и отделенные друг от друга горными отрогами). Поэтому в прежние времена путешествие из одной части страны в другую было не только трудным, но и весьма опасным делом. Зимой громадные снежные заносы и сугробы наглухо перегораживали узкие горные тропы. В период таяния снегов или после сильных проливных дождей бесчисленные горные реки превращались в смертельно опасные бушующие потоки, увлекавшие с собой мосты и деревья. Поэтому прямая власть императора Японии распространялась в основном на центральную часть страны — юг главного острова Хонсю и север островов Сикоку и Кюсю. Остальные же области — весь остров Хоккайдо, север острова Хонсю, значительные территории западного побережья, юг — острова Сикоку и Кюсю — были расположены слишком далеко от столицы, чтобы центральное императорское правительство могло осуществлять над ними достаточно эффективный контроль. Императорские указы нередко шли туда месяцами.

Север острова Хонсю тысячелетиями населяли воинственные племена эмиси (эдзо)¹. На юге, на Кюсю, издревле осевшие там аборигены-айны, или айну (племена кумасо, тэнсон

¹ Некоторые (хотя далеко не все) исследователи отождествляют «варварские» племена эмиси (эбиси, эмису, эдзо) с айну (айнами). Именно покорение «северных варваров» — эмиси, — издавна осевших на севере Хонсю и на Хоккайдо, было первой серьезной боевой задачей зарождавшегося сословия самураев.

и др.) ожесточенно обороняли свои земли от японских императорских войск. Вплоть до конца IX века на спорных землях, прежде всего на севере нынешней Японии, бушевала война между «сынами Ямато» и этими «варварами» (с японской точки зрения). Чтобы избежать подстергавшей их на каждом шагу смертельной опасности, пришедшие вслед за воинами державы Ямато и поселившиеся на новых землях японские колонисты усиленно укрепляли свои дворы и села, устанавливали круглосуточные дозоры и вели кровопролитную борьбу за существование, принимая активное участие в карательных экспедициях японских Императорских войск на территории туземцев.

Однако жизнь новопоселенцев в провинциях делало опасной не только постоянное упорное сопротивление коренных племен японским колонизаторам. На протяжении столетий в прибрежных водах Японского моря промышляли пираты (как свои, так и чужеземные — преимущественно корейские). Морские разбойники подстергали торговые корабли и нападали на прибрежные селения. В удаленных от моря районах, среди густых лесов и в горах не в меньших (если не в больших) масштабах бесчинствовали банды разбойников сухопутных. По всей стране то и дело вспыхивали крестьянские («рисовые») бунты. Задавленные налогами и поборами селяне, особенно в голодные годы, с оружием в руках восставали против своей тяжелой участи.

Поэтому совсем неудивительно, что в столь непростых условиях губернаторы, военачальники и знатные князья приграничных провинций не хотели (да и не могли) полагаться на располагавшееся очень далеко от них Центральное Императорское правительство и на Императорские войска, предпочитая своими силами охранять границы и порядок. Для этого они создавали из боеспособных мужчин небольшие военные формирования под своим личным командованием. Такие семейные, или клановые, военные отряды назывались «бусидан» («воинский союз», «воинский орден», «воинское

братство», «воинское содружество»), а те, кто в них служил, именовались «буси» («воины»). Этих испытанных в боях, смелых, презиравших смерть, суровых воинов, возглавляемых знатными владельцами крупных поместий (упоминавшихся выше «сээнов»), и следует считать самыми первыми в истории Страны восходящего солнца самураями — японскими рыцарями, следовавшими заповедям «бусидо».

Воодушевляемые кодексом чести и верности, они были подлинной элитой воинов средневековой Японии. Бремя чести и связанное с ним стремление к личной славе иногда вступали в конфликт с общей необходимостью одержать победу в битве. Поэтому порой случалось и так, что тот или иной самурай стремился в первую очередь добиться своих собственных, не вполне бескорыстных целей. Вследствие этого войско, состоявшее из «боевых холопов», представляло собой крайне непредсказуемое военное формирование. Для того, чтобы организовать, повести в бой и привести к победе такой «бусидан», от его предводителя требовались совершенно особые качества, которыми обладали немногие выдающиеся во всех отношениях представители военной аристократии средневековой державы Ямато. Они носили различные наименования и титулы. Иногда их называли «тайсё» (то есть «генералами»), иногда это были «даймё»¹ (феодалы-властители), которым каждый поступавший к ним на службу самурай клялся в верности до самой смерти.

Обычно военные отряды «бусидан» формировались в провинциях из представителей крупных японских кланов-родов (или «домов»). Поэтому эти отряды часто называют также «воинскими (военными) домами». При этом следует, однако, заметить, что в «воинский дом» входили не только собственно

¹ «Даймё» (буквально: «великое имя») — владетельный князь, полунезависимый или даже совершенно независимый (в период феодальной раздробленности) властитель в средневековой Стране восходящего солнца.

члены клана, являвшиеся действительно кровными родственниками друг друга, но и люди, чужие им по крови, однако как бы «усыновленные», «афиллированные» кланом.

Во главе «воинских домов» стояли представители служилой военной знати, владельцы особо крупных поместий-«сёэнов», то есть частных земель, которыми их наделяло императорское правительство. Там, на своих наделах, они жили под одной крышей с сородичами и слугами («холопами») всех рангов. Однако большая часть их «боевых холопов» — дружинников-самураев — обитала вне стен господского дома, на своих собственных расположенных поблизости дворах. Крупные феодалы выделяли самураям земельные участки с прикрепленными к ним крестьянами, в качестве вознаграждения за службу (поместья или военные бенефиции).

Таким образом, самурай поначалу был одновременно и воином, и владельцем земельного надела. Правда, земля (с прикрепленными к ней крестьянами), кормившая «боевого холопа», чаще всего принадлежала не ему, а его господину и военному предводителю, который всеми силами стремился расширить пределы своего «сёэна», захватывая все новые земли в результате военных походов или вырубая леса. Ведь чем больший земельный фонд скапливался в руках у феодала, тем больше земельных наделов-поместий он мог раздать своим «боевым холопам». Центральное правительство империи Ямато, естественно, с опаской относилось к нарастающему могуществу провинциальной знати. Но центральным властям приходилось мириться с этим, ибо «воинские дома», способные быстро собирать самурайские боевые отряды-«бусиданы», были необходимы и самому Божественному Императору Страны восходящего солнца.

Согласно древним японским традициям, все члены клана, как и все члены воинского дома, беспрекословно подчинялись главе клана. Эти же порядки распространялись не только на кровных родственников (сородичей, то есть собственно чле-

пов клана), по и на всех членов воинского дома. Таким образом, предводители военных отрядов-«бусиданов» занимали исключительное положение и постепенно упрочивали его, щедро раздавая все новые захваченные земли все новым «боевым холопам». Это обстоятельство во многом определяло дух провинциальных «воинских домов» с характерной для них строжайшей военной дисциплиной, мировоззрение и поведение самураев, превыше всего ценивших непоколебимую верность господину-сюзерену и беспрекословное повиновение его приказам. Можно смело сказать, что именно личная преданность и послушание были источником беззаветной храбрости и бесстрашия «боевых холопов», воспетых в многочисленных японских героических сказаниях. Так, в знаменитых «Кондзяку-моногатари» («Стародавних повестях»), датированных X—XI веками, уходящий на бой воин-«буси» задерживает своего господина и военного предводителя:

«Служа тебе, готов я расстаться с жизнью; легче пуха она для меня. Доведись мне смерть ожидать с глазу на глаз с мятежниками, не повернусь я спиной к врагу, лишь бы жизнь свою сохранить».

В свою очередь, военные предводители «боевых холопов» (под какими бы наименованиями они ни выступали) были «лучшими из лучших», «элитой из элит» самурайской касты.

В основе самурайского военного искусства не лежало какой-то единой, четко, раз и навсегда сформулированной концепции. На протяжении столетий все новым поколениям самураев и военных предводителей «буси» приходилось сталкиваться со все новыми вызовами, новыми военными технологиями и, в первую очередь, новыми противниками, искать и находить адекватные ответы на эти вызовы. Изю всех изменений в сфере военного искусства «боевых холопов» ни одно не могло сравниться по значительности своих последствий с возрастанием роли японской пехоты на полях сражений, начиная с середины кровавого XVI столетия (впрочем, все другие столетия истории самурайского

сословия были, при ближайшем рассмотрении, не менее кровавыми). Нередко сводимый, в рамках весьма упрощенных концепций, только лишь к введению в употребление в Японии огнестрельного оружия («огненных трубок»), завезенных на Японские острова португальскими мореплавателями, этот гораздо более сложный и комплексный в действительности процесс повлек за собой принципиальные и фундаментальные изменения в области военной мысли, военного планирования и военного руководства, следствием чего стало возникновение совершенно иной модели управления самурайскими войсками, новой тактики, новых видов вооружения и значительного расширения, по сравнению с предыдущими эпохами, масштабов военных операций. Впрочем, обо всем этом будет еще подробнее сказано далее.

Поначалу Центральное Императорское правительство только наблюдало за тем, как на востоке Страны восходящего солнца, по ту сторону гор, набирают силы военные дома. Правда, порой оно осуждало незаконный захват земель предводителями самурайских военных отрядов и раздачу ими земельных наделов своим верным «боевым холопам», но к строгим запретам не прибегало (вероятно, прескрасно отдавая себе отчет в том, что в сложившейся обстановке никакие запреты все равно не соблюдались бы).

Но со временем ситуация начала приобретать все более угрожающий характер. Первоначально типичный феодальный «воинский дом» объединял под своей эгидой не более нескольких десятков самураев, однако крупные землевладельцы стали формировать внушительные самурайские отряды, насчитывавшие сотни и даже тысячи хорошо обученных «боевых холопов». Двумя самыми могущественными воинскими домами были давние соперники — кланы Тайра и Минамото. На протяжении XI—XIII вв. им удалось подчинить своему контролю громадные территории.

О ВОЙНАХ ТАЙРА С МИНАМОТО

В 935 году после Р.Х. японские «босвые холопы», во все большей степени осознававшие себя особым, привилегированным сословием, подняли вооруженное восстание (или, с точки зрения «Микадо», мятеж), впервые продемонстрировав Божественному Императору и его Центральному правительству свою силу. Зачинщиком мятежа «буси» был отважный предводитель самураев Масакадо (вошедший в историю средневековой Японии как «воин с золотыми рогами самца косули на шлеме») из воинского дома Тайра. Возмущенный тем, что Центральное Императорское правительство не назначило его начальником городской стражи Киото, он объявил свои владения (а также восемь провинций, находившихся к тому времени под его властью) независимыми от Империи, а затем («аппетит приходит во время еды») и сам дерзнул провозгласить себя императором¹. Лишь после ожесточенной, продолжавшейся целых пять лет, борьбы мятеж Масакадо Тайры² удалось подавить. Сам предводитель мятежа пал в битве при Китаёме (провинция Симоса, или, в старорусском написании, Шимоза) в 940 году. Для подавления самурайского мятежа Центральному Императорскому правительству пришлось, однако, за неимением собственных сил и возможностей, прибег-

¹ Причины мятежа Масакадо объясняются разными источниками по-разному. Судя по всему, все началось с того, что в ходе конфликта между двумя группировками придворной знати вспыльчивый самурай встал на сторону не брезговавшего никакими средствами чиновника по имени Окими Окиё. Его вмешательство привело к взятию штурмом нескольких правительственных ведомств. Успех операции, судя по всему, вызвал у Масакадо своего рода манию величия, ибо он присоединил к своим владениям провинцию Хитати (Хитаичи) и, вместе со своими союзниками, стал планировать дальнейшие завоевания на равнине Канто.

² Мы сознательно пишем «Тайры», а не «Тайра» (хотя в русскоязычной литературе господствует в этом плане разнобой).

путь, как мы увидим, к помощи другого представителя того же воинского дома — Садатори Тайры.

Масакадо Тайра родился предположительно в 903 году после Р.Х. (хотя какие бы то ни было подтверждения этого отсутствуют). Уже из его фамилии явствует, что он принадлежал к семейству Тайра — клану, возводившему свое происхождение к одному из потомков принца крови императорского дома, и одному из двух сильнейших самурайских «воинских домов», под знаком военно-политического соперничества между которыми прошли X и XI века японской истории. Юность Масакадо провел на службе у имперского регента Тадахиры Фудзивары в Киото, однако в 931 году возвратился в свою родную область Канто (расположенную ныне на территории столицы Японии города Токио), где вскоре вступил в открытый вооруженный конфликт с местными недоброжелателями. Некоторые из них, судя по фамилиям, принадлежали к клану Минамото (второму сильнейшему в тогдашней Японии воинскому дому, могущество которого все возрастало), а некоторые — к его же собственному клану Тайра. В 935 году Масакадо выиграл битву при Каване, однако на следующий год дважды потерпел поражение. Первое понесенное им поражение автор «Сёмонки» приписывает гневу богов, а второе — мучившей Масакадо болезни «бери-бери» (острой форме авитаминоза, вызванного недостатком витамина В), не позволившей доблестному отпрыску воинского дома Тайра надлежащим образом выполнить свою функцию военачальника.

Центральное Императорское правительство (а реально — регент из аристократического дома Фудзивара) направило других предводителей самураев, чтобы победить его. За дело особенно охотно взялись двое из них. Одним из них был родственник и давний враг Масакадо — Садамори Тайра, другим — Хидесато Фудзивара. Масакадо напал первым, и при этом поступил не очень-то «по-рыцарски». Он взял в плен супругу Садамори, которая была изнасилована воинами Масакадо, прежде чем он смог (или пожелал?) предпринять

что-либо для ее спасения. Этот досадный эпизод, естественно, еще больше усилил взаимную вражду, и когда «бусиданы» Масакадо и Хидесато сошлись на поле брани, сеча была жестокой. В 940 году Масакадо потерпел поражение в битве при Кавагути, а две недели спустя он дал врагам свой последний бой, положивший конец его карьере.

Этот последний бой, как уже говорилось выше, произошел при Китаяме (Кодзиме), в провинции Симоса. Масакадо попытался заманить своего сородича и супостата Садамори в засаду, однако тот не поддался на хитрость, сжег дома дружинников Масакадо и разрушил господский дом своего мятежного родственника. В разгоревшемся вслед за тем сражении было наглядно продемонстрировано превосходство конных самурайских лучников над пешими «буси». На основании сохранившегося описания битвы при Китаяме мы также можем составить себе представление о том, какую роль играли военные предводители самураев в подобных вооруженных схватках.

Обе стороны возвели перед фронтом своих войск заграждения из деревянных щитов для защиты от конных атак неприятеля. Эти (так называемые станковые) щиты, состоявшие из простых досок, имели с внутренней стороны деревянную же опору, однако, как видно, не отличались особой устойчивостью. Внезапно налетевший со стороны Масакадо ураганный ветер пронесся над щитами, за которыми укрылись пешие ратники Масакадо, и снес линию щитов, за которой укрылись пехотинцы его противников. Вслед за тем последовала конная атака сторонников Хидесато Фудзивары и Садамори Тайры, остановленная кавалерийской контратакой «буси» Масакадо. Но тут ветер, столь же внезапно, как и налетел, переменял свое направление. На основании текста «Сёмонки» можно заключить, что эта перемена направления ветра отрицательно сказалась на лучниках Масакадо (ветер стал относить в сторону стрелы, выпускаемые ими во врага). Интересно, что Масакадо, находившийся до этого в тылу своих войск (причем

даже не надевши доспехов и шлема) и руководивший боевыми действиями оттуда, теперь бросился в гущу схватки. Облечившись в шлем и доспехи, он погнал коня галопом в бой и стал сражаться. «Однако небесные силы были против него, его конь не летел, как ветер... сраженный стрелой одного из богов (? — В.А.) Масакадо погиб в одиночестве...»

Так завершил свой жизненный путь первый известный нам военный предводитель самураев. Масакадо Тайра был персонифицированным воплощением военного искусства самураев раннего периода, когда битвы были повседневным явлением, однако грабежи и поджоги имели не меньшее значение для успеха военного предприятия. С этой точки зрения личные способности военачальников имели менее важное значение, чем в эпоху последующих самурайских войн, в которых прославились на поле брани многие потомки Масакадо Тайры.

Масакадо Тайра был первым предводителем японских «боевых холопов», о котором до нас дошли более-менее подробные сведения. То, что он был весьма многоопытным воином, со всей очевидностью явствует из комментария в «Кондзяку Моногатари» (одном из японских «гункимоно», то есть воинских, или военных, эпосов, сборнике историй о стародавних событиях), посвященного одному из его военных походов. В комментарии говорится о том, что «Масакадо и его верные соратники использовали все без исключения средства ведения войны, чтобы уладить свои дела. Он сжег множество домов и убил множество мужей». Как и из другого «гукимоно», под названием «Сёмонки», посвященного, в отличие от предыдущего эпоса, исключительно мятежу Масакадо Тайры, из этого комментария совершенно недвусмысленно явствует, что прославленным воителям были свойственны некое особое величие и некая особая способность подчинять окружающих своей воле, что делало их выдающимися военными предводителями. Для автора «Кондзяку Моногатари» все самураи несли на себе отпечаток чего-то

«таинственного, свособразного и неисповедимого». Их невозможно было «мерить общим аршином», оценивать их личность и деяния посредством тех же критериев, что и всех прочих, обычных людей. В особенности сказанное относилось к военным предводителям самураев, которых «страшились во всей Империи», но которыми «еще больше восхищались за совершенные ими подвиги».

Мятеж Масакады Тайры служил наглядным свидетельством уже достаточно далеко зашедшего процесса развития провинциальной военной элиты, способной организоваться под руководством влиятельного местного самурайского предводителя. В созданных как Масакадо, так и его противниками альянсах, достаточно широких по своему охвату и численности участников, можно усмотреть типичный пример «воинского союза» — «бусидана». Эти группы «буси», составлявшие на полях сражений самурайские армии, оказывали решающее влияние на государственные структуры при императорском дворе в Киото (Хэйан). Соответственно, устанавливавшиеся между этими структурами и предводителями самурайских «бусиданов» связи, имевшие как военный, так и общественный, или социальный, характер, стимулировались и расширением роли провинциальной воинской аристократии, которой пребывавшие в далекой столице имперские регенты из клана Фудзивара делегировали свои полицейские и военные полномочия.

Судя по всему, этот процесс передачи полномочий «из центра на места» начался еще в IX веке после Р.Х., когда императорские комиссии, учрежденные и предназначенные изначально в целях набора стражников для охраны императорского дворца, потребовали, чтобы физически сильные землевладельцы становились «служащими», — а это слово является почти буквальным переводом слова «самурай».

Мятеж Масакадо Тайры можно рассматривать в качестве одного из наиболее ранних примеров и образцов военного искусства самураев в эпоху, когда многие из ассоциируемых

впоследствии с самураями традиций находились еще только в стадии формирования.

Важнейшей из этих традиций и, соответственно, самой важной в плане военного руководства «боевыми холопами» Страны восходящего солнца, была традиция самурая как конного лучника. Идея «пути воина», сформулированная по прошествии нескольких столетий, известная нам под названием идеи «бусидо», изначально формулировалась иначе, как «кюба-но мити» («путь лука и коня») или как «кюсэн-но мити» («путь стрелы и коня»). Позднейшая литература, технические и технологические достижения свидетельствуют об идее «меча как души самурая», однако в X столетии именно лук, а не меч, был главным самурайским оружием, именно искусное владение луком, а не мечом, делало из воина самурая. Одна из других военных повестей, содержащихся в сборнике «Кондзяку моногатори», подтверждает необычное для нас, привыкших ассоциировать самурая прежде всего с мечом, отношение самих тогдашних «буси» к мечу, по сравнению с луком. Как-то ночью «боевой холоп» Намицу Тасибана, вооруженный лишь мечом, подвергся нападению разбойников. Он принял боевую стойку, огляделся по сторонам и, не увидев нигде и следа лука, облегченно подумал: «Ну, по крайней мере, это не лук»...

Превосходство конного лучника над бойцом, вооруженным мечом, находило свое четкое и ясное выражение в доспехах и вооружении «боевых холопов» времен Масакады. Доспехи-«ёрои» (о которых у нас еще пойдет подробнее речь на дальнейших страницах нашего повествования), хотя и были несколько громоздкими для пешего боя, превращали конного лучника в защищенную надежной и прочной броней, хотя и не слишком подвижную, «боевую машину».

Вот как, например, описывается в «Хайкэ моногатори» вооружение знатного самурая Матагаро Асикаги, возглавившего войско Томомори Тайры в битве при Удзи с войсками сторонников враждебного клана Минамото (1180):

«Мататаро выехал на бой, облаченный в броню из красной кожи поверх “хитатарэ”¹ из красно-желтой, расшитой золотом парчи, шлем, украшенный огромными рогами, с инкрустированный золотом тати (меч) на бедре, двадцатью четырьмя стрелами с черно-белым пятнистым оперением на спине и луком, покрытым черным лаком и украшенным красными лентами, за спиной».

Вооруженное выступление Масакадо Тайры против Центрального Императорского правительства было лишь началом длинной череды военных мятежей «боевых холопов». И всякий раз Центральное правительство действовало по одной и той же схеме: чтобы подавить мятеж очередного воинского дома, оно обращалось за поддержкой к другим самурайским воинским домам. Но за оказанную помощь приходилось расплачиваться, идя на всевозможные уступки. Таким образом, японский императорский двор постепенно утрачивал реальный контроль над страной, тогда как набиравшее силу самурайское сословие от десятилетия к десятилетию становилось все могущественнее и надменнее. Конечно, самураи в описываемое время еще не оформились в тесно сплоченную социальную прослойку, преследующую общие цели. Наоборот, соперничество и кровавые распри между отдельными воинскими домами не прекращались ни на миг. Императорское правительство искусно играло на этой взаимной вражде, уходящей своими корнями в седую древность. Стоило только какому-либо из самурайских кланов взбунтоваться, как Центральное Императорское правительство тут же нанимало другие кланы самураев, чтобы их стрелами, копьями, мечами и глефами-«нагинатами»² подавить мятеж взбунтовавшегося

¹ «Хитатарэ» — военный халат (боевое кимоно).

² Обычно японское древковое оружие «нагината» (смысл названия которого переводят с японского языка на другие языки по-разному: либо «длинный меч», либо «разящая», «скашивающая», «срезающая под корень») сравнивают с европейской алебардой. Между тем «нагината» — клинок в форме изогнутого меча, или сабли, по всем ста-

рода «босвых холопов». Эта коварная (с точки зрения предводителей самурайских кланов), но весьма дальновидная (с точки зрения центральной власти) политика, вполне соответствовавшая знаменитому древнеримскому, византийскому и китайскому принципу «divide et impera» («разделяй и властвуй»), со временем привела к расколу окрепшего самурайского сословия на две большие группировки:

1. Военский дом Минамото (верный Божественному Императору, то есть фактически Центральному правительству, действующему от имени этого Божественного императора);

2. Военский дом Тайра (формально также верный Божественному Императору, но враждебный его «дурным министрам, обманывающим Небесного Государя», то есть, иначе говоря, Центральному Императорскому правительству).

Взаимная ненависть этих двух самурайских воинских домов и их союзников неудержимо нарастала. В XII веке противостояние Тайра и Минамото вылилось в бесчисленные военные походы и кровопролитные сражения. Эта жестокая борьба двух самурайских кланов за власть и богатство в конце концов привела Священную Империю Ямато к фактическому распаду на отдельные владения, свергнув Японию в кровавый хаос и принеся ее народу бесчисленные бедствия.

В долгой борьбе за власть между двумя крупнейшими самурайскими группировками поначалу верх взяли самураи воинского дома Тайра. В 1159 году на улицах Киото разыгралась кровавая решающая битва. Некоторые районы столицы, включая даже Священный Императорский дворец Санио, были сожжены дотла. Торжествующий победитель Киёмори Тайра жестоко расправился с побежденными сторонниками воинского дома Минамото. Предводители разгромленного наголову самурайского клана погибли во время бегства, были

тъям соответствует другому древковому оружию средневековой Европы — несправедливо забытой (хотя и широко распространенной в эпоху Средневековья и Возрождения) глефе.

казнены или покончили с собой, ввиду безвыходности своего положения. Именно к этому периоду относятся первые исторически засвидетельствованные (а не чисто легендарные и потому не поддающиеся проверке) упоминания о добровольном уходе знатных «боевых холопов» из жизни путем совершения над собой обряда «сэппуку», или «харакири», о чем будет подробнее рассказано на дальнейших страницах нашего повествования.

Покончив с Минамото, Киёмори Тайра отстранил от власти Центральное Императорское правительство. Священная персона императора Японии осталась, как всегда, неприкосновенной, но главным министрам Божественного Тэнно пришлось уйти в отставку. Следует заметить, что придворная знать «кугэ», связанная с Тэнно древними родственными узами и многовековой службой при императорском дворе, сочла претензии «низкороджденного» самурая, «какого-то Тайры», на верховную власть над Страной восходящего солнца неслыханными и возмутительными. Впервые «босвой холоп», воспринимавшийся утонченными столичными аристократами как «грубый, неотесанный дикарь, не знающий придворных церемоний и правил приличия», взялся заправлять делами в империи Ямато!

Однако Киёмори Тайра не обращал внимания на презрение, всячески выражаемое ему клеветами императорского двора из среды «кугэ». Победоносный предводитель «грубых и неотесанных» самураев учтиво, но оттого не менее настойчиво, потребовал от императора высшей правительственной должности — и получил ее. Затем Киёмори железной рукой навел порядок везде, где счел это нужным: в области очередности престолонаследия в императорской семье, в правилах получения государственных чиновниками должностей, в распределении государственных финансов и т.д. Но прежде всего Киёмори стремился возвысить свой собственный воинский дом. Первым успехом проводимой им политики стала женитьба Божественного императора Японии на дочери

Киёмори. Затем, в 1180 году, внук Киёмори Тайры от этого брака — Антоку, в возрасте всего трех лет от роду, взошел на японский императорский престол, став восемьдесят первым по счету Божественным Тэнно (если вести счет от императора Дзимму).

Последние годы жизни Киёмори Тайры были омрачены волной крупных восстаний против его единовластия и власти его воинского дома, прокатившихся по всей Стране восходящего солнца и подавленных им с крайней жестокостью. Тревожные вести приходили из восточных провинций, где сторонникам не уничтоженного окончательно воинского дома Минамото удалось вновь собраться с силами (не зря Минамото избрали небесным покровителем своего клана самого бога войны Хатимана, а один из самых доблестных представителей этого рода — Ёсиизэ Минамото — даже получил за свои боевые заслуги почетное прозвище «Хатиман Тароу», то есть «сын-первенец Хатимана»). Особенно успешно действовал Ёримаса Минамото (прославленный поэт, любимец императорского двора, и в то же время — непревзойденный стрелок из лука, и в этом смысле — истинный самурай, по легенде, насмерть поразивший своей меткой стрелой ужасное чудовище, наводившее почками страх на императорский дворец и даже нарушавшее покой и сон самого Божественного Тэнно). Потерпев поражение в упоминавшейся нами выше битве при Удзи в 1180 году, отважный Ёримаса Минамото, укрывшись, с горсткой уцелевших самураев, в храме Бёдо-Ин, окруженном сторонниками воинского дома Тайра, написал на своем боевом веере (об этом своеобразном предмете самурайского вооружения будет подробнее рассказано далее) свое последнее, предсмертное, стихотворение, после чего, подав личный пример своим верным соратникам, совершил обряд «сэппуку», распоров себе живот... Тем не менее в целом следует заметить, что Киёмори Тайра не удалось принять адекватные ответные меры против мятежников. Возможно, Киёмори просто не успел их принять, ибо его земная жизнь оборвалась в

марте 1181 года. На смертном одре он заклинал сыновей и внуков беспощадно расправиться со всеми предводителями и видными представителями воинского дома Минамото.

Смерть Киёмори подорвала силы сторонников воинского дома Тайра. Несмотря на отчаянные попытки сохранить свое бывшее военно-политическое могущество, они, в отсутствие прежнего талантливой предводителя, не сумели противостоять дальновидной тактике военных действий, избранной воинским домом Минамото, и терпели поражение за поражением. Тем не менее кровавая междоусобная война (так называемая «война Гэмпэй»), в которой обе стороны боролись с невероятным ожесточением, затянулась надолго. В 1182 году Ёсинака Минамото (1154—1184) захватил столицу империи Киото и провозгласил себя первым в истории Японии «сёгуном» в значении «верховный правитель»¹ (как уже упоми-

¹ Аналогичным образом обстояло дело и в Древнем Риме с титулом «император». Первоначально, в эпоху Римской республики, он носил чисто военный характер и присваивался любому полководцу, одержавшему победу в битве, после которой на поле брани оставалось более пяти тысяч неприятельских трупов. Когда число убитых врагов превышало пять тысяч, победоносные римляне переставали их считать и присваивали своему полководцу-победителю почетный титул «император» («повелитель»). В республиканский период римской истории титул «император» не давал тому, кому он был присвоен, никакой власти (которой бы он не имел до присвоения ему этого титула) и никаких привилегий, кроме права на триумф (и, соответственно, звания триумфатора) — в отличие, например, от (также республиканского по происхождению) звания диктатора (действительно являвшегося носителем верховной власти, однако избиравшегося лишь в экстремальных ситуациях, угрожавших самому существованию древнеримского государства, и на срок не более полугода). Но, начиная с Октавиана, внучатого племянника Юлия Цезаря (усыновленного последним), титул императора стал означать носителя верховной власти, хотя долгое время сохранялась память о его военном происхождении (так, например, даже в средневековой Византийской (Ромейской) империи, образовавшейся на месте античной Восточной

налось выше, термин «сёгун» восходит к древнекитайскому военному титулу «дзян-дзюнь» или «цзян-цзюнь», означающему «великий полководец — победитель варваров», что обычно не совсем точно переводится на европейские языки как «генерал»).

18 марта грозового 1184 года войска сторонников соперничающего с воинским домом Минамото военного дома Тайра (Хэйкэ) были дислоцированы в районе Ити-но-тани на морском побережье. Положившись на свою сильную самурайскую конницу, Ёсинака Кисо Минамото и Ёсицунэ Минамото решили одним ударом сокрушить противника раз и навсегда. Ёсицунэ (которого в этой битве, как и во всех его походах и сражениях, сопровождал, доблестно сражаясь, отважный буддийский воин-монах Бэйкэй)¹

Римской империи, вступление очередного императора на престол означивалось не его помазанием на царство в алтаре христианского храма, а тем, что воины поднимали его на щите).

¹ О монахе-воине Бэйкэе Мусасибо еще при жизни рассказывали легенды. При рождении он якобы весил двенадцать килограммов и был ростом с двухлетнего ребенка. Он не проиграл в жизни ни одного поединка и лишил мечей девятьсот девяносто девять противников, пока не встретился с пятнадцатилетним Ёсицунэ Минамото, в котором впервые нашел достойного противника. Бэйкэй поклялся верно служить ему до самой смерти. И сдержал данную клятву! Ёсицунэ, несмотря на свои заслуги в войне Минамото с Тайра, впал в немилость у своего старшего брата, главы клана, и пал жертвой гонений. Когда спасения уже не было, Ёсицунэ решил погибнуть с честью, совершив «сэппуку». Чтобы дать сюзерну возможность сделать это, верный Бэйкэй стал его живым щитом, не подпуская врагов к господину. Он пал, не дрогнув под градом стрел, повергнув в ужас врагов, которые долго не решались подойти ближе и продолжали стрелять в него, пока не поняли, что их стрелы вонзаются уже в мертвое тело.. О таких воинственных буддийских монахах (ни в чем не уступавших воинам-монахам духовно-рыцарских орденов христианской Европы и Святой земли) в написанном в эту же эпоху романе классической китайской литературы «Речные заводи» (пользовавшемся широчайшей известностью и среди образованных кругов тогдашней Японии,

сформировал ударную кавалерийскую группу из двухсот отборных тяжеловооруженных самураев, причем сам лично возглавил ее авангард, состоявший из тридцати самых лучших, опытных и сильных конных «боевых холопов». Внезапность являлась решающим для победы фактором, и потому Ёсинака Кисо Минамото приказал самураям спуститься по крутому склону Идти-но тани непосредственно перед неприятельской позицией. Потрясенный и изумленный летописец того времени отмечает с восхищением: «Шпоры тех, кто находился позади, почти ударялись о шлемы тех, кто находился впереди. Склон был песчаным, и они спускались вниз, на глубину около ста двадцати футов... Зрелище было столь ужасным, что они сделали это с закрытыми глазами». Этот образец беззаветной храбрости японских самураев вошел в многочисленные героические легенды и привел к тому, что «боевые холопы» клана Минамото стали, в лице своих предводителей, верховными правителями Страны восходящего солнца при формально всемогущем и самодержавном, но в действительности бессильном и безвластным (хотя и по-прежнему считавшемся Божественным) императоре.

Правда, военное счастье оказалось, как обычно, переменчивым, и в так называемой второй битве при Удзи в том же кровавом 1184 году Ёсинака Кисо Минамото, чей боевой конь увяз в рисовом поле, был насмерть сражен неприятельской

высшие сословия которой свободно владели и пользовались литературным китайским языком в качестве языка общения просвещенных людей в той же степени, что и образованные вавилоняне — шумерским, образованные ассирийцы — вавилонским, образованные римляне — греческим, а просвещенные люди европейского Средневековья — латинским) говорилось:

Железный посох грозного монаха

Путь храбрецу прокладывал вперед.

Стальной кинжал отважного монаха

Искоренял несправедливый род.

стрелой (присутствовавший при гибели Ёсиаки верный соратник и вассал бесстрашного воителя, благородный самурай Имаи Канэхира, покончил с собой).

Повествуя о доблестном Ёсиаке Кисо Минамото, нельзя не упомянуть хотя бы в нескольких словах его супругу (согласно другим хроникам — возлюбленную, а согласно третьим, не входящим в детали межличностных отношений — просто «девицу неописусмой красоты») Годзэн Томоэ, явившуюся редчайшим в истории «боевых холопов» державы Ямато и во всей японской военной истории примером «самурая женского пола», или, говоря по-нашему, «кавалерист-девицы».

Эта отважная «девушка-буси» сражалась в составе «бусидана» Ёсиаки Кисо Минамото во многих сражениях, поднося ему, как и самураи мужского пола, в качестве трофеев и наглядных свидетельств своих военных заслуг, отрубленные головы побежденных в честном рыцарском единоборстве противников. Когда военное счастье отвернулось от Минамото, Годзэн Томоэ хотела покончить с собой, но Ёсиака (возможно, руководствуясь не столько чувством жалости, сколько далеко не чуждыми самураям чисто эстетическими соображениями), лично настоял на том, чтобы столь же отважная, сколь и прекрасная «истинная дочь Ямато», сохранив свою жизнь, нашла спасение в бегстве.

Междоусобная война между двумя группировками «боевых холопов» бушевала до 1185 года, когда армия воинского дома Минамото в битве при Дан-но уре (бухте к востоку от современного города Симоносеки) наголову разгромила войска воинского дома Тайра.

Наконец самураи воинского дома Минамото смогли установить над Страной восходящего солнца власть своего военного «палаточного правительства» («бакуфу») с резиденцией в Камакуре, о чем уже шла речь выше и будет еще подробнее рассказано далее.

О КАМАКУРСКОМ СЁГУНАТЕ «БОЕВЫХ ХОЛОПОВ»

К описываемому времени уже сложился классический тип японского самурая — человека, совершенно искренне убежденного в своем неоспоримом превосходстве над всеми другими представителями «народа Ямато» (не говоря уже о «варварах», не сотворенных богами-«ками», в отличие от японцев, и, с этой точки зрения, в общем-то «не совсем людьми», если вообще людьми!) и ни на мгновение об этом не забывающего. В этом отношении (как и во многих других отношениях) японский «боевой холоп» не только напоминал, но и превосходил средневекового европейского рыцаря.

Подобно европейским рыцарям, самураи описываемого периода японской истории носили в бою эффектные доспехи, часто надевали причудливые плесмы с рогами и другими наплесменными украшениями-«клэйнодами», прикрывая лица защитными масками в форме стилизованного лица человека устрашающего вида или злого демона.

Коснемся этого интересного вопроса несколько подробнее.

Военное снаряжение японских «буси» описываемого периода во многом отличалось от доспехов современных им европейских рыцарей. Основные элементы и общая композиция лат самурая существовали в Японии уже в V—VI веках после Р.Х. Уже тогда самурайские доспехи, скрепленные кожаными или шелковыми шнурами, состояли из более чем двадцати отдельных составных частей, не достигая при этом в весе и двенадцати килограммов. По сравнению с доспехами европейских рыцарей они обеспечивали гораздо большую свободу движений, не говоря уже о разнице в весе. Японский военный костюм, имевший множество мелких отверстий, давал возможность телу «боевого холопа» свободно дышать, что было очень важно в жарком и влажном японском климате.

Разумеется, облачиться в такие доспехи было очень непросто. Поэтому был разработан целый ритуал облачения в

самурайские доспехи: сначала надевалось нижнее платье, затем шапочка и перчатки, затем напульсники, верхнее платье, иногда — набедренники («хаидатэ») и поножи («сунзатэ»), защищавшие ноги; затем обувь, панцирь и нашейник, защищавший шею. Шлем «буси» (всесивший в описываемую эпоху от двух до трех килограммов) надевался только в меру необходимости, перед самым боем, или во время торжественных церемоний, шествий и т.д. При помощи шнуровки можно было подогнать доспехи по фигуре и даже надеть одни доспехи поверх других (если, в силу каких-либо причин, возникала потребность в усилении их защитных функций).

Облачившись в такие доспехи, японский «босвой холопи» мог не только свободно сражаться в конном или пешем строю, бегать и даже плавать, но и был достаточно хорошо защищен — подвижная броня, как рыба чешуя, покрывала все его тело, ибо края составлявших пластин заходили друг на друга. В походе такие доспехи уже в описываемую эпоху складывались в небольшой по объему ящик. За сохранностью доспехов средневековые японские «буси» следили так же тщательно, как и за сохранностью своего оружия. Как правило, качественно изготовленные доспехи (не только стоившие очень дорого, но и имевшие, в буквальном смысле слова, «жизненно важное значение» для своих счастливых обладателей) передавались в самурайских семьях из поколения в поколение.

Особенно большое внимание японские «боевые холопы» стали уделять своим доспехам в период, наступивший после прихода к власти над Страной восходящего солнца военного сословия в лице Камакурского сёгуната. Самурай тех времен придавали огромное значение своему снаряжению, и в период Камакура ни один уважающий себя благородный японский «буси» не обходился без хотя бы легкого доспеха типа «харамаки» (нагрудника, оставляющего незащищенным спину). Более состоятельные «боевые холопы» владетельных князей державы Ямато приобретали себе более тяжелый вариант доспехов — «ёрои» (более богато украшенный доспех такого

типа, который носили в боях и походах самурайские военачальники, именовался «о-ёрои», то есть буквально «большой доспех»).

В защитный комплект «о-ёрои» обычно входили:

1. Шлем («кабуто») с маской и нащейником (защищавшим шею);
2. Панцирь («ко»);
3. Наплечники;
4. Нарукавники;
5. Наголенники;
6. Боевые башмаки.

Особенно замечательным произведением японского оружейного искусства тех времен был самурайский шлем — «кабуто»¹. Этот шлем, склепывавшийся из множества узких металлических пластин, имел форму колпака или полусферы. Сверху шлем «кабуто» нередко покрывался лаком или даже тонким слоем керамики. Удачная форма и угол наклона пластин «кабуто», прочность и устойчивость к удару такого шлема поистине не знали аналогов в оружейном искусстве.

К затылочной части шлема «кабуто» прикреплялись несколько горизонтальных металлических пластин, защищавших шею и несших изображение герба («мон») владельца. К передней части шлема крепился козырек и держатель «кувагата» — отростков, напоминающих рога (а иногда действительно имевших форму рогов быка, козла, самца косули, буй-

¹ Японские пехотинцы «асигару» — не принадлежавшие к сословию «боевых холопов» воины вспомогательных частей (приданных самурайским контингентам наподобие того, как части древнеримских «ауксилиарев» были приданы основной боевой силе — легионам), — носили упрощенные доспехи типа «окэгава-до», а вместо шлемов — круглые, широкополые, конической формы железные шляпы-«дзингаса» (напоминавшие имевшие аналогичную форму соломенные шляпы японских крестьян). Впрочем, богатые «даймё» не скупилась ни на вооружение своих «неблагородных» пехотинцев, ни на украшение этого вооружения — даже сербром и золотом.

вола или оленя). Отростки-«кувагата», помимо эстетической, обладали и чисто практической функцией — они ослабляли удары по шлему, служа своеобразными амортизаторами (кстати, «буси», уже не имевшие в эпоху Камакура щитов, часто использовали шлем-«кабуто» и как щит, сняв его с головы и отражая им стрелы противника, а иногда, если рога на шлеме были достаточно большими, длинными и острыми — и как дополнительное оружие ударного действия в ближнем бою — многие из наших читателей старших поколений, вероятно, помнят, как главный герой великолепного во всех отношениях двухсерийного японского художественного фильма «Знамена самураев», старый и хромой японский «буси» Кансукэ Ямамото, главнокомандующий «боевыми холопами» князя Сингэна Такэда, в последней битве с войском князя Кэнсина Уэсути ловко доблестно сражается с обступившими его врагами, держа в правой руке свой добрый самурайский меч, а в левой — свой увенчанный двумя длинными «кувагата» в форме буйволиных рогов, пока в глаз ему не вонзается роковая стрела, сорвавшаяся с тетивы неприятельского лука). Между отростками-«кувагата» крепились символические знаки, гербы-«мон» или особые магические (то есть наделенные, после произведения над ними определенных тайных обрядов, якобы колдовской силой) металлические зеркала, предназначенные для отпугивания злых духов-«они».

Изнутри шлем-«кабуто» красили в красный цвет. Навершие шлема венчала изящной формы розетка с вентиляционным отверстием. На голове самурая шлем-«кабуто» крепился с помощью двух шнуров-завязок. Перед тем как надеть шлем, «буси» повязывал голову специальной повязкой — «хатимаки» (служившей своеобразным подшлемником).

Как уже упоминалось выше, лицо «боевого холопа» под шлемом-«кабуто» нередко защищала маска «хоатэ» (или полумаска «хашпури»). В описываемый период эти маски-личины изготавливались на заказ и обычно воспроизводили черты лица своего хозяина, но только в несколько преувели-

ченно грозном виде. Они чем-то напоминали маски актеров театра «но». Иногда личина изображала не утрированное лицо владельца племени, а лик чудовищного дьявола («они»). Такая личина-«хоатэ» уже одним своим видом должна была отпугивать врагов (вспомните, уважаемые читатели, еще один «самурайский» фильм времен нашей молодости — «Онибаба», или, по-нашему, «Чертовка»)! Однако из-за ограничения обзора в бою маски большого распространения не получили и применялись в основном «даймё» или богатыми самураями-военачальниками (которым сравнительно редко приходилось лично участвовать в рукопашном бою), да и то лишь во время больших сражений. Сказанное в полной мере относится и к нашлемным украшениям — «маэдатэ», позволить себе которые мог далеко не всякий «боевой холоп» страны Ямато.

Корпус японского «буси» защищал панцирь «ко», состоящий из большой нагрудной пластины («до», то есть «панцирь», «нагрудник», «зерцало», «кираса») и набрюшника-«харамати». Последний дал название упрощенному варианту доспехов (защищавших только грудь, но не спину воина), который носили менее состоятельные «боевые холопы» и пехотинцы «асигару» (не принадлежавшие к самурайскому сословию). Спице «буси» защищала еще одна пластина, скрепленная с «ко» и «харамати» специальными шнурами. К нижней части этой защитной пластины крепилась кожаная или металлическая юбка-«кусадзури». Как и все доспехи самурая, эта защитная юбка состояла из нескольких прошнурованных полос-сегментов. Плечи «буси» были прикрыты широкими наплечниками, также состоявшими из пластин, а к груди самурайского панциря иногда прикреплялось металлическое кольцо, к которому, в свою очередь, крепился колчан-«эбира» со стрелами.

Все доспехи «боевого холопа» нередко обтягивались декоративной тканью определенного цвета или покрывались цветным лаком, что, вклиц с разноцветными шнурами, позволяло отличить своих самураев от «боевых холопов» неприятеля. Этой же цели служили и закрепленные за спиной «буси»

опознавательные флажки («касс-дзири», а впоследствии — «сасимоно»), имевшие обычно (но далеко не всегда) форму вертикального по отношению к древку прямоугольника, украшенные фамильными (или клановыми) гербами-«мон», эмблемами и иероглифическими девизами (типичным примером такого флага, дошедшего с самурайских времен до наших дней, является современный государственный флаг Японии с красным кругом Восходящего Солнца на белом поле, о чем еще пойдет речь далее). Порой на полотнище «сасимоно» изображалась личная эмблема его владельца (так, например, опознавательный флажок за спиной одного из военных предводителей самураев Северной Японии — Наримасы Сасы — был украшен черным изображением головы и верхней части туловища дьявола-«они» на белом поле). На белом полотнище «сасимоно» предводителя самураев Масасигэ Кусуноки (прикрепленного, между прочим, не к спинной части его доспеха, а к его правому плечу-«содэ»; такие опознавательные флажки именовались «содэ-дзири») был черной краской изображен не герб-«мон» самого доблестного «буси», всю свою жизнь сражавшегося только за самого Божественного Тэнно, не признавая над собой никаких других сюзеренов и господ и не обнажая меч ни за кого, кроме Микадо, а герб японского императорского дома — «хризантема над водой». Порой за спиной «буси» крепился не один, а два таких флажка, причем нередко на одном древке развешивалось, вместо одного большого, несколько флажков сравнительно небольшого размера. В отдельных случаях (например, у конных гвардейцев первого объединителя Японии полководца-христианина Нобунаги Оды из отряда «Черных дьяволов») эта пара плечевых флажков приобретала форму настоящих «крыльев», подобных крыльям за плечами конников турецкой Османской (Оттоманской) империи, литовских и польских гусар Речи Посполитой и конных телохранителей-«жилцов» московских государей).

Помимо перечисленных выше элементов защитного вооружения в комплект непременно входил металлический всер

в форме плоской лопатки на длинной ручке. Польза от этого веера была несомненной. В жаркое время веер использовался по прямому назначению, а в боевых условиях становился средством связи, сигнализации и управления войсками. Мало того! Иногда металлический веер превращался в средство защиты. Если вернуться к упомянутому выше художественному фильму «Знамена самураев», то многие из уважаемых читателей, наверно, вспомнят, как в четвертой битве при Каванакадзиме (1561) прославленный (главным образом благодаря военным талантам своего уже упоминавшегося нами выше выдающегося стратега и советника Кансукэ Ямамото, дослужившегося от простого «боевого холопа» до генерала-«тайсё», а затем и до главнокомандующего всеми вооруженными силами княжества Такэда — одного из сильнейших японских «удельных княжеств» периода феодальной раздробленности, правителям которого едва не удалось объединить под своей эгидой всю Страну восходящего солнца) князь Сингэн Такэда (1521—1573) успешно оборонялся, сидя на своем походном троне (представлявшем собой, собственно говоря, табуретку, обтянутую тигровой шкурой) от атакующего его на лихом вороном коне князя-рубаки Кэнсина Уэсуги (1530—1578), ловко отбивая своим металлическим веером удары боевого меча Уэсуги, пока не подоспела подмога и Уэсуги (являвшийся, кстати, «по совместительству», монахом буддийского духовно-военного ордена) не был вынужден ускакать прочь, так и не сразив своего — практически безоружного — соперника¹. Кстати, этот запомнившийся автору настоящей книги по сей день драматический эпизод вовсе не был плодом фантазии авторов фильма, а имел место в действительности, что подтверждается японскими историческими хрониками времен нескончаемых «войн всех против всех».

¹ Этот поединок между Сингэном Такэдой и Кэнсином Уэсуги, происшедший в ходе четвертой битвы при Каванакадзиме, был последним засвидетельствованным в японской военной истории единоборством между предводителями двух армий «боевых холопов».

Боевые всера (служившие военным предводителям самураев еще и в качестве символов власти и аналогичные, в этом смысле, европейским маршальским жезлам или буздыганам, булавам, перначам и насеком мусульманских, польско-литовских и казачьих полководцев) обычно богато украшались. Так, например, металлический всер князя-воителя Сингэна Такэды был украшен изображением созвездия, известного нам под названием Большой Медведицы, боевой всер Кагэкацу Уэсуги — изображением священного знака буддийской религии — свастики («мандзи») и т.д.

Доспехи конных «боевых холопов» дополняла большая защитная накидка-«хоро» (порой натягивавшаяся на бамбуковый каркас; в противном случае «буси» в бою нередко, в ущерб собственной безопасности, но для большего удобства, обматывали «хоро» вокруг бедер или пояса, чтобы она не мешала действовать им метательным или ударным оружием), крепившаяся за спиной у всадника, чтобы защитить «буси» от случайного попадания неприятельских стрел в щель между пластинами его брони. «Хоро» имела в длину около двух метров и крепилась на шее и талии самурая. Во время движения на лошади под порывами ветра «хоро» раздувалась, как парус, и гасила ударную силу попавших в нее стрел.

Конные «боевые холопы» средневековой Японии, естественно, заботились и о защите своих верных боевых товарищей-коней. Корпус боевого коня обычно защищали попоной из звериных шкур, на конской груди крепились с помощью шнуров металлические пластины, а на голову коня надевалась рогатая маска (конская личина, имевшая, например, вид бычьей, буйволиной или оленьей головы, а иногда — вид головы сказочного дракона — благо японские, китайские, корейские и индокитайские драконы изображались часто с рогами и головами, чем-то напоминающими лошадиные).

Мастера, изготавливавшие военное снаряжение, во все времена пользовались в Стране восходящего солнца огромным уважением и почетом — почти таким же, как кузнецы-

оружейники, ковавшие мечи. История допела до нас имена наиболее выдающихся, таких как представители рода оружейников Миотии, занимавшихся изготовлением военного снаряжения начиная с XIII века.

С течением времени, а также в связи с постепенным изменением жизненного уклада самурайского сословия, эти мастера меняли свой стиль. Пока в Стране восходящего солнца и за ее пределами шли нескончаемые войны, основное внимание достигших высочайшей степени мастерства японских оружейников было сосредоточено, в первую очередь, не на богатстве украшения доспехов «боевых холопов», а на их прочности и надежности. В мирное время, наоборот, главным стало декоративное оформление лат. Творения японских оружейников мирного периода по праву могут считаться подлинными шедеврами военного и ювелирного искусств одновременно.

Самураи сражались с диким неистовством, без тени колебания бросаясь в самую гущу схватки, не страшась смерти. Они предпочитали самоубийство плену. С побежденными врагами самураи могли поступать безжалостно или равнодушно, но порой — со снисхождением, состраданием и даже с уважением, то есть по-рыцарски. Личная честь и честь их дома были для них высшей ценностью. Глубочайшим позором считался бесчестный поступок — для самурая лучше было расстаться с жизнью, чем запятнать себя низким деянием.

Как уже говорилось выше, «война Гэмпэй» закончилась в 1185 году. Этот кровавый пятилетний междоусобный вооруженный конфликт ознаменовал собой последний предшествующий монгольско-китайско-корейскому нашествию триумф японского конного воина-самурая. В ту пору император и придворная знать еще питали надежду, что теперь, после триумфальной победы над воинским домом Тайра, воинский дом Минамото, их старый вассал и союзник, вернет им хотя бы часть утраченной верховной власти. Но они глубоко заблуждались. В действительности осознавший свое могущество глава одержавшего победу самурайского воинского дома Ёритомо Минамото (1147—1199) вовсе

не думал делиться властью ни с кем — даже с самим Божественным Тэнно (а уже тем более — с придворным окружением императора). Наоборот, он был твердо намерен навечно закрепить господство самурайского сословия над Страной восходящего солнца. Что касалось священной особы Тэнно, то Его Величеству императору надлежало и впредь оставаться божественным символом страны Ямато. Однако светская власть должна была навеки перейти к японским «боевым холопам».

После своей победы над воинским домом Тайра Ёритомо Минамото принял целый ряд репрессивных мер по укреплению собственной военной и политической власти. Как мы помним, в 1192 году Ёритомо объявил себя Верховным главнокомандующим — «сёгуном». Небольшой приморский городок (а если быть точнее, рыбацкое селение) Камакура (близ нынешней столицы Японии Токио), где размещалась его военная ставка, Ёритомо превратил в свою постоянную резиденцию, выстроив на месте никому не ведомой рыбацкой деревушки великолепный город. Камакура находилась в трехстах километрах северо-восточнее императорской столицы Киото, по ту сторону «японских Альп». Таким образом, старый мир императорского двора и новый центр самурайской власти должны были быть навсегда отделены друг от друга. Божественный император по-прежнему существовал, формально «царствовал» и пользовался всеобщим уважением, но отныне не принимал участия в управлении империей Ямато.

В 1192 году император Японии вынужден был официально утвердить Ёритомо Минамото в самочинно присвоенном тем самому себе звании «сэйитай сёгуна» — «великого полководца, покорителя варваров». В прежние времена этим титулом уже награждали особо отличившихся победоносных полководцев. Но сейчас этот древний титул, присвоенный Ёритомо и подтвержденный самим Божественным Тэнно, приобрел совершенно новое значение.

Отныне «сёгун» становился самым могущественным человеком в Японии — наивысшим по рангу самураем и главным

министром (главой правительства, по-нашему — премьером) в одном лице. Он один принимал решения — императору оставалось лишь утверждать эти решения (в противном случае Божественному Тэнно — при всем уважении! — непременно пришлось бы — увы! — «добровольно» отречься от прародительского престола). Чтобы придать вес своим политическим начинаниям, Ёритомо Минамото учредил в Камакуре новый орган управления Империей восходящего солнца — военное управление «сёгуната», именовавшееся, как уже говорилось выше, «бакуфу», то есть «палаточное (шатровое) правительство» (буквально: «полевая ставка»). Во главе «шатрового правительства», состоящего из двух палат (судебной и административной), стоял сам «сёгун». Отдельно существовало специальное Самурайское управление. Не только сам «сёгун», но и его министры или помощники были «боевыми холопами». Вследствие этого обстоятельства дух самурайского сословия проник во все сферы общественной жизни.

Будучи опытным полководцем, Ёритомо Минамото хорошо понимал, что недостаточно лишь отдавать подчиненным хорошо продуманные и четко сформулированные приказания. Необходимо было также добиваться их столь же четкого и беспрекословного выполнения. Для этого на все важные посты в провинциях — губернаторов, судей, управляющих государственными землями и т.д. — он назначал самураев, лично снискавших его доверия в годы «войны Гэмэй». Кроме того, в каждой провинции он учредил две новые должности:

1. Военного губернатора («сюго»), которому принадлежала вся военная и политическая власть;

2. «Земельного главы» («дзито»)¹, отвечавшего за все вопросы управления в своей провинции и за регулярный сбор налогов.

¹ Дзито́ («земельный глава») — название должности управляющего частным или общественным хозяйством в традиционной Японии XI—XIX ввек. Изначально «дзито» называли лиц, которые поднимали целину и по «Закону о пожизненной приватизации целины» на 743 года ста-

«Сюго» и «дзито» были независимы друг от друга, но оба подчинялись непосредственно «бакуфу». Им надлежало регулярно являться в Камакуру и обстоятельно отчитываться перед «палаточным правительством» за положение дел во вверенной им провинции. Таким образом, «сёгун» и министры подчиненного ему «бакуфу» были прекрасно осведомлены обо всем происходящем в стране и могли, в случае необходимости, своевременно принять решительные меры.

Камакурское государство с его учреждениями — «сёгунатом», «бакуфу» и военным управлением в провинциях — открыло новую главу в истории Японии. Хотя официально верховная власть в государстве Ямато по-прежнему принадлежала Божественному Императору, да и двор его сохранял свое влияние, господствующее положение они утратили. Никогда уже придворной аристократии «кугэ», чиновной знати,

новились её владельцами. В конце XI века, с целью уклонения от уплаты высоких налогов государству, эти землевладельцы стали дарить свои земли богатым аристократам и буддийским монастырям и, при условии уплаты невысокого налога, становились управляющими хозяйством подаренных участков. В XIII веке, после учреждения Камакурского сёгуна, термин «дзито» стал обозначать государственную должность, на которую с 1185 года назначали только с личного одобрения самого сёгуна. В обязанности этих чиновников входил контроль за частными именными («сёэн») аристократов и монастырей, сбор налогов, присмотр за соблюдением правопорядка и проведение судов на подконтрольной территории. После «войны Дзёкю» 1221 года, в которой придворные аристократы «кугэ» во главе с самим Божественным Императором выступили против сёгуна, число «дзито» было увеличено и давление центральной власти на частное землевладение усилилось. В XIV—XVI веках, во времена существования сёгуна Муромати, «дзито» жили в провинции и постепенно превратились в мелкопоместную локальную знать. Большинство из них пребывало в вассальной зависимости от военных губернаторов («сюго»). В XVII—XIX веках, во времена правления «сёгунов» из «военного дома» Токугава, должность «дзито» была сохранена. На неё назначали офицеров армии «сёгуна» — «хатамото», которых наделяли землёй в определённом провинциальном регионе и обязывали собирать с этого региона налоги.

не пришлось больше решать судьбы страны — на смену ей пришла воспная аристократия «боевых холопов».

Воспное правительство-«бакуфу», управлявшее Страной восходящего солнца из Камакуры, просуществовало около полутора столетий. Именно в период Камакурского сёгуната произошли две попытки нашествия на Японию татаро-монгольских завоевателей, покоривших Китай, но весьма быстро совершенно окитаившихся (хотя и оставшихся для «истинных ревнителей великоханьского духа» не китайцами, а «северными варварами», власть которых «истинные ханьцы» не прочь были свергнуть при всяком удобном случае, даже объединившись ради этого с очередными завоевателями, по принципу «враг моего врага — мой друг»)¹ и основавших на покоренной ими территории Срединного государства новую династию, получившую китайское название Юань («Корень»). Именно в эти годы решался вопрос: быть Японии или не быть...

«БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР», ИЛИ ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОГО ВИЗИТА (О двух неудачных попытках вторжения войск монголо-китайской империи Юань в Японию — в 1274 и 1281 годах)

В Японии, отделенной от Азиатского материка, в серии кровавых гражданских конфликтов, терзавших значительную часть населения островов на протяжении столетий, в описывав-

¹ Именно это произошло в ходе войны «Потрясателя Вселенной» Чингисхана с Северокаитайской империей (Цзинь), когда против цзиньского императора (не «ханьца», а чжурчжэня — то есть, с «истинно китайской» точки зрения, почти такого же «северного варвара», как монгол, или, по-каитайски, «мэнгу» Чингисхан — по происхождению), восстала его собственная гвардия, персбившая гарнизон столицы империи Цзинь — Пекина — и тем самым значительно облегчившая взятие Пекина монголо-татарскими войсками Чингисхана в 1215 году. Примеров подобного рода в многотысячелетней истории китайского «Срединного государства» («Поднебесной») было немало.

мос время процветал культ самурая как конного воина. Только самураи обладали привилегией сражаться верхом на коне и с презрением смотрели на пеших воинов, как на простолодинов. Как и татаро-монгольский всадник описываемой эпохи, тогдашний японский «боевой холоп» сражался в качестве конного лучника, но использовал местную разновидность большого лука, который был менее эффективным стрелковым оружием, чем составной (композитный) лук. В Японии описываемого периода война была значительно более ритуализированным и индивидуальным делом, чем те войны, которые велись массовыми конными армиями на континенте. Этот анахронизм оказался почти роковым для японцев, когда дважды — в 1274 и 1281 годах — доблестным, но менее сплоченным, чем их противники, армиям самураев пришлось сразиться с дисциплинированными массами войск татаро-монгольской династии Юань, воцарившейся к тому времени над завоеванным татаро-монголами и их союзниками Китаем.

В XIII веке многие народы мира трепетали перед грозным противником — кочевниками, вышедшими на покорение Вселенной из степей Монголии. За короткий срок монголы и покоренные ими народы, одержимые, если воспользоваться терминологией Л.Н. Гумилева, неукротимым «пассионарным духом», сумели создать громадную военно-деспотическую державу («Йеке-Монгол-Улус» или «Йеке Монгол»), простиравшуюся от Дальнего Востока до Адриатического моря. Составной частью этой созданной монголами (у нас их чаще обозначают изобретенным впоследствии искусственным псевдо-этнонимом «монголо-татары»; почему, будет рассказано далее) державы стали и территории, исконно принадлежащие китайцам (ханьцам).

«Они обогнали слух о себе. Потные, безбородые, с ночным птичьим уханьем бросились они, не спрашивая, кто впереди. Тело к телу и конь к коню, не давая подняться пыли из-под копыт, ехали монголы, и остановить их было нельзя... Монголы не знали других путей, кроме прямого, и это был самый правильный путь».

В таких возвышенных и в то же время зловещих выражениях характеризовал наш замечательный писатель, историк и востоковед М.Д. Семашко татаро-монгольских завоевателей в своей исторической повести «Емшан», посвященной мамлюкскому султану Египта — куману (половцу) Бейбарсу¹. Согласно утверждению Мориса Семашко, у монголов «были узкие равнодушные глаза, в которых совсем не было бога». Но так ли обстояло дело в действительности?

К середине XIII века в историю Земли Воплощения (Святой земли, т.е. Сирии и Палестины), долго служившей яблоком раздора между христианами и мусульманами, совершенно неожиданно вошла новая сила — татаро-монголы, с которыми отныне пришлось иметь дело как исламскому миру, так и ближневосточным государствам крестоносцев-«латинян» («франков» или «ферангов», как их именовали мусульмане; от этого слова происходит и древнерусское название романских народов — «фряги»). Предвестником появления монголов на Переднем Востоке стало вторжение в Святую землю хорезмийцев, отступавших из Центральной Азии на запад под натиском монгольских полчищ, разгромивших огромное, но многоплеменное и оказавшееся, в силу этого, внутренне непрочным государство Хорезмшаха Мухаммеда — сильнейшего из тогдашних мусульманских владык Востока. Любопытная деталь: незадолго перед этим багдадский халиф, считавшийся духовным владыкой всех мусульман (наподобие папы римского, считавшегося духовным главой всех римо-католиков, а теоретически — всех христиан в мире), но враждовавший с Хорезмшахом Мухаммедом, не погнушался направить послов к найманскому хану Кутлуку — христианину несторианского толка, покорившему племя кара-китаев (о которых у нас еще пойдет речь подробнее) и ставшему ненадолго их правителем-«гурханом», пытаясь нагривить его на Хорезмшаха (прямо

¹ По некоторым сведениям, мамлюкский султан Египта Бейбарс был не половцем (то есть кипчаком, или куманом), а черкесом.

скажем, не очень красивый поступок для «повелителя право-верных»).

Фактором всемирно исторического значения монголы стали впервые при своем знаменитом хане Темуджине (умершем в 1227 году), прозванном еще при жизни «Священным Воителем» и «Потрясателем Вселенной», подчинившем себе целый ряд азиатских народов (и потому принявшем титул Чингисхан, или, в другом написании, Чингиз-Хан, то есть «Хан, Великий, Как Море-Оксан»). В Европе монголов («моголов», «молов», «мунгалов», «моалов» тогдашних русских летописей) иногда называли также «татарами», по этнониму подчиненного монголам племени «тата(б)», или «татал», поставлявшего в войско Великого хана не только самых храбрых, но и самых свирепых и жестоких воинов, спаянных, однако, железной дисциплиной — впрочем, согласно мнению некоторых исследователей, в частности, Л.Н. Гумилева, татары и татабы были разными, хотя и родственными, монголоязычными народами, составлявшими единый этнический массив вместе с киданями (китаями, или кара-китаями), о которых пойдет речь далее. Первоначально сравнительно немногочисленный монгольский род Борджигин («Синеокие», «Голубоглазые» или «Сероглазые»), из которого происходил хан Темуджин, враждовал с татарами (именно татары отравили Есугея-багатура — отца будущего повелителя Великой Монголии). И только потерпев от «Священного Воителя» Чингисхана сокрушительное военное поражение, татары стали служить «Потрясателю Вселенной», играя в его завоевательных походах столь важную роль, что со временем военные противники Чингисхана и покоренные им народы стали именовать монгольских завоевателей и зависимые от них племена «татарами».

Еще чаще западные европейцы-«франки» (с легкой руки французского короля-крестоносца Людовика Святого) именовали монголов не «татарами», а «тартарами», то есть «исчадиями ада», «сынами преисподней» (по античному названию глубочайшей части подземного мира, в которой мучились

самые страшные грешники, например, богоборцы-титаны — Тартару; от слова «Тартар» происходит также наше выражение «провалиться в тартарары», то есть «низвергнуться на самое дно преспопдней»).

Изначально татары были южными соседями монголов. Между монголами и татарами долгое время шли казавшиеся нескончаемыми войны за водные источники, пастбища и табуны, пока монголы к середине XII века не добились перевеса в силах. До тех пор, пока гегемония татар была очевидной, монголы считались частью татар. Но уже в XIII веке татар стали рассматривать как часть монголов. При этом название «татар» в Азии исчезло (хотя именно «татарами» впоследствии стали именовать себя повожские тюрки — потомки волжских булгар и хазар, ставшие подданными созданной монголами Золотой Орды). Тот расовый тип, который ныне считается «монголоидным», был изначально свойственен именно «тата»-татарам. Древние монголы были, согласно свидетельствам летописцев и фрескам, найденным в Маньчжурии, высокорослыми, бородатыми, светловолосыми и голубоглазыми. Современный облик потомки тогдашних монголов приобрели вследствие смешанных браков с окружавшими их многочисленными низкорослыми, черноволосыми и темноглазыми племенами татар.

Кстати, и о древних тюрках китайские летописи также сохранили достаточно непривычные для нас сегодня описания:

«Тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами... суть потомки усуней» (европеоидного народа, населявшего на рубеже христианской эры Тянь-Шань, потомками которого, согласно Л.Н. Гумилеву, китайцы XVII века считали русских землепроходцев). Впрочем, довольно об этом...

Превосходно обученные, выросшие в седле татаро-монгольские всадники, вселявшие страх во все народы средневековой Азии и Европы, на своих маленьких, мохнатых лошадах, под белым «девятибунчужным» (то есть украшенным, по мнению одних исследователей, девятью черными

хвостами яков, а по мнению других — например, выдающегося востоковеда Ю.Н. Рериха — девятью белыми конскими хвостами) знаменем Чингисхана (согласно М.Д. Семашко, у монголов было «хвостатое знамя цвета теплой крови»), побеждали народ за народом, страну за страной. Наряду с тяжелой конницей, покрытой (вместе с лошадей) пластинчатой броней из толстой буйволоковой кожи и металла, вооруженной длинными пиками, мечами и саблями, основную ударную силу татаро-монгольской армии составляли мобильные конные лучники в многослойных стеганых ватных халатах «тегелсях», чья меткость наводила ужас на врагов и не раз решала в пользу монголов исход решающих сражений. Среди монголов (как и среди других степных народов описываемого периода) наибольшим распространением пользовались луки двух основных типов: «скифские» и «гуннские» («парфянские»). «Скифский» лук имел до одного метра в длину, гибкую центральную часть (рукоять), резко отогнутые назад и почти прямые плечи (приблизительно вдвое превышающие рукоять длиной), и не столько округлый, сколько угловатый изгиб, переходящий от рукояти к плечу. «Скифский» лук был сложносоставным, усиленным пучками сухожилий, с костяными и бронзовыми, нередко художественно оформленными, накладками. От «скифского» лука несколько отличался «гуннский» («парфянский») лук, имевший выгнутые с обеих сторон, широкие и глубокие внутрь плечи, разделенные посередине прямым бруском круглого сечения. Дело в том, что монголы (у которых военное обучение всех мальчиков начиналось с шестилетнего возраста), специально развивали у лучников определенные группы мышц. Для сравнения: считавшиеся лучшими в Европе прославленные английские (в том числе валлийские) лучники метали стрелы из своего знаменитого «длинного лука» («лонгбоу») в среднем всего на двести пятьдесят метров.

Основой организации монгольского войска была десятичная система: минимальной боевой единицей был десяток

воинов, из состава которого выбирался десятник. Десять десятков составляли сотню, командира которой (сотника) назначал тысячник. Десять сотен составляли тысячу во главе с тысячником. Более крупную войсковую единицу — «тумынь», или «тумен» (которую древнерусские летописцы именовали «тьма»), состоявшую из десяти тысяч воинов (во главе с темником) ввел Чингисхан, утверждавший темников в должности лично. Несколько «туменов» составляли корпус или отдельную армию.

Особой частью монгольского войска являлась личная гвардия каана — «кешиг», состоявшая из наиболее достойных и выдающихся воинов (причем Чингисхан включал в свою гвардию не только монголов и татар, но и представителей других народностей своей многоплеменной державы, исходя из критериев воинской доблести и личной преданности государю).

В монгольской армии имелись и части специального назначения. Согласно китайским источникам, воинственные вожаки и крепкие нукеры (дружинники) отбирались в специальные пятерки, находившиеся в непосредственном распоряжении командующего и именовавшиеся «войсками баатуров (багатуров, батыров, богатырей)».

В ходе войн с Китаем (представлявшим собой не единое централизованное государство, а разделенным к описываемому времени на три враждовавших не только с монголами и татарами, но и друг с другом империи — Цзинь, Сун и Си-Ся), в монгольской армии были созданы отдельные части технических родов войск: «артиллерийские», инженерные и даже военно-морские.

Как говорится в «Сокровенном сказании монголов», их «держава была основана на коне». Конские табуны являлись главным богатством монголов. Количеством лошадей монголы определяли силу войска. Соответственно, главным родом войск у монголов была конница, которая подразделялась на тяжелую и легкую. Тяжелая конница вела бой с главными силами неприятеля. Легкая конница несла

сторожевую службу и вела разведку. Она также завязывала бой, засыпая тучами стрел и тем самым расстраивая неприятельские ряды. Монголы отлично стреляли из луков даже со скачущего коня.

Структура войска монголов выглядела следующим образом. «Нойон» (восначальник) имел под своим командованием дружину «нукеров» («друзей»; любопытно, что «друзьями» — «гетайрами», «гетерами» или «этерами» — именовались также дружинники македонских царей, а впоследствии — воины отборных конногвардейских частей восточно-римских, или византийских, василевсов-императоров). Нукеры были, прежде всего, воинами, всегда готовыми к бою, и являлись ядром вооруженных сил племени. Постепенно нукерская дружина превращалась в гвардию, которая комплектовалась из представителей знати и из самых ловких, смелых и крепких воинов племени.

В основу организации войска была положена десятичная система. Войско делилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч («тумены», «тумыни», «тьмы»), во главе которых стояли, соответственно, десятники, сотники, тысячники и темники. Восначальники всех рангов всегда непременно имели отдельные палатки, резерв лошадей и оружия. Характерной особенностью и одной из главных отличительных черт монгольского войска было полное отсутствие колесного обоза. Допускались только повозка хана и кибитки особо важных лиц. Так, у одного из главных военачальников «Потрясателя Вселенной» Чингисхана — Субудай-Багатура (красочно описанного в одной из любимых книг нашего детства — историческом романе В. Яна «Чингиз-Хан» монгольского полководца по прозвищу «Барс с отгрызенной лапой») имелась окованная железом повозка китайской работы с бойницами, прорезанными в стенах (своеобразный прообраз современного бронетранспортера), в которой полководец «Потрясателя Вселенной» почевал, опасаясь подосланных убийц или внезапного ночного нападения врага.

Основным оружием монгола являлся лук, покрытый особым китайским лаком для предохранения от сырости. Изогнутый на обоих концах, монгольский лук достигал силы натяжения до восьмидесяти килограммов и давал убойную силу стреле на дистанции до трехсот метров при скорострельности около двенадцати выстрелов в минуту (как и у английских лучников описываемой эпохи). По свидетельству папского посланца ко двору Великого хана монголов — францисканского монаха Иоанна ди ПIANO Карпини (XIII век) и венецианского купца и путешественника Марко Поло (1254—1324), монгольские стрелы, обычно с орлиным оперением, без особого труда пробивали железную и даже стальную кольчугу. Каждый воин монгольского войска имел в запасе несколько луков и колчанов со стрелами. Монгольские воины были также вооружены копьями с железными крючьями, наподобие багров, для стаскивания противника с коня, применявшимися с аналогичной целью арканами, мечом (впоследствии — саблей), булавой. У некоторых монгольских всадников имелись также самострелы-арбалеты (китайского производства).

В качестве оружия средней дистанции боя «несущими смерть Чингиз-Хана сынами» широко применялись копьа и дротики. Наконечники копий были ромбической, листовидной и даже шлемовидной формы. Часто на копьях укреплялись вымпелы и знамена, увенчанные, в качестве навершия, изображением волчьей головы, часто изготовленной из драгоценных металлов. В конструкцию знамени (боевого значка), увенчанного металлической волчьей головой, входило и «туловище» («хобот») из ткани в виде открытого и отороченного фестонами длинного и узкого мешка, иногда расписанного чешуйками (как «драконо-головы» боевые значки древних сарматов и аланов, перенятые у них даже римлянами, а у римлян, в свою очередь, франками). Развеваясь на ветру, это волкоголовое знамя-«дракон» издавало звук, напоминающий волчий вой.

В качестве оружия ближнего боя большую роль играли боевые топоры с узким трапециевидным клинком и с рукоятью

длиной от шестидесяти до восьмидесяти сантиметров, которыми бились даже с коня.

«Несущие смерть Чипгисхапа сыны» активно использовали также рубяще-колошчатые мечи так называемого тюркского типа, с очень длинными рукоятками, с прямым обоюдоострым клинком длиной шестьдесят сантиметров и более. Использовали они и сабли — однолезвийное оружие, предназначенное для нанесения рубящего и в значительно меньшей степени колошчатого удара¹. Сабли делались из очень твердой, практически не поддающейся коррозии булатной и дамасской стали. Постепенно именно сабли стали излюбленным оружием ближнего боя не только монгольского и тюркского, но и всего Восточного мира (не считая разве что Китая, Кореи и Индокитая).

Защитное вооружение монголов изготавливалось из крепкой и толстой вареной буйволово́й кожи и покрывалось металлическими пластинами. Иоанн ди Плато Карпини описывал его в следующих выражениях:

«...защитные доспехи... изготовлены следующим образом: ремни из бычьей кожи или кожи других животных шириной в ладонь соединены по три или четыре веревками. Крепления верхних ремней привязаны к нижнему краю, в то время как шнурки следующих ремней связывают их посередине, и так далее таким образом, что когда воин наклоняется, нижние слои надвигаются на верхние и, таким образом, удваивают или утраивают ряды кожи, защищающей тело».

На голове всадники носили металлический шлем на толстой кожаной подкладке, часто — с кожаной бармицей. Лопатей также закрывали броней из кусков толстой кожи, за-

¹ С этой точки зрения, однолезвийные японские самурайские мечи «классической эпохи» фактически (в отличие от более ранних, прямых и обоюдоострых, японских мечей предшествующей возникновению самурайского сословия эпохи) являются, собственно говоря, не мечами, а саблями.

щищавшей их бока и грудь от ударов копий и стрел (хотя на китайских, персидских и японских миниатюрах описываемой эпохи татаро-монгольские боевые кони чаще всего изображены без этой брони).

Из снаряжения каждый воин монгольской армии имел небольшую палатку, два кожаных мешка-«турсука» (для воды и для сухого творожного сыра), а также большой кожаный круг с продеваемой по краям веревкой. Этот круг предназначался для форсирования водных преград. В такой круг обычно складывался весь скарб, затем круг затягивался в виде большого мешка (бурдюка), который привязывался к конскому хвосту и на который садился всадник. Таким способом монголы быстро форсировали водные преграды, не тратя времени на поиски брода или строительство моста.

Кроме того, каждый монгольский воин имел топор и запас веревок, чтобы тянуть повозки или пересвязывать временные укрепления из прикрепленных к кольям щитов. Для этой цели кольца и щиты заготавливались заранее и перевозились на запасных лошадях. Об обычае монголов класть тонко нарезанные полоски сырого мяса под потник коня, где мясо «засаливалось» естественным способом, рассказывали легенды еще при жизни каана Чингисхана. Когда иссякали запасы продовольствия, монголы пускали лошадям кровь и пили ее. Таким образом они могли продержаться без пищи до десяти дней. Вообще же монгольское войско снабжалось, прежде всего, за счет кочующих стад скота. Воины сами изготавливали себе копыя, стрелы и многие другие элементы своего снаряжения. Женщины обеспечивали отдых и питание, а в боевой обстановке нередко играли роль резервов, порой защищая свое имущество и тыл армии. Следует заметить, что одежда и способ передвижения монгольских мужчин и женщин мало отличались друг от друга. Поэтому обоз, состоявший из едущих верхом монголоков, мог быть с далекого расстояния принят неприятелем за большой резервный отряд.

Боевой порядок монгольского войска состоял из трех главных частей: правого крыла, центра и левого крыла. У каждой части боевого порядка имелся свой собственный авангард. Помимо этих трех корпусов, выделялся общий передовой отряд и резерв. Боевой порядок монголов обычно обладал значительной глубиной, а потому был устойчив и имел мощную ударную силу. Началу боевых действий предшествовала тщательная разведка. У монголов была превосходно налажена работа по разложению морального духа неприятеля, а также имелись всевозможные способы введения противника в заблуждение. Активно создавались продовольственные базы. Маршруты походов заранее пролагались по территориям с обильным травяным покровом, чтобы не иметь проблем с конским кормом.

Монголы всегда старались бить противника по частям. Широко практиковались засады, внезапные нападения, заманивание противника притворным отступлением (например, в битвах монголов с объединенным русско-половецким войском на Калке в 1223-м или с венгерским войском на реке Сайо в 1241 году), неожиданные контратаки. Монголы были весьма подвижны и хорошо маневрировали во время боя. Монголы то концентрировались и ударяли неприятелю во фланг или в тыл, то рассыпались и засыпали противника тучами стрел. Управление войском было организовано на самом высоком для того времени уровне. Специально назначенные люди отвечали за разведывательную, охранную и прочие службы. Широко применялись звуковые и световые сигналы, а также всевозможные разноцветные флажки (значки) для подачи сигналов в шуме и грохоте боя.

Управление боем производилось с особых командных пунктов.

Большое внимание монголы уделяли подготовке воинов. Мальчиков приучали к стрельбе из лука с трехлетнего возраста, подбирая им луки соответствующего размера. Каждый монгол был отличным кавалеристом. Особой школой войны «Потрясатель Вселенной» Чингисхан называл конную охоту.

Она проводилась обычно в самом начале зимы по всем правилам военного искусства: сначала высылались вперед разведка для определения наиболее богатых дичью районов, затем все войско выстраивалось в полный боевой порядок, охватывало весь район охоты и било зверя по старшинству.

«Потрясателем Вселенной» Чингисханом были составлены подробные инструкции для всех восначальников «Йеке Монгол Улуса», в которых указывалось, как нужно организовывать войска, как готовить их к сражению, как выигрывать сражения, как осаждать и брать города. Строжайшая дисциплина обеспечивала точное, неукоснительное выполнение приказов. Непослушание или ненадлежащее исполнение полученного приказа либо должностных инструкций (выражаясь современным языком) каралось самым суровым образом, вплоть до смертной казни. Перед каждым выступлением обязательно производился смотр, на котором проверялась исправность вооружения и снаряжения каждого воина — вплоть до последней иголки. На походе всаднику арьергарда грозила смерть, если он не поднимет предмет, оброненный кем-либо из передовых частей. Приговаривался к смерти и воин, не оказавший помощи товарищу в бою.

Монголы обычно были сильны при встрече с плохо организованным (хотя, как правило, не только весьма многочисленным, но и обычно превосходящим монголов численностью) противником. Поэтому их военные кампании часто характеризовались как войны без сражений, а сражения — без потерь. Одной из причин уклонения монголов от генеральных сражений была малорослость их лошадей, что было очень невыгодно при прямых столкновениях. Поэтому, сталкиваясь с серьезным противником, монголы старались применять свое мощное техническое оснащение, используя укрепленные лагеря и торсионные орудия, изготовленные китайскими и среднеазиатскими военными инженерами.

В период своего расцвета Монгольская держава «Священного Воителя» Чингисхана и его преемников из царственного

рода Борджигин простиралась от Тихого океана до Центральной Европы. Татаро-монголам же было суждено сыграть решающую роль и на заключительном этапе истории государств крестоносцев в Земле Воплощения.

В результате развернутой Чингисханом, а позднее — его сыновьями и внуками, политики неукротимой экспансии татаро-монгольские завоеватели достигли даже Восточной Европы, опустошив Русь, Венгрию, Силезию и Польшу. В оборонительном сражении с татаро-монголами при Лигнице (Легнице, Вальштагге) в 1241 году, в котором погиб весь цвет силезской народности, сложили свои головы также силезские иоанниты (госпитальеры), тамплиеры и тевтонские рыцари.

Как и многие другие народы, тесно связанные с природой, монголы эту природу обожествляли и были сильно привержены магии, однако (вопреки мнению Мориса Семашко) не были чужды также почитания Единого Всевышнего Бога и неземных сил. Так, их Верховное Божество именовалось «Хурмуста», «Хормуста», «Хормуста-тенгри», «Хормузда-тенгри» или «Хормуза-тенгри» (искаженное «Ахура-Мазда», «Арамазд», «Оромазд» или «Ормузд» — Бог Света и Добра древних зороастрийцев-маздеистов домусульманского Ирана). Любопытно, что и другие народы монгольского корня почитали Благого Бога Ормузда под различными, но сходно звучащими именами (так, к примеру, у маньчжур, или тунгусов, Бог Света и Добра именовался «Хормусда», у тувинцев — «Курбусту», у алтайских племен — «Курбустан» или «Уч-Курбустан», а у бурятских племен по-разному: «Хормустахан», «Хурмас», «Хюрмас», «Хирмус», «Хирмас», «Хёрмос» или даже «Тюрмас»). По авторитетному мнению Л.Н. Гумилева, монголы исповедовали другую ветвь древней иранской солнечной религии — митраизм (известный у тибетцев под названием «бон-по» или «бон»).

Монголо-татары не были религиозными фанатиками, и их третий Великий хан Менгу, Мэнгу, Мунгкё или Мункэ (1251—1259) с одинаковой терпимостью и благосклонностью при-

нимал участие в христианских, буддийских и магометанских празднествах. Единственное исключение, по авторитетному мнению Л.Н. Гумилева, веротерпимые «покорители мира» сделали для исповедников иудейской веры: «Только евреев монголы чуждались больше, чем китайцев. Освободив от податей духовенство всех религий, они сделали исключение для раввинов: с них налог взимали»¹. Очевидно, монголо-татары (подобно многим критикам иудаизма до и после них) просто не считали иудейских раввинов священнослужителями.

Сам же рыжебородый, сероглазый, голубоглазый или зеленоглазый — тюркско-монгольское слово «кок» («кёк», «геок») означает все три цвета — Чингисхан, ведший свое происхождение от красавицы Алангоо (или Алан Гоа, что означает «Прекрасная Аланка» — следовательно, прародительница «Потрясателя Вселенной» принадлежала к иранской народности аланов, или асов) и от божественного «Солнечного Луча» в облике светло-русого белокожего юноши, оплодотворившего его прародительницу через дымоход ее юрты посредством исходявшего от него божественного света (налицо своего рода параллель с христианским представлением о Непорочном Зачатии), поклонялся незримому верховному божеству под именем «Высшего (Всевышнего) Царя Тенгри Хормуза».

Монголы считали голубизну глаз и русые (рыжеватые) волосы членов рода Борджигин следствием происхождения от «Солнечного Луча». Об отличии внешности Борджигинов от прочих северных кочевников китайский летописец Чжао Хун писал:

«Татары не очень высоки ростом... Лица у них широкие, скулы большие... Борода редкая. Темуджин (Чингисхан. — В.А.) — высокого роста и величественного сложения, с обширным лбом и длинной бородой... Этим он отличается от других». Как и у прочих Борджигинов, глаза у Чингисхана

¹ См.: Гумилев Л.Н. Из истории Евразии / / Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. С. 126.

были «синие-зеленые или темно-синие... значок окружен бурым ободком». Короче, внешность у «Рыжебородого Тигра» была, судя по описаниям современников, самая что ни на есть «арийская», а точнее — «нордическая». А если учесть, что «Потрясатель Вселенной» Чингисхан носил золотой перстень со свастикой (подаренный через семь веков, в 1921 году, ургинским Богдо-Ламой освободителю Монголии от китайской оккупации русскому генерал-лейтенанту барону Р.Ф. фон Унгерн-Штернбергу, который был, подобно Чингисхану, русоволосым, рыжебородым и голубоглазым, что побудило монголов, принявших к тому времени буддизм в форме ламаизма, со свойственной этой религии верой в перевоплощения, считать барона перевоплощением, или реинкарнацией, своего знаменитого «Священного Воителя»), что из священнослужителей всех конфессий монголы проводили «политику религиозной дискриминации» только в отношении иудейских раввинов, что, по некоторым данным, в войске «Рыжебородого Тигра», в довершение ко всему, имелись знамена со свастикой, то... выводы можно, при желании, сделать самые далеко идущие. Не случайно, наверно, Адольф Гитлер как-то заметил, что «Чингисхан, несомненно, был арийцем, иначе он не был бы таким победоносным!» Но это так, к слову...

С христианством монголы (и татары) впервые познакомились через секту несториан («Церковь Востока»), распространившихся, через Персию, по всей Азии и проникших, таким образом, и в великое монгольское содружество народов. Еще до монголов христианство проникло в среду соседствовавших с ними народов Восточного Туркестана — тюркоязычных уйгуров, онгутов, гузов, чигилей (джикилей). В середине X века арабский ученый и путешественник Абу Дулаф упоминал о христианах, живших в районе нынешней китайской провинции Ганьсу, в основном в Турфанском оазисе, в районе Аксу, Карашар и Кочо. Пришедшие туда со своих исконных территорий, расположенных на берегах рек Толы и Селенги, и основавшие княжество со столицей в Бешбалыке, ставшее

впоследствии известным под названием «государства Кочо», уйгуры смешались с коренным населением (уже отчасти христианским). Известно, что еще в VIII—IX вв. в Кочо действовал храм христианской (несторианской) «Церкви Востока» (соседствовавший с комплексом буддийских святылиц).

В 1209 году уйгурское государство восточных христиан Кочо подчинилось Чингисхану, став его вассалом и военным союзником (в частности, в борьбе монголов против государства Хорезмшаха Мухаммеда, являвшегося, как уже говорилось выше, одним из сильнейших владык мусульманского мира). В 1275 году уйгурское государство вошло в состав улуса (удела) Джагатая (Чагатая), сына Чингисхана. Из путевых записок францисканского монаха-минорита Иоанна (Джованни) ди Плано Карпини, направленного папским престолом ко двору Великого хана (каана) монголов в тогдашнюю столицу монгольской державы Каракорум (Харахорин), явствует, что страна уйгуров воспринималась «франками» как страна христиан. Папский посол писал о них: «Эти люди суть христиане из секты несториан».

Христианство несторианского толка не позднее начала XIII века уже пользовалось широчайшим распространением среди по крайней мере двух монгольских народностей — карaitов (обитавших на востоке Центральной Азии и крестившихся в 1107 году) и найманов (обитавшей в западной части Центральной Азии ветви народности киданей, о которых подробнее пойдет речь далее).

Временами влияние несториан, активно использовавших в своей символике (часто — в сочетании с голубем или с двуглавым орлом) кресты «мальтийской» («иоаннитской») формы, а также уширенные кресты со свастикой (по-монгольски: «суувастик») в перекрестье, предвосхищавшие форму будущих Железных и Рыцарских крестов гитлеровского Третьего рейха (что, при желании, может побудить пытливых исследователей к еще более далеко идущим выводам, чем история с передачей свастичного перстня каана Темуджина барону Ун-

герну), становилось настолько значительным, что проникало даже в правящее каанское семейство, определявшее все и вся в Великомоңгольской империи потомков Чингисхана.

Так, христианкой несторианского толка была сноха самого Чингисхана, Сорхатани-беги — старшая и самая влиятельная жена Тулуя (Тули) — любимого четвертого сына Чингисхана, мать будущих монгольских каанов — Менгу и Хубилая (Хубилая, Кублахапа), также доброжелательно относившихся к христианам (причем не только из уважения к матери). Секретарем монгольского посольства, направленного в 1280 году кааном Хубилаем (ставшим к тому времени императором Китая) в Чипунгу (Японию), был христианин-уйгур, казенный, вместе со своими спутниками, японскими самураями «сиккэна» Токимунс за «не подобающие послу дерзкие речи» (если верить Л.Н. Гумилеву, то христианами несторианского толка были и послы, направленные монголами в 1223 году, перед битвой на реке Калке, к собравшимся в Киеве русским князьям — и также убитые ими). Среди останков воинов экспедиционного корпуса, направленного Хубилайханом в 1274 году на остров Кюсю и разбитого японцами (о чем еще будет подробнее рассказано далее), был найден стальной шлем монгольского восначальника, украшенный серебряным крестом. Папский посол к каанскому двору Иоанн ди Плано Карпини упоминает троих высокопоставленных чиновников («хапских нотарисв») при дворе Великого хана, являвшихся уйгурами-христианами. А в записках другого «франка» — фламандского монаха-минорита Вильгельма Рубруквиса (Рубрука или Рюисбрэка), также направленного в Ставку каана, но уже не папским престолом, а королем Франции Людовиком IX (об этом посольстве у нас еще пойдет речь далее), указывается, что хан Сартак (сын Батухана, или, по-русски, Батыея, внука Чингисхана) и секретарь хана Койяк были христианами, принадлежавшими к «Церкви Востока» (то есть несторианами).

Здесь нам представляется немаловажным подчеркнуть, что современные представления, согласно которым «Церковь Запа-

да» («Западная церковь») — это римско-католическая, а «Церковь Востока» («Восточная церковь») — греко-православная церковь, совершенно не соответствуют реалиям и представлениям христиан Средневековья вообще (и описываемой нами эпохи Крестовых походов — в частности). Тогда (даже после формального «раскола церкви», ознаменованного взаимным анафематствованием папы римского и патриарха Константинопольского в 1054 году) ВСЯ христианская церковь в пределах «ойкумень» (то есть бывшей единой Римской империи, включая ее восточную часть — Византию, и прилегающие к ней земли) продолжала считаться «Западной церковью» («Церковью Запада»), а «Восточной церковью» («Церковью Востока») считалась область распространения несторианства (существовавшего на землях, находившихся под властью нехристианских государей).

Коснемся, в данной связи, некоторых особенностей вероучения христиан несторианского толка. Несторианами именовались последователи особого восточно-христианского вероучения, основанного константинопольским патриархом Несторием (умершим в 450 году), отлученным от православной (то есть тогдашней единой вселенской, охватывавшей всю территорию как Западной, так и Восточной, Римской империи) церкви за ересь на Третьем Вселенском Эфесском соборе (431). По учению патриарха Нестория, «во Христе следовало разделять человеческую и Божественную природу», ибо он считал Иисуса «лишь человеком, ставшим Богом»; вследствие этого Несторий дерзал отказывать Пресвятой Деве Марии в наименовании Богородицы, именуя ее лишь «Христородицей». За это Несторий был смещен с поста и кафедры константинопольского патриарха и объявлен ересиархом (лжеучителем). Несториане, будучи изгнаны из пределов тогдашней православной (кафолической) Римской империи, переселились во владения ее извечных противников — персидских шахиншахов-маздеистов из династии Сасанидов (распространившись по всей территории Персидской монархии — вплоть до Средней Азии, Памира и Китая).

В настоящее время последователями несторианского вероучения, некогда весьма широко распространенного, являются малочисленные сирийцы-айсоры, безо всяких оснований считающие себя потомками древних ассирийцев, являющиеся в действительности потомками древних арамейев и проживающие главным образом в Северном Ираке.

На Западе сразу же осознали значение татаро-монгольского фактора для развития событий в тогдашнем мире. Римские папы пытались через миссионеров оказывать влияние на завоевателей мира. Но и светские христианские государи стремились, путем заключения союза с татаро-монголами против исламских государств, добиться облегчения положения Святой земли, которую все еще надеялись отвоевать у сарацин. Именно поэтому и папа римский Иннокентий IV и король-крестоносец Людовик IX Французский, начиная с 1245 года, несколько раз пытались через миссионеров из монашеских орденов доминиканцев и миноритов установить контакты с верховным повелителем монголов. При этом послы, помимо дипломатических и религиозных поручений, естественно, получали и специальные задания в области разведки.

Почему же крестоносцы, короли и папы римские связывали с пришельцами из далекой Центральной Азии надежды на возможность сокрушить в союзе с ними мусульман?

Поводом к этим (как вскоре оказалось, тщетным) надеждам послужило событие, произошедшее в Средней Азии еще в середине XII века. В 1141 году войска могущественного среднеазиатского мусульманского правителя (которому фактически подчинялся даже аббасидский багдадский халиф — духовный владыка всех мусульман, или магометан), турка-сельджука, султана Санджара (вошедшего в историю под именем «последнего Великого Сельджука») были разгромлены в битве на Катванской равнине (севернее Самарканда) кара-китаями (именуемыми также китаями, кара-киданими, или просто киданими) под предводительством Елюя Даши.

Кара-китаи, выходцы из Южной Маньчжурии, родственные по языку современным тунгусам (эвенам или эвенкам), а также нанайцам, еще в VIII—X веках основали в Восточной Азии обширное государство, импновавшееся в китайских летописях «Империей Ляо» или «Великим Ляо», которое подчинило себе к концу X века всю Маньчжурию, Северный и Центральный Китай до реки Янцзы и монгольские степи Центральной Азии. В начале XII века империя Ляо была сокрушена китайцами, вступившими для этого в союз с чжурчжэнями (чжурчженями), другой народностью тунгусско- (эвено-) маньчжурского корня, создавшей в Северном Китае собственную империю Цзинь (Кинь, или Кин).

Вытесненные китайцами и чжурчжэнями из Восточной Азии и Монголии, кара-китаи захватили территорию между Монгольским Алтаем и хребтом Алтын-Таг (частично осев в предгорьях Алтая под именем найманов, упоминавшихся нами выше), проникли через горные проходы в Центральный и Западный Тянь-Шань, в прибалхашские степи, в бассейн реки Сыр-Дарья, и, разгромив, как говорилось выше, в 1141 году мусульманские войска «последнего Великого Сельджука», раздвинули свои владения до Аму-Дарьи. Так к середине XII века в Средней Азии и на западе Центральной Азии возникло огромное кара-китайское государство Кара-Кидань во главе с «гурханами», слухи о котором распространились по всей Азии.

Кара-китаи не были мусульманами. В то же время не существует никаких достоверных доказательств того, что они были христианами, что среди них имелись более-менее многочисленные или влиятельные группы христиан, или что хотя бы один из киданьских правителей-«гурханов» в середине XII века принял христианство — хотя Л.Н. Гумилев в своем труде «Несторианство и Древняя Русь» утверждает (со ссылкой на крупнейшего отечественного востоковеда В.В. Бартольда), что среди кара-китаев имелся «некоторый несторианский элемент», что «кара-китайские гурханы действительно покровительствова-

ли христианству и даже в такой традиционной твердыне ислама, как Кашгар, учредили несторианскую митрополию» (при патриархе-католикосе «Церкви Востока» Илии III), что сын и внук разгромившего мусульман гурхана Елюя Даши носили христианские имена (Илия и Георгий), и т.д.

Во всяком случае, Елой-Чуцай, потомок киданьской династии Великого Ляо, знаменитый «премьер-министр» Чингисхана, судя по описаниям, был полностью китаизированным конфуцианцем (а согласно Л.Н. Гумилеву — буддистом). Но западноазиатские христиане смешивали кара-китаев с караитами (кэраитами) — монгольским племенем (известным также под названием «черных татар»), чьи правители за несколько десятков лет до победы кара-китаев над сельджуками в Катванской битве под Самаркандом (1141) действительно приняли христианство несторианского толка. Сходство между ними и, соответственно, путаница, усугублялись еще и тем, что христиане-караиты в XIII веке покорили кара-китаев и основали на кара-китайской территории свое собственное государство, в свою очередь, покоренное Чингисханом.

В середине XII века христианский правитель караитов именовался китайским титулом Ван-Хан (по-китайски слово «ван», созвучное христианскому имени Иван-Иоанн, означало «царь», «король» или «князь царствующего дома»). Известие о том, что после разгрома мусульман-сельджуков в Средней Азии немусульманами возникло новое обширное, и притом не мусульманское, а враждебное мусульманам государство во главе с Ван-Ханом, было воспринято в христианской западноазиатской среде как известие о победе, одержанной над мусульманами могущественным христианским «Царем (Царем-Попом, Попом) Иваном» (которого крестоносцы французского происхождения — «франки» — именовали «Жаном» или «Жеаном»), а крестоносцы германского происхождения — «Иоанном» или «Иоганном»).

Чуть позднее это путаное известие было приукрашено дополнительной легендой о том, что победоносный среднеазиат-

ский царь-христианин был в то же время и священником (первосвященником или пресвитером). Такой «Царь-Священник» весьма напоминал упоминавшегося в Библии святого праведного «Царя-Священника» Мелхиседека, «Царя Салимского» (Иерусалимского), считавшегося прообразом Самого Господа Иисуса Христа и причастившего ветхозаветного патриарха Авраама хлебом и вином после победы над царями язычников, что как бы вводило его в орбиту борьбы между христианами и мусульманами за Иерусалим и всю Святую землю. В первой же дошедшей до нас (датированной 1145 годом) записи о «Царе Иване» германского епископа Оттона Фрейзингского (Фрейзингенского) среднеазиатский победитель мусульман был назван «Царем-Священником Иоанном». Летописец при этом добавил, со ссылкой на письмо некоего сирийского католического епископа в Рим, что «Царь-Священник Иоанн» после победы над мусульманами (которых «франки» именовали «сарацинами») якобы двинулся из Средней Азии на запад с намерением оказать помощь созданному западными крестоносцами-«латинянами» («франками») в Святой земле христианскому Иерусалимскому королевству, дошел до реки Тигр, но там остановился, не имея плавсредств для переправы через реку.

По прошествии нескольких лет большой популярностью среди крестоносцев и даже в самом Риме пользовалось фантастическое «письмо Пресвитера Иоанна», якобы отправленное им византийскому императору Мануилу I Комнину (вольное переложение его содержания вошло в золотой фонд древнерусской литературы под названием «Повести об Индейском царстве»). Когда же, в результате монгольских походов, были разгромлены в Средней и Западной Азии мусульманские государства и в Западную Европу проникли достоверные сведения о наличии среди татаро-монголов немалого числа христиан и об охотном зачислении монгольскими ханами христиан-чужеземцев к себе на службу, «франки» вспомнили о «Царстве Пресвитера Иоанна (или «Попа Ивана») далеко на Востоке» и решили всерьез попытаться разыграть «монгольскую карту».

Тем более, что татаро-монголы еще в 1242 году наголову разгромили в битве при горе Кесе-Даг семидесятитысячное мусульманское войско султана турок-сельджуков Кей-Хосрова II (которым, как это ни странно, командовал самый что ни на есть православный христианин — грузинский князь Шервашидзе, абхаз — или, выражаясь языком древнерусских книжников и летописцев, «обежанин» — по происхождению, из рода Чачба, доблестно павший под монгольскими мечами)! После разгрома турок татаро-монголами при Кесе-Даге земли сельджуков были настолько опустошены пришедшими из Центральной Азии «несущими смерть Чингисхана сынами», что к 1307 году сельджукский Иконийский султанат — этот столь грозный еще недавно враг ближневосточных «франков» («латинян») и «ромсев» (православных греков-византийцев) развалился на части. А изгнанные «латинянами» из Константинополя в 1204 году православные «греки» (основавшие в Малой Азии Никейскую империю — преемницу империи Византийской) заключили с монголами — врагами мусульман — военно-политический союз.

На фоне этих грандиозных военно-политических катаклизмов оказалось почти незамеченным современниками возникновение на обломках Сельджукского султаната независимого княжества (бейлика) турок-османов (названных так по имени своего предводителя Османа — вождя маленького кочевого рода, выделившегося из состава большого огузского племени Кайы). Впрочем, история возникновения Османской (Оттоманской) державы выходит за рамки нашего повествования.

Как уже упоминалось выше, король-крестоносец Людовик IX Французский направил в качестве посла к враждебного мусульманам татаро-монголам монаха-минорита Вильгельма Рубруквиса, прибывшего, после полного опасных приключений и лишений путешествия, в 1254 году ко двору каана и принятого самим Менгу. Рубруквис застал татаро-монгольского владыку пребывавшим в готовности напасть на мусульманские государства Западной Азии, не изъявившие желания до-

бровольно признать себя вассалами монголов, и уничтожить их. Друзья Менгухана уже были его вассалами, своих врагов он намеревался истребить или превратить в своих вассалов.

В 1256 году многочисленное, состоявшее в значительной степени из восточных христиан несторианского вероисповедания, татаро-монгольское войско под командованием хана Хулагу, брата каана Менгу (сына христианки и женатого на христианке) перешло в наступление на Запад. Первоочередной целью и задачей похода монголов был разгром опорных баз могущественной мусульманской секты шиитов-ассасинов (подозревавшихся татаро-монголами в убийстве Джучи, старшего сына Чингисхана, а по иным источникам — в убийстве другого сына «Потрясателя Вселенной» — Джагатая, или Чагатая), расположенных в Персии, и их главной крепости Аламут. Ассасины (именовавшиеся также батинитами и низаритами) были членами тайного мусульманского гностического ордена, выделившегося из измаилитского крыла шиитского течения ислама, так называемой секты карматов, пытавшихся добиться своих политических целей — господства на всем Востоке, а в перспективе и во всем мире — главным образом посредством интриг и убийств. В отличие от названия «измаильтяне», применявшегося христианами ко всем мусульманам без исключения, как потомкам библейского Измаила, сына праотца Авраама (Ибрагима) от Агари, «измаилитами» принято обозначать шиитских сектантов, именовавшихся так в честь другого Измаила — седьмого пресмника высшего шиитского святого — «хызрата» («хазрета», «хезрета») Али.

Карматы-измаилиты (которых именовали также «батинитами» — от арабского слова «батин», означающего «внутреннее», «скрытое», «тайное», «эзотерическое»), внешне выдавая себя за правоверных мусульман, втайне проповедовали, что все дозволено, все безразлично, распатывая самые основы религии Магомета утверждениями, что все его заповеди являются чисто политическими правилами и поучениями под покровом аллегорий.

Багдадским халифам в свое время потребовалось целое столетие на уничтожение многочисленных шаек карматских анархистов. Когда карматское движение было, казалось, уже окончательно подавлено, один из карматских старейшин, так называемых «даисов», по имени Абдалла, выдававший себя за правнука Али — мужа Фатимы, дочери пророка Мухаммеда (Магомета) — бежал в Египет, где ему сопутствовал такой успех, что он, захватив власть, смог основать там династию Измаилитов, или Фатимидов, властвовавшую с 909 по 1171 год и свергнутую султаном Саладином. Измаилитские сектанты, возведя этого первого Фатимида на египетский престол, превратили его в свое покорное орудие, являясь на протяжении трех с половиной веков истинными хозяевами Египта и Туниса. Они повсюду основывали тайные ложи, под названием «собраний мудрости», в которых имелось девять степеней посвящения. Обучение в ложах велось так, чтобы привести учеников к полнейшему скептицизму. Учение секты измаилитов сводилось к тому, чтобы «ни во что не верить и на все дерзать».

Каирская ложа измаилитов распространяла свое тайное учение при посредстве «даисов» («великих миссионеров»), имевших под своим началом «рафиков» («товарищей», «рядовых миссионеров»). «Рафики» и «даисы» наводнили всю Азию. Один из «даисов», Гассан ибн Саббах, основал новую ветвь этой секты — восточных измаилитов, которых и прозвали несколько позднее «ассасинами». Это название произошло от их обычая приводить себя в кровожадный экстаз гашишем и другими наркотиками. В данном случае речь идет о первом (исторически засвидетельствованном) целенаправленном использовании галлюциногенных препаратов с целью массового зомбирования людей. От гашиша соплеменники стали называть их «гашишинами», а «франки»-крестоносцы — искаженным словом «ассасины».

Тайное учение ассасинов сводилось к теории полного нравственного безразличия, вседозволенности и к чистому

атеизму. Однако во всей своей полноте оно открывалось лишь ассасинам, достигшим высших степеней посвящения в своей секте, в то время как основная масса их приверженцев, принадлежавших к низшим степеням, посредством туманного мистического вероучения держалась в состоянии беспрекословного, слепого повиновения вышестоящим. Владычество ассасинов опиралось не на обширные земельные владения или огромные массы войск, а на безусловную преданность и фанатическое презрение к смерти массы рядовых приверженцев секты — фидаинов («борцов-мучеников за веру»). Укрытиями и военными базами им служили отдельные неприступные крепости, разбросанные по Ирану, Ираку и Сирии.

Не открытая война, а тайные убийства упрочили власть этой секты международных террористов, очень скоро возмущившейся даже против фатимидских халифов Египта, чью династию они в свое время привели к власти. Среди жертв ассасинов числились фатимидский халиф Египта Амр ибн Мустали, аббасидские багдадские халифы Мустаршид Билл-лах и его сын Рашид, сельджукский султан Ирака Дауд, падишах гурджийцев Гуршасф, падишах Мазандерана Горбазу ибн Али ибн Шахрияр, сын азербайджанского атабека из рода Эльдегезидов Аксонкор Ахмедиль, главный везир сельджукского султана Низам-аль-Мульк, его сыновья Ахмед и Фахр аль-Мульк, везир султана Баркьярука — Лбу ль-Фатх, князь Раймунд I Антиохийский, маркграф Конрад Монферратский, старший сын Чингисхана Джучи, или Зучи (а согласно другой версии — средний сын Чингисхана Джагатай, или Чагатай) и многие другие владыки Переднего Востока. Брат Конрада Монферратского, Райнер, сумевший на службе у византийского императора (василевса) Мануила I Комнина (предполагаемого адресата упоминавшегося выше послания пресвитера Иоанна) дослужиться до важнейшего в Восточной Римской империи титула кесаря и получить в жены сестру василевса Марию, платил ассасинам регулярную дань — плату за сохранение жизни.

В лагере римско-германского императора и короля иерусалимского Фридриха II Гогенштауфена при осаде Милана был схвачен посланный убить его ассасин. Сельджукский султан Санджар (по другим версиям — халиф багдадский) отказался от военного похода против ассасинов, обнаружив наутро воткнутый в свое ложе возле подушки кинжал с запиской от Гасана ибн Саббаха следующего содержания: «То, что воткнуто в твоё ложе, может быть воткнуто и в твоё сердце». Король английский Ричард Львиное Сердце лишь чудом избежал кинжала ассасина.

Целый ряд ближневосточных правителей был вынужден регулярно вносить ассасинам плату за сохранение собственной жизни. Как и для современных исламистских (и не только!) террористов, для ассасинов было характерно величайшее презрение как к жизни других, так и к своему собственному существованию — презрение, вытекавшее из систематически проповедуемого им учителями «уничтожения всякого страха и всякой надежды». Эти свойства последовательно прививались вождями ассасинов той группе их последователей, которая специально предназначалась для осуществления убийств. При этом во многих случаях использовался и самый грубый обман. Но главное значение имело постоянно и обдуманно проводившееся давление на разум, непреодолимое для кандидатов в фидаины — детей и подраставших юношей, заботливо ограждавшихся от других впечатлений и влияний.

Глава сирийского филиала секты ассасинов, именовавшийся «Горным Старцем», «Стариком с Горы» или «Старцем Горы» («Горным Шейхом», по-арабски: «Шейх-аль-Джебейль»), имел обширный дворец, расположенный высоко в горах, где и воспитывал похищенных у родителей юношей-фидаинов, считавших себя его сыновьями, в слепом повиновении своей воле. В нужный момент их, по его приказу, усыпляли и переносили в «сады Джиннат» («райские сады»), где они могли предаваться всевозможным наслаждениям, обещанным Магометом в Коране правоверным мусульманам за

гробом. Дивные благовония, самые лучшие вина и яства, мелодичная музыка, красивейшие женщины под видом райских гурий опьяняли чувства юных несофитов, разжигая в их душах сильнейшие страсти.

Засим он вручал им кинжалы и посылал убивать. Чтобы втереться в доверие к будущим жертвам, фидаинам позволялось для виду даже менять веру. Поступая в телохранители государя, обреченного «Старцем Горы» на физическое уничтожение, они, после многолетней верной службы дослужившись до самых высоких должностей и нередко войдя в число приближенных, пользовавшихся полным доверием «предназначенного к ликвидации объекта», получив соответствующий сигнал, в нужный момент убивали своего подопечного, не боясь при этом смерти — ведь, успев вкусить еще в этой, земной, жизни «загробное блаженство», фидаины нисколько не сомневались в том, что рай за гробом, молитвами «Горного Старца», им обеспечен.

О том, насколько слепо ассасины, проникшие в Палестину практически одновременно с первыми крестоносцами и укрепившиеся в сирийских горах, повиновались своим начальникам, наглядно демонстрирует следующий исторический анекдот эпохи Крестовых походов.

Генрих, граф Шампанский и король Иерусалимский, посетил однажды «Горного Старца» в одной из его крепостей, где на каждой башне нес охрану ассасин в белом одеянии. «Государь, — обратился “Горный Старец” к королю Иерусалимскому, — я готов побиться об заклад, что ваши люди ни за что не сделают для вас того, что мои люди охотно сделают для меня». Произнеся эти слова, шейх подал знак рукой, и тотчас же двое из несших караул на башнях фидаинов в белых одеяниях бросились вниз и разбились насмерть о камни у основания крепости. Войдя в крепость, король Иерусалимский обратил внимание на торчавшее из стены железное острие. «Я покажу вам, Государь, как здесь исполняют мою волю, — сказал “Горный Старец”. По его знаку несколько ассасинов один за

другим бросились на это острие и погибли на глазах короля крестоносцев, который, наконец (хотя этот лихой рубака, уж конечно, не был слабопервой барышней и в своей жизни не смотрелся всякого!), не выдержав этого зрелища, попросил «Горного Старца» прекратить дальнейшие «опыты».

Но, как говорится, «пришли несущие смерть Чингисхана сыны и прекратили все эти ассасинские безобразия»...

Татаро-монголы взяли штурмом (а по некоторым сведениям — измором) главную карматскую крепость Аламут («Орлиное гнездо»). Ассасинов, под предлогом переписи, согнали в кучу и всех перерезали. Говорят, что при этом погибли тысячи ассасинов. Сына последнего шейха ассасинов («Горного Старца»), Рукн-эд-Дина (пришедшего к власти, перешагнув через труп родного отца), держали в Ставке хана Хулагу, пока монголы, силой или хитростью, не завладели остальными ассасинскими твердынями в Иране, Ираке и Сирии, а затем отправили в ставку Великого хана монголо-татар, но по дороге убили (согласно некоторым источникам, Рукн-эд-Дин все-таки был доставлен в каанскую Ставку, однако Великий хан Менгу не пожелал его принять, и отцеубийцу-ассасина убили уже на обратном пути).

Следующей целью монгольских завоевателей была столица аббасидских халифов — сказочно богатый город Багдад (название которого означает, в переводе с персидского языка, «Богом данный» или «Дар Бога»). К описываемому времени халифы багдадские практически утратили над всякую реальную власть, кроме духовной, над мусульманским миром, выполняя сначала при сельджукских султанах и азербайджанских атабеках, а позднее — при египетских султанах, роль, сравнимую с ролью средневековых японских Микадо-Тэнно при «сёгунах» — носителях реальной власти.

Тем не менее халиф багдадский Мустасим (подобно папе римскому в Италии) по-прежнему владел своей собственной территорией, защищать которую от татаро-монголов (к священной войне — «джихаду» или «газавату», — с которыми, как с

нечестивыми «Яджуджами и Маджуджами», то есть демоническими «Гогами и Магогами» — предшественниками наступления конца света, он призвал всех правоверных мусульман) и от поддерживавших татаро-монголов вспомогательных христианских (армянских и грузинских) военных контингентов — даже послом к халифу хан Хулагу направил не монгола и не татарина, а своего союзника — армянского князя! — не решился встать во главе своего собственного войска, попавшего в искусно расставленную татаро-монголами ловушку и практически уничтоженного до последнего человека.

Сам аббасидский халиф — «Тень Бога на Земле», не осмелившийся выйти на бой с врагами ислама (к войне с которыми неустанно призывал своих правоверных подданных), был, по приказу хана Хулагу, по одной версии, зашит в мешок и забит до смерти палками; по другой версии — плотно завернут в ковер и затоптан до смерти монгольскими лошадьми; по третьей — привязан к хвостам четырех диких коней и разорван ими на части; по четвертой — брошен живым в огромную полую башню, доверху заполненную пеплом, в котором задохнулся; по пятой (приведенной в книге венецианского купца и путешественника Марко Поло, много лет служившего каану монголов Хубилаю в далеким Китае и объездившего все татаро-монгольские владения — о нем у нас еще будет подробно рассказано далее), заточен ханом Хулагу в своей собственной сокровищнице, богатства которой пожалел потратить на наемное войско, достаточное для отражения монгольского нашествия, и уморен голодом среди бесчисленных сокровищ — и все это лишь для того, «чтобы не проливать публично кровь владыки правоверных»!

В 1261 году султан Египта Бейбарс (поднявшийся на вершину власти выходец из среды воинов не арабского происхождения, известных в Стране пирамид под именем «мамелюков») пригласил единственного уцелевшего после разорения Багдада монголами Аббасида — дядю (по другой версии — не дядю, а брата, или самозванца, выдававшего себя за таково-

го) убитого монголо-татарами халифа Мустасима — к себе в Каир, где и провозгласил его халифом всех правоверных. С тех пор мамелюкские султаны Египта рассматривали присутствие в египетской столице Каире (Аль-Кахире) аббасидских халифов как гарантию законности своей собственной власти. После разгрома мамелюков и завоевания Египта турками-османами в 1517 году последний аббасидский халиф был вывезен в Стамбул (так турки называли Константинополь), где и отказался от своего халифского титула в пользу турецкого султана Селима I, считавшегося с тех пор (по крайней мере, формально) не только светским, но и духовным владыкой почти всех мусульман мира (придерживающихся суннитского толка ислама). Его власть не признавали только шииты, считавшие своим главой персидского шаха, да уцелевшие измаилиты, считавшие (да и по сей день продолжающие считать) таковым Ага-Хана, потомка последнего «Горного Старца».

Взятие столицы багдадских халифов татаро-монголами вселило страх в сердца всех мусульман тогдашнего мира (кроме разве что измаилитов и других шиитов) и радость — в сердца азиатских христиан. Торжествуя, они неустанно восхваляли падение «Второго Вавилона» (так христиане называли Багдад, в отличие от «Первого Вавилона», то есть Каира), и даже величали монголо-татарского хана Хулагу (превратившего дворец казенного им халифа в резиденцию католикоса-патриарха несториан) «Вторым Константином», отомстившим врагам Христовым за унижения и слезы христиан. Следует заметить, что к описываемому времени татаро-монголы уже захватили два крупнейших города тогдашней «ойкумены», принадлежавшие мусульманам и не уступавшие по размеру и богатству самому Константинополю — Самарканд и Бухару. Теперь, после падения Багдада, в руках мусульман остались только три сравнимых по размеру и богатству города — Дамаск (в Сирии), Каир (в Египте) и Кордова (в Испании). Все эти города входили в «первую пятерку» мегаполисов, известных тогдашнему христианскому миру, в то время как круп-

нейшие города «франкской» («латинской») Европы — Париж, Венеция и даже Первый (Ветхий) Рим на Тибре! — значительно уступали им во всех отношениях, входя, по мнению Л.Н. Гумилева, разве что в «третью десятку»...

Первым среди государств, расположенных на восточном побережья Средиземного моря, в полной мере осознало важность вторжения татаро-монголов на Передний Восток (Левант) для борьбы с исламом Армянское христианское царство (королевство), расположенное в Киликии, давно тесно связанное с левантийскими государствами крестоносцев. Царь Хетум (Гетум) Армянский по собственной инициативе отправился с богатыми дарами ко двору каана монголов Менгу. Хетум получил от Менгухана ярлык (жалованную грамоту), утвердивший его во владении Киликийским королевством и одновременно провозгласивший его главным представителем христиан всей Западной Азии. Наряду с гарантией неприкосновенности жизни и имущества населения Киликийского царства армянскому царю были выданы монголами тарханные (охранные) грамоты для церквей и монастырей, освобождавшие их от уплаты налогов и податей. В результате татаро-монгольских «желтых крестоносцев» благословил на Крестовый поход против мусульман не только несторианский патриарх-католикос, но и другой католикос — патриарх армян-монофизитов.

Попытка армяно-килийского царя Хетума заключить союз с татаро-монголами, с целью окончательного предотвращения исламской угрозы христианским государствам Переднего Востока, нашла положительный отклик у всех тамошних христиан. Зять царя Хетума, князь Бозмунд Антиохийский, первым из правителей «франкских» государств присоединился к армяно-монгольскому военному союзу. Оба христианских государя со своими войсками (а также православные грузинские воинские контингенты) влились в ряды татаро-монгольской армии вторжения и приняли участие в походе хана Хулагу на мусульман. В качестве награды за верность татаро-монголы возвратили Бозмунду Антиохийскому целый

ряд отнятых у него прежде сарацинами городов и замков, в том числе Латакию (Лаодикею), со времен султана Саладина находившуюся под властью мусульман.

Совместный поход христиан (крестоносцев-католиков, армян-монофизитов и православных грузин) в союзе с монголами-несторианами против мусульманской Северной Сирии начался в сентябре 1259 года. После недолгого сопротивления ими был взят город Халеб (Алеппо). В соответствии с монгольской практикой, весь гарнизон и все мусульманское население города были вырезаны (впрочем, согласно некоторым источникам, из мусульман перебили только суннитов, а шиитов пощадили). После алеппской резни по всей магометанской Сирии распространились страх и ужас. Султан Дамаска даже не осмелился защищать свой город от татаро-монголов и в панике бежал в Египет, а перепуганные горожане 1 марта 1260 года без боя (по авторитетному мнению Л.Н. Гумилева — не без боя, а после героического, хотя и непродолжительного, сопротивления) открыли ворота завоевателям. Начиная с 635 года, когда халиф Омар, друг основателя ислама пророка Мухаммеда (Магомета), отвоевал этот город у православной Византийской империи для мусульман, прошло более шестисот лет, в течение которых ни один христианский государь еще не вступал в Дамаск победителем. С падением Дамаска, казалось, наступил конец власти ислама над Азией. В Дамаске, как и повсюду в Западной Азии, татаро-монгольское завоевание ознаменовало собой начало восстановления позиций местного христианства. Начавшийся процесс возрождения был, однако, прерван и обращен вспять тремя событиями чрезвычайной важности.

Первым из них была последовавшая в 1259 году внезапная смерть каана монголов Менгу, вторым — военное столкновение между татаро-монголами и мамелюкским Египтом, неудачное для татаро-монголов, третьим — головокружительный взлет египетского восначальника Бейбарса, ставшего в скором времени, перешагнув через труп своего предшественника Ко-

туза, новым султаном Страны пирамид. После падения Дамаска татаро-монголы направили в Каир посланника с требованием беспрекословно подчиниться власти своего Великого хана. Однако султан Котуз, выслушав татаро-монгольского посланника, велел, недолго думая, обезглавить его вместе со свитой «за дерзкие речи, не подобающие послу ко двору великого государя». Незадолго перед тем аналогичный поступок с татаро-монгольским посольством стоил царства и головы куда более могущественному мусульманскому государю — Хорезмшаху Мухаммеду (знакомому людям моего поколения, прежде всего, по одному из любимых исторических произведений нашего детства — уже цитировавшемуся нами выше историческому роману В. Яна «Чингиз-Хан»). Отныне война татаро-монголов с последней еще не покорившейся им великой исламской державой стала совершенно неизбежной.

Если бы не внезапная смерть каана Менгу, татаро-монгольская конница, насчитывавшая (по сведениям современников, как всегда, несколько преувеличенным) не меньше ста тысяч сабель, при поддержке крестоносцев-католиков, монофизитского армянского войска, православных грузинских отрядов и практически всех христиан Востока, воспрянувших духом в ожидании скорого крушения господства исламского полумесяца, в короткий срок захватила бы Египет и подавила там всякое сопротивление власти татаро-монголов. Однако смерть каана всех татаро-монголов в корне изменила ситуацию, и Хулагу отреагировал на нее, как в свое время хан Бату, полководец бывшего каана Угедея и покоритель Восточной Европы. Когда Батухан в 1241 году, опустошив Польшу и Нижнюю Силезию, получил известие о смерти каана Кеке Монгол Улуса в далеком Каракоруме-Харахорине и о созыве курултая¹, он немедленно повернул со своим войском назад в

¹ Курултай (курултай, хурал) — совет ханов всех монголо-татарских племен (созывавшийся, в частности, для выборов нового Верховного хана — каана — Йеке Монгол Улуса).

Монголию, чтобы успеть на совете ханов закрепить свои завоевания за собой и своим родом в качестве удела. Так и Хулагу после смерти Менгухана, также опасаясь за свою власть, с большей частью своих войск отступил на Восток.

Оставшаяся в Сирии часть татаро-монголов, во главе с отважным полководцем Китбугой (найманом, то есть киданем, или кара-китаем, по происхождению), исповедовавшим христианство, сражавшимся под знаменем с изображением Святого Креста (который многие монголы-христиане носили и на шлемах) и повсюду возившим за собой несторианских священников, выступив в так называемый «Желтый Крестовый поход» для освобождения от мусульман Иерусалима, сошлась с мамелюками султана Котуза (которыми командовал его будущий преемник Бейбарс) в битве под Айн-Джалутой, неподалеку от Наблуса (3 сентября 1260 года). Численное превосходство мусульман сыграло на руку мамелюкам. Монгольский военачальник Китбуга был взят сарацинами в плен и, после категорического отказа отречься от Христа, обезглавлен. Вторая битва Бейбарса — уже в качестве султана Египта (за прошедшее время он успел устранить утратившего бдительность Котуза) — с «желтыми крестоносцами», при Хомсе (10 декабря 1260 года), также окончившаяся поражением монголо-татар, лишила их власти над Сирией. Из отрубленных мамелюками голов монгольских батыров Бейбарс велел сложить высокую пирамиду (видимо, в знак уважения к своей новой египетской родине и памятуя об имевшей хождение среди египтян с древнейших времен пословице: «Все на свете боится времени, но время боится пирамид»). Впоследствии, в подражание Бейбарсу, аналогичные пирамиды из отрубленных голов своих побежденных противников возводил в разных частях своей державы отдаленный потомок Чингисхана — другой «Потрясатель Вселенной» (хотя и являвшийся, в отличие от своего знаменитого предка, ревностным исповедником суннитской версии ислама) среднеазиатский завое-

ватель Темир-Аксак-Хан (Тимур, Тамерлан, Тимур-Ленг, Ленк-Тимур, то есть «Железный Хромец»)¹.

Мамелюки, победе которых способствовали и происходившие во многих случаях нападения рыцарей ордена Храма (храмовников-тамплиеров) на отдельные татаро-монгольские отряды (чем при этом руководствовались ближневосточные тамплиеры, нам неизвестно — возможно, желанием отомстить за гибель своих средневековых собратьев по ордену в битве с татаро-монголами под Лигницей в 1241 году?), окончательно присоединили Сирию к Египту, что ознаменовало начало конца существования не только «франкских» («латинских»), но и вообще всех христианских (например, киликийского Армянского царства и православной Византийской империи) государств на Переднем Востоке. Впрочем, некоторые современники событий и позднейшие историки высказывали сомнения в справедливости выдвигавшихся против сирийского филиала ордена тамплиеров обвинений в нападении на татаро-монгольских крестоносцев (в общем контексте приписывания рыцарям Храма тайного сговора с мусульманами и измене делу Креста), поскольку как король иерусалимский, так и папский престол, которому подчинялся весь орден тамплиеров в целом, были жизненно заинтересованы как раз в скорейшем установлении военно-политического союза с татаро-монголами.

Особенно усердствовал во всевозможных обвинениях по адресу тамплиеров, как изменников христианскому делу и заклятых врагов всех татаро-монголов, Л.Н. Гумилев. Правда, он же указывал, что плененный чехами, разбившими татаро-

¹ По одной из легенд, Тамерлан (так его преимущественно именовали «франки») в годы юности был разбит со своим небольшим отрядом врагами и брошен ими в глубокую яму. При этом он сломал ногу. Извлеченный из ямы на свет божий друзьями, Тамерлан затем хромал всю жизнь (сломанные кости ноги неправильно срослись) и велел оковать себе изувеченную ногу железом (от этого якобы и произошло его прозвище — «Железный Хромец»).

монголов в сражении при Ольмоуце (Оломоуце) в 1241 году монгольский предводитель оказался... рыцарем ордена тамплиеров по имени Питер, то есть, по-нашему, Петр (или, по-монгольски, «Пета»)! А уж советский исторический романист А.К. Югов в своей любимой всеми нами в детстве дилогии «Ратоборцы» раздул данный эпизод до размеров целой зловецкой эпической саги о коварном рыцаре-тамплиере Джоне Урдюе Пете, втершемся по поручению ордена Храма в доверие к золотоордынскому хану Берке и постоянно настраивавшем хана против благоверного князя Александра Невского (пока князь его не придушил). Чему тут верить? Как говорят: «темна вода во облацех...»

В 1287 году ильхан Аргун, татаро-монгольский хан Персидской орды (потомок Чингисхана и Хулагухана), предпринял еще одну попытку заключить военный союз с «франками» против мусульман. Бар Савма, наместник католикоса-патриарха несторианской «Церкви Востока», снабженный ярлыком (грамотой) ильхана Аргуна как его полномочный представитель, был направлен в «земли ромеев» — к французскому королю Филиппу IV Красивому, английскому королю Эдуарду I и к папе римскому Николаю IV — с поручением договориться об организации нового Крестового похода с целью вытеснения мусульман из Палестины и Сирии. Попытки создания антимусульманской коалиции между европейским «Христианским миром» и тататро-монголами, известными своим сочувствием христианам, и угроза нового «Желтого Крестового похода» не замедлили вызвать ответную реакцию со стороны мусульман.

Еще в 1281 году, после смерти хана Абагана, право его сына Аргуна на престол ильханов было оспорено братом покойного Абагана, ханом Тегудером, ставшим орудием в руках мусульман. Тегудер принял ислам под именем Ахмеда и воцарился в 1281 году. Он сразу же обрушил репрессии на своих подданных-христиан, как сторонников Аргуна. А в 1291 году, после смерти Аргуна, в Персидской Орде разгорелась новая

междоусобица, в ходе которой погибли ханы-хулагуиды Гейхату и Байду и правители сменяли друг друга со скоростью разноцветных стеклышек в калейдоскопе. Особенно враждебен христианам был эмир Навруз. Несториан грабили и всячески притесняли, превратив немало христианских храмов в мусульманские мечети (подобно тому, как при хане Хулагу христианские церкви превращали, окропив их предварительно святой водой, мечети Багдада, Дамаска, Халеба и Хомса). В 1295 году воцарился сын Аргуна, Газанхан (бывший правитель Хорасана), безуспешно пытавшийся нормализовать ситуацию, но вынужденный в конце концов принять ислам. Христианская «Церковь Востока», пользовавшаяся дотоле покровительством татаро-монголов, известных своей враждебностью к мусульманам, сама стала объектом их вражды. Так оказался упущенным уникальный исторический шанс...

Если бы татаро-монголам удалось прорваться в Египет, то восточнее Марокко очень скоро не осталось бы крупных исламских государств. Мусульмане Азии были слишком многочисленны, чтобы, при тогдашнем уровне развития техники массового уничтожения (несмотря на имевшийся, в частности, у татаро-монголов, хотя и не только у них, богатый опыт в этой области!), быть истребленными поголовно, но, потерпев поражение от татаро-монголов, они наверняка утратили бы свое господствующее положение на Востоке навсегда (или, во всяком случае, надолго). Победа христианина Китбути послужила бы мощным стимулом развития симпатий всех монголов и татар к христианству. Победа мамлюков над монгольско-христианским войском при Айн-Джалуте превратила их Египетский султанат в сильнейшее государство Ближнего Востока на целых два столетия, вплоть до нашествия упоминавшегося выше среднеазиатского завоевателя и отдаленного потомка монгольского «Священного Воителя» — Тимура (Тамерлана, или Темир-Аксак-Хана) и возникновения турецкой Османской (Оттоманской) империи. Она положила конец влиянию местных азиатских христиан, усилила позиции мусульман-

ской части населения, ослабила позиции его христианской части (павшей жертвой массовых репрессий со стороны воспрянувших духом мусульман), и тем самым побудила осевших в Западной Азии монголо-татар к принятию ислама.

В данной связи нам представляется не лишним интереса упомянуть эссе французского историка и исследователя эзотерических учений Филиппа Паруа, посвященное путешествию венецианских купцов из семейства Поло (наиболее известным представителем которого стал Марко Поло) в Центральную Азию, ко двору каана всех монголов Хубилая, в связи с легендой о таинственном царстве пресвитера Иоанна. По авторитетному мнению французского историка и исследователя эзотерической традиции Филиппа Паруа, высказанному им впервые в эссе «Путешествие семьи Поло и Царство Пресвитера Иоанна»¹, в большинстве исторических исследований Царство Пресвитера Иоанна и личность самого Пресвитера Иоанна нередко сводится к некоему мифу или легенде, или даже к простой выдумке. Однако вопрос об этом Царстве и его Царе-Первосвященнике куда важнее, чем это представляется отдельным исследователям (и отдельными исследователями). С традиционной точки зрения, он обретает еще большую значимость, поскольку связан с проблемой Верховного Центра Управления Миром, о котором говорит Рене Генон в своей книге «Царь Мира». Царство Пресвитера Иоанна — это идея, которая владела средневековым Западом на протяжении XII и XIII веков и сохранялась в умах вплоть до XVII века. Она получила широкое распространение в средневековой Европе благодаря уже упоминавшемуся выше анонимному сочинению, вошедшему в историю под названием «Письма

¹ Эссе Филиппа Паруа «Путешествие семьи Поло и Царство Пресвитера Иоанна» было впервые опубликовано на французском языке в журнале «La Regle d'Abraham», № 1. Avril 1996, а на русском — в альманахе «Волшебная Гора» № IX, М., 2004 (в переводе с французского Виктории Ванюшкиной).

Пресвитера Иоанша», известному во многих версиях на различных языках. Французский хронист Обри де Труа Фонтен датировал появление этого текста 1166 годом и писал о нем следующее:

«В те времена Иоанн, Царь Индии, обратился к нескольким христианским государям, к Мануилу, Императору Константинополя¹, и Императору Фридриху², с совершенно удивительными посланиями».

Попробуем, на основании нескольких известных нам версий этого письма, дать характеристику Царю-Первосвященнику и его Царству. Прежде всего, Пресвитер Иоанн был Священником (Sacerdos) и Царем (Rex), то есть объединял две функции, жреческую и царскую, в одних руках. Вдобавок, его царство по описанию напоминает рай, поскольку в нем течет райская река. Там имеется бесчисленное множество различных животных, съедобных растений, целебных источников, драгоценных камней. Население Царства живет в богатстве и процветании, в гармонии и совершенной чистоте. Пресвитер Иоанн превосходит всех владык мира добродетелью и могуществом, и его величают «potentia e virtute Dei et Domini nostri Jesus Christus dominus dominantium» (*искаж. лат.* «Всесогу-

¹ Имеется в виду восточноримский (византийский) император (василевс) Мануил I Комнин — самый «западный» из православных «ромейских» самодержцев (автократоров).

² Имеется в виду император (кайзер) Священной Римской империи (германской нации) Фридрих II Гогенштауфен (Штауфен), прозванный своими сторонниками и обожателями (гибеллинами) «чудом мира» (*лат.* «ступор мунди» — *stupor mundi*), а своими военно-политическими противниками гвельфами (во главе с папой римским) — «сицилийским султаном» (за терпимое отношение кайзера Фридриха к мусульманам; гвардия этого римско-германского императора состояла из пяти тысяч сарацинских конников, для которых он — в самый разгар эпохи Крестовых походов и религиозной нетерпимости! — даже повелел построить мусульманскую мечеть (!) на христианской земле — в итальянском городе Лучеро, в котором его служилые сарацины были расквартированы).

цеством Божиим и властью Господа нашего Иисуса Христа повелитель повелителей»).

В XIII веке было предпринято связанное с этим Царством путешествие, которое заслуживает того, чтобы взглянуть на него по-новому.

Речь идет о дальних странствиях венецианского купца и в то же время дворянина (обладавшего даже фамильным гербом с изображением трех лазурных галок на золотом поле), а по некоторым данным — «благородного рыцаря» (хотя неизвестно кем и когда посвященного в рыцари) Марко Поло, сго отца и дяди. Поначалу именно Николо, отец Марко ^{1,2} и брат Николо Поло — Маттео (или Маффео) Поло — отправились в путешествие в далекую Азию. Это первое дальнее странствие началось в 1261 году. В 1271 году к отцу и дяде присоединился молодой Марко Поло. В 1295 году, спустя приблизительно двадцать четыре года, все три представителя семейства Поло целыми и невредимыми вернулись в Венецию. В 1271 году, когда Поло отправились в свое путешествие, бескрайняя Монгольская империя простиралась от русских границ до китайского моря. Эта империя к описываемому времени была формально единой, представляя собой в действительности свособразную федерацию, состоявшую из четырех царств, или ханств:

1) Персидского ханства (Персидской Орды — государства ильханов-хулагуидов),

2) ханства Золотой Орды (основанного внуком Чингисхана — ханом Батыем, или Батуханом — и расположенного в Поволжье, на юге нынешней России),

3) Туркестанского ханства (Джагатайского, или Чагатайского улуса) и

4) Китайского ханства (империи Юань).

Владыкой последнего ханства, которому в описываемое время подчинялись все остальные, был Великий хан (каан) Пекина Хубилай (Кубилай, Кубилайхан, Кублахан или Кублайхан).

Первое путешествие Маттео и Николо Поло (1261—1265) представляет для нас особый интерес. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что избранный ими маршрут пролегал далеко на север от китайского торгового пути. Поначалу они направились в сторону Булгара на Волге, в новый город Сарай, основанный монгольским ханом Берке, затем двинулись на юг, в персидский город Бухару (основанный в глубокой древности на месте буддийского монастыря — «бихары» или «вихары» — и входящий ныне в состав Узбекистана). Там венецианские любители дальних странствий оставались целых три года, занимаясь неизвестно чем (во всяком случае, до нас никаких сведений о цели их пребывания в далекой Бухаре не дошло). И наконец объявились у Великого хана!

Удивительной кажется и продолжительность этого путешествия — целых пять лет, затраченных венецианцами на путь, который, согласно торговым путеводителям того времени, караван с вьючными повозками и животными преодолевал самое большее за десять месяцев. Имеет смысл упомянуть и необычную просьбу, с которой каан Хубилай обратился к братьям Поло, попросив их привезти ему... лампадное масло с Иерусалимского Святого Гроба Господня.

Верные взятым на себя обязательствам, братья Поло, по возвращении на Запад, встретившись с папским легатом Гильомом д'Ажаном в Акре и узнав о кончине папы римского Климента, отправились сначала в Венецию, а затем в паломничество в Иерусалим, откуда вернулись с маслом от лампы от Гроба Господня. Перейдем теперь к великому путешествию, совершенному Марко, Николо и Маттео (1271—1295), которое привело их в Пекин (Ханбалык, Кабалык, Камбалу), ко двору каана Хубилая. В этом случае они также почему-то избрали сложный маршрут, пролежавший через горы и пустыни; причины этого выбора так и остались неизвестными.

Прибыв в каанский столичный град Пекин, Марко Поло и его родственники на протяжении почти двадцати лет служили крупными чиновниками империи Юань, «*missi dominici*», в

обязанности которых входил надзор за предствителями местной администрации (губернаторами провинций) монгольско-китайской державы Хубилая. Новая миссия, доверенная им кааном Хубилаем, заставила их вновь отправиться на Запад. Венецианцам было поручено сопровождать шестнадцатилетнюю принцессу Кокачин ко двору упоминавшегося нами выше персидского ильхана (хана-хулагуида) Аргуна для заключения брака, что должно было укрепить влияние каана Хубилая на Персидскую Орду. Они отправились морским путем из Индии в Ормуз. Выполнив задание, неутомимые венецианцы двинулись в портовый город Трапезунд (Трабзон), расположенный на южном берегу Черного моря (являвшийся столицей отдельной, находившейся под правлением потомков византийской императорской династии Комнинов — или, как они сами без ложной скромности именovali себя — «Великих Комнинов») — православной греко-кафолической империи, отделившейся от Византийской империи после взятия «франками» Константинополя в 1204 году, и с тех пор зависимой не от Царьграда, а от православного Грузинского царства), затем в Константинополь (столицу восстановленной, хотя и в сильно урезанном виде Византийской империи под скипетром новой династии Палеологов — или, как их именovali древнерусские летописцы и книжники, «Ветхословцев») и, наконец, в 1295 году прибыли в родную Венецию. Пока Поло путешествовали, в далеком Ханбалыке скончался каан Хубилай. Здесь нам представляется важным подчеркнуть, что маршрут обратного путешествия на Запад, предпринятого братьями Поло через Азию, также отклонялся от Шелкового пути, которым обычно двигались не только венецианские, но и другие итальянские (да и не только итальянские) купцы.

Книга Марко Поло «О разнообразии мира» (чаще всего упоминаемая в русскоязычной литературе под названием «Книга» или «Книга Марко Поло», от более полного названия «Книга чудес света») представляет собой нечто большее, нежели простой сборник воспоминаний предприимчивого

путешественника-коммерсанта (хотя в ней подробно перечисляются географическое положение тех или иных населенных пунктов и стран, расстояния между ними и товары, которыми они богаты). В действительности речь идет не просто о путевых записках венецианского купца, а о коллективном сочинении, написанном в соавторстве со специалистом по рыцарским романам Рустичелло ди Пиза (известным также под именем Рустичиано, или Рустичано, Пизанского). Довольно сложно разобраться, что в этой книге принадлежит перу одного автора, а что — другого. Рустичелло ди Пиза был высокообразованным по тем временам человеком (в то время как Марко Поло таковым, очевидно, не являлся и, по некоторым данным, не знал даже латыни — языка всех ученых людей западной половины христианской ойкумены) жил при дворе английского короля Эдуарда I. Предполагается, что Рустичиано Пизанский был посвящен в рыцари (возможно, еще до своего прибытия в Англию) и, вместе с другими англо-нормандскими рыцарями сопровождал короля в его Крестовом походе в Святую землю, который продолжался с 1271 по 1273 год. Несмотря на некоторую неправдоподобность этой гипотезы, историки в целом допускают, что встреча Марко Поло и Рустичелло ди Пиза была случайной и произошла в период пребывания их обоих в генуэзском плену в 1298 году (Марко Поло после возвращения в Венецию был назначен «комитом», то есть капитаном венецианского военного корабля и был пленен давними соперниками Венеции — генуэзцами — в морском сражении; обычно считается, что Марко, сидя вместе с Рустичелло в генуэзской тюрьме, надиктовал ему свои воспоминания, которые и легли в основу «Книги о разнообразии мира», хотя условия пребывания в тогдашних — впрочем, не только генуэзских! — тюрьмах, мягко говоря, не слишком-то способствовали столь высокоинтеллектуальному труду).

Как бы то ни было, можно с уверенностью утверждать, что «Книга о разнообразии мира» была написана не в 1295 году, сразу же по возвращении Марко в Венецию, но после его зна-

комства с Рустичелло, которое состоялось около 1299 года (в генуэзской ли тюрьме или где бы то ни было еще, сказать в настоящее время, к сожалению, не представляется возможным). В более поздней традиции обнаруживается третья, также крайне любопытная, фигура генуэзского математика, астронома, астролога, космографа, великого путешественника, долгое время прожившего в Неаполе среди приближенных Робера д'Анжу (Роберта Анжуйского), Андало ди Негро, который участвовал вместе с Марко в переиздании его книги. После возвращения Поло в Европу и окончания написания книги «О разнообразии мира» мы практически больше ничего не слышим о Марко вплоть до его смерти в Венеции в 1324 году в возрасте семидесяти лет. Так, в общих чертах, выглядит традиционная версия истории путешествий Марко Поло.

Итак, учитывая обстановку конца XIII века, когда одновременно происходит утрата «франками» («латинянами») Святой земли и вторжение татаро-монголов в исламский мир; когда Багдадский халифат, Византия и Священная Римская империя германской нации клонятся к закату; когда сходит с исторической арены (и уходит в глубокое подполье) орден храмовников-тамплиеров, можно сказать, что путешествие Поло занимает особое, центральное положение как во времени (в период между концом Средневековья и началом Возрождения), так и в пространстве (между Западом и Востоком). Существует множество вопросов, связанных с этим путешествием, и одним из наиболее интересных для нас является вопрос о его причинах. Почему венецианцы Поло странствовали втроем? Почему, занимая видные должности при пекинском дворе каана Хубилая, Поло предпочли вернуться в Венецию и вести там довольно скромную жизнь сугубо частных лиц (если не считать кратковременную службу Марко Поло на командной должности в военном флоте Венецианской республики)? Что заставило Поло выбрать для своего путешествия столь странный и необычный маршрут, в обход Шелкового пути? Почему Марко Поло взял в соавторы Рустичелло ди Пиза? Почему, судя по «Кни-

ге о разнообразии мира), было столь велико влияние тибетцев в окружении каана Хубилая? Какую роль играли несториане, также принадлежавшие к ближайшему окружению этого, несомненно, самого могущественного в описываемое время потомка «Потрясателя Вселенной» Чингисхана? В чем причины интереса каана Хубилая к Святой земле и Иерусалиму? Почему в «Божественной комедии» Данте Алигьери мы находим намек на этого Великого хана? Почему поэт-миннезингер Вольфрам фон Эшенбах, автор знаменитого «Парцифалья», в своей другой поэме — «Титурель» — помещает Святой Грааль рядом с царством пресвитера Иоанна, в некоей части Индии?

На все эти вопросы можно попытаться найти ответ, если мы рассмотрим следующую гипотезу. Похоже, одновременно с исчезновением Иерусалимского королевства «франков» зарождается другой великий проект создания величайшей империи мира — монгольской империи каана Хубилая. В этом замысле можно увидеть попытку создания Всемирной империи по образцу «Синархии», описанной Сент-Ивом д'Альвейдром в его сочинениях. Помимо всемирного характера этой империи, имеет смысл обратить внимание на ее подчиненность единому верховному принципу, исходящему от Верховного Центра, как незыблемого гаранта Изначальной Традиции. Можно предположить, что исчезновение Иерусалимского центра сопровождалось физическим исчезновением тамплиеров — хранителей Святой земли — и, следовательно, свидетельствовало о деятельности представителей связанной с храмовниками Западной Традиции. Если мы последуем за «тамплиерами» («темплэйзами») Вольфрама фон Эшенбаха в поэме «Титурель» и в поэме «Новый Титурель» последователя Эшенбаха — Альбрехта фон Шар(п)фенберга, то окажется, что Святой Грааль нашел прибежище где-то в Индии, рядом с Царством Пресвитера Иоанна. Следовательно, происходит перемещение из Иерусалимского центра в центр, расположенный в Азии, элементов, необходимых для функционирования Верховного Центра управления миром.

Таким образом, мы можем выдвинуть следующую гипотезу: представители Западной Традиции дали троим Поло двойное задание. Во-первых, перевезти «Грааль» (что бы собой ни представляла эта святыня) из Иерусалима в глубины Азии, и, во-вторых, стать помощниками и наставниками каана Хубилая в деле создания его Всемирной империи. В этом случае путешествие Поло следует трактовать следующим образом: начиная с 1260 года, высшие иерархи ордена тамплиеров поняли, что Святая земля и Иерусалимское королевство «франков» обречены на исчезновение, и что они должны способствовать возникновению нового Центра управления миром, расположенного в глубинах Азии. Этот новый Центр должен был оказать влияние на формирование новой Азиатской империи. Новый Центр располагался отчасти на территории Монголии, отчасти — на территории Тибета. Целью первого путешествия, предпринятого Маттео и Николо Поло, было установление связей с Азиатским Центром и с кааном Хубилаем. Заключительная миссия венецианцев началась в 1271 году, когда они снова отправились в путешествие из Иерусалима в Азию. Около 1290 года, по неизвестным причинам, возможно, связанным с деградацией каана Хубилая (в «Книге» Марко Поло содержатся сведения о прогрессирующем одряхлении Великого хана — возможно, в результате медленно действующего яда) произошел разрыв между ним и этим Центром, что в результате привело к краху его империи Юань. Трое Поло, чья миссия была завершена, вернулись на Запад, где жили в тени, с целью сохранения тайны. Марко Поло с помощью Рустичелло ди Пиза — сочинителя рыцарских романов, связанных с циклом легенд о Граале — изложил свои воспоминания в книге «О разнообразии мира или книга чудес света», ставшей в некотором смысле его духовным завещанием, в котором он в скрытой, зашифрованной форме оставил отчет о своем оккультном (по сути) путешествии.

Приведем в поддержку данной гипотезы, впервые сформулированной Филиппом Паруа, несколько фактов, подтвержда-

дающих вселенский по замыслу характер империи Юань каана Хубилая. В 1257 году империя Великого хана, в силу своей истории и бескрайних размеров, представляла собой своего рода плавильный тигель, в котором сосуществовали почти все религии того времени — монгольский шаманизм, несторианство (мать каана Хубилая, как мы знаем, была христианкой несторианского толка), монофизитство, армянский вариант христианства, православие, маддизм (зороастризм), манихейство, ислам, конфуцианство, даосизм, китайский и тибетский буддизм, митраизм (именно древним арийским митраизмом является, по авторитетному мнению Л.Н. Гумилева, занесенная в древний Тибет иранцем Шенрабом так называемая «религия свастики» — «черная вера», известная также под названием «бон», или «бон-по»).

В окружение Великого хана входило около сорока китайских, буддистских, тибетских, мусульманских и христианских советников, типа того же Марко Поло или его отца и дяди. Имя, которое каан Хубилайхан намеревался дать своей империи (в китайской традиции — династии), звучало как «Юань», что, как мы уже знаем, означает «Корень». В «Ицзин» (древнекитайской «Книге Перемен») это пятьдесят девятая гексаграмма, имеющая следующее значение: «За раздроблением следует собирание рассеянного». Но есть и другой крайне интересный факт, до некоторой степени подтверждающий связь империи Юань каана Хубилая с Традицией. Мы имеем в виду одну из глав книги Марко Поло «О разнообразии мира», которая озаглавлена: «Двенадцать баронов, управляющих делами Великого Хана». Таким образом, во главе претендовавшей на «всемирность», или даже «вселенскость», империи Юань каана Хубилая стоял совет из Двенадцати Великих (как у Сент-Ива д'Альвейдра)!

Отметим также, что монгольский алфавит был создан неким тибетским ламой (по другой версии — не тибетским ламой, а христианином-уйгуром несторианской конфессии, на основе сирийского алфавита), как если бы до начала этой

вселенской миссии монголы не нуждались в письменности! Итак, вселенский характер проекта «Империя Юань» и гипотеза о венецианцах Поло как о посланниках Западной Традиции ко двору каана Хубилая позволяет нам сделать довольно любопытные выводы, а также дать более логичное объяснение их действиям. Во-первых, члены семьи Поло должны были обладать определенной «квалификацией», необходимой для выполнения полученного ими секретного задания. Во-вторых, перед нами встает вопрос о типе полученного ими «посвящения» («инициации»). Не имея сегодня возможности ответить на этот вопрос, отметим лишь, что для венецианца того времени имелось немало возможностей установить связи с тамплиерами и с Тевтонским орденом (в 1291 году, после падения Акры, орден храмовников и орден госпитальеров переместились на Кипр, а Тевтонский орден — в Венецию). Кроме того, укажем на их связи с папой римским, а также на их частые сношения с монашеским орденом францисканцев (двое братьев-францисканцев сопровождали их в начале великого путешествия и расстались с ними в Акре, пересев на личный корабль магистра ордена Храма, на борт которого, естественно, не взяли бы первого встречного) ¹.

Возможно также, что в XIII веке на Западе существовали и другие инициатические (посвятительные) пути, отличные как от ремесленных (цеховых), так и от внешних рыцарских посвящений. Как бы то ни было, Марко и его родственники, скорее всего, проникли в Царство Пресвитера Иоанна и встретились с самим Иоанном. Этим мы хотим сказать, что они установили связи с Верховным Центром управления миром. Мы думаем, что, если Марко в своей книге превращает

¹ В данной связи любопытно еще раз отметить, что другие посланцы христианского Запада ко двору татаро-монгольского каана (правда, еще не Хубилая, а Мсгугу) — Иоанни ди ПIANO Карпини и Гильом де Рубрук (Рюисбрэк, Рубруквис) — также были монахами духовного ордена францисканцев (миноритов).

Пресвитера Иоанна в монгола-христианина, вассала Чингисхана, то он тем самым хочет показать, что могущественный потомок Чингисхана — каан Хубилай — пошел против своего высшего предназначения, совершив некую инверсию доверенной ему миссии. Другие сюжеты, затронутые в книге «О разнообразии мира...», — такие, как упоминание мощей святого апостола Фомы; глава, посвященная святым царям-волхвам (магам), описание Сухого Древа, знаменующего границу между земным и потусторонним миром, также напрямую связаны с Царством Пресвитера Иоанна. Еще более удивительным представляется тот факт, что в конце XIII века это Царство является, так сказать, реально действующим в человеческой истории. Теперь, с учетом сказанного, необходимо попытаться определить эту реальность — Царство Пресвитера Иоанна есть не что иное, как видение и восприятие Центра Мира, свойственное христианской традиции. Другим примером аналогичного восприятия этой реальности в описываемую эпоху была империя Грааля (и короля Артура), которую также уподобляли земному раю... Означает ли это, что разные традиции воспринимали одну и ту же фундаментальную реальность аналогичным, хотя и различным, образом? Ответ: да. Многие традиции — такие, как иудаизм, ислам, тибетский буддизм, также ставили вопрос о Верховном Центре управления миром. Следует сказать, что эта идея Мирового Центра, временного и вневременного, материального и духовного одновременно, на вершине которого стоит одновременно Единый и Троичный Принцип, образующий вселенский инициатический Полнос, крайне сложна для восприятия и осознания. Тем не менее она существует повсеместно, в чем можно убедиться при ближайшем рассмотрении. Представление об этом Царстве существует и в иудаизме, и в исламе, где этот Полнос ассоциируется с Мстатроном-Енохом (в иудаизме) — Идрисом (в исламе). В христианской традиции данная идея получила иное развитие, что привело, например, к уподоблению Пресвитера Иоанна упоминаемому как в Ветхом, так и

в Новом Завете Царю Мира (Царю Салима; «Салим» означает по-древнееврейски «Мир») Мелхиседеку. Таким образом, можно сказать, что Царство Пресвитера Иоанна вечно присутствует в мире, здесь и сейчас, не как феномен средневекового воображения, но как реальность, ставшая незримой для наших современных глаз, которую предстоит завоевать тем, кто достаточно отважен, чтобы отправиться на его поиски.

А «кандидатура» империи каана Хубилая «не прошла отбор на звание Вселенского Царства и Мирового Центра», как мы увидим, из-за неудачи предпринятой ею двукратной попытки покорить самурайскую Японию!

Как же это произошло?

В 1259 году монголо-татарский Великий хан Хубилай, внук «Священного Воителя» и «Покорителя мира» Темуджина-Чингисхана, стал императором Китая (первоначально — только Северного), а в 1264 году столица всей Великой Монгольской державы была перенесена из Каракорума-Харахорина в Пекин (Ханбалык, Камбалу). Подражая своим китайским предшественникам, каан Хубилай в 1271 году, как уже упоминалось выше, назвал свою державу империей Юань (по-китайски: «Юаньчао», по-монгольски: «Иха Юан Улус»)¹. Сильный и энергичный монголо-татаро-китайский верховный правитель стремился распространить свои власть и влияние на весь Дальний Восток. В частности, он оказывал мощное давление на государство Корё (Корею), традиционно зависимое от Китайской империи (какая бы династия этой империей ни правила — ханьская, табгачская, киданьская, чжурчжэньская или монгольская по происхождению). Наследный принц Корё был увезен в Ханбалык, вспыхнувшие в Корее бунты против власти татаро-монгольских завоевателей были жестоко

¹ В китайской исторической традиции империя Юань именуется «династией Юань» и считается одной из китайских императорских династий (многие из которых были изначально не китайского, или не ханьского, происхождения, но достаточно быстро окитаились).

подавлены, на Корё была наложена тяжелая дань. При каане Хубилае корейский «ван» (титул китайского происхождения, означающий, как уже указывалось выше, «князь царствующего дома», «король» или «царь») Вунчжон никак не мог чувствовать себя самостоятельным. Он послушно выполнял высочайшую волю монгольского императора Китая, постоянно ощущая на себе пристальное внимание татаро-монгольских уполномоченных, посланных в Корею следить за тем, как исполняются там приказы каана Хубилая. Кроме того, при дворе самого Хубилая имелись враги корейского «вана», использовавшие против Вунчжона даже наималейшие допущенные тем политические промахи. Несмотря на внешнюю независимость, Корея служила инструментом в политической игре северокитайского татаро-монгольского императора (Южным Китаем, еще не покоренным в описываемое время окончательно монголами, еще правил император из китайской — «ханьской» — династии Сун — или, точнее, династии Южная Сун), что было наглядно продемонстрировано дальнейшими событиями.

Вот с каким грозным противником предстояло столкнуться японским «боевым холопам» в недалеком будущем.

Корея издавна имела важное геополитическое значение для континентального Китая. Именно через корейскую территорию можно было кратчайшим путем попасть в Японию (Чиунгу, Чипангу, Циангу или Зипангу)¹, ведь ближайший из Японских островов находился всего в ста милях от южной

¹ В разных списках «Книги о разнообразии мира» Марко Поло встречаются различные варианты этого искаженного названия Японии — Чипунгу, Зипунго, Чипингу, Жипунго, Сипангу; в латинском переводе «Книги» — Симпагу. Вероятно, все они восходят к китайскому названию Японии — «Жибэнь-го» (от японского названия Страны восходящего солнца — Нихон, или Нишпон, и от слова «го» — «держава», «империя», «государство»). Иногда этим именем европейцы называли и главный остров Японского архипелага — Хондо, или Хонсю.

оконечности Корси. Однако монголы — непревзойденные воины на суше — ничего не смыслили в мореплавании. Для того, чтобы попасть в Страну восходящего солнца, они нуждались в корейских (как, впрочем, и китайских) моряках и кораблях.

Благодаря постоянно существовавшим у них, несмотря на периодически наступавшие периоды враждебности, торговым контактам с Корсеей и с южнокитайской империей Сун (в период, предшествовавший монгольскому завоеванию, Китай был разделен на две враждовавшие между собой империи — северную империю Цзинь и Южную империю Сун) японцы знали о возвышении татаро-монголов и об образовании Юаньской империи в покоренном «несущими смерть Чингисхана сынами» Китае (и в покоренной ими же Корсее) во главе с Великим ханом Хубилаем. Для находившихся в изоляции и плохо информированных островитян татаро-монголы были всего лишь очередными континентальными «варварами», чьи амбиции не имели к «божественным сынам Ямато» никакого отношения. Им, похоже, и не приходило в голову, что эти новые «варвары» могли представлять смертельную опасность для Японии.

О якобы имевшихся в Японии необычайных богатствах в те времена ходили легенды, что подтверждает, между прочим, и упоминавшийся выше венецианский путешественник Марко Поло, проживший много лет при дворе каана Хубилая и даже назначенный последним губернатором одной из провинций юаньского Китая. В своей «Книге о разнообразии мира» Марко Поло писал об «острове Чипунгу» следующее:

«Остров Чипунгу на востоке, в открытом море; до него от материка тысяча пятьсот миль¹.

¹ Вопрос о том, насколько сильно Марко Поло преувеличивал расстояние от Азиатского материка до Японии, не может быть разрешен, поскольку неизвестно, о каких именно «милях» идет речь и от какого именно пункта материка до какой именно части Японии венецианец определяет расстояние.

Остров очень велик: жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие; чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда; с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда¹, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много².

Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой, и крыт чистым золотом³, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого — и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину, и все во дворце, и залы, и окна покрыты золотыми украшениями.

Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет вам, чего он стоит!

¹ В одном из вариантов «Книги о разнообразии мира» Марко Поло в этом месте сказано: «Несмого купцов посещают эту страну, так как она находится далеко от материка».

² В одном из вариантов «Книги о разнообразии мира» Марко Поло сказано: «И царь не позволяет вывозить его». Вообще следует заметить, что слухи о баснословном богатстве Японии — крайне преувеличенные — сыграли заметную роль в истории великих географических открытий. Еще до Марко Поло они распространялись арабскими географами — например, Идриси (XII век), а после Марко Поло — западноевропейскими «космографами» XV века — например, одним из вдохновителей считающегося по сей день (хотя и не вполне справедливо) первооткрывателем Америки генуэзского мореплавателя на испанской службе Христофора Колумба — Паоло Тосканелли. В XVI—XVII веках подобные слухи распространялись как португальцами (авантюристами вроде Мануэля Пинту), так и их завистливыми западноевропейскими конкурентами (в первую очередь — голландцами); последние, например, утверждали, будто португальцы в начале XVII века ежегодно вывозили из Японии до шестисот бочек золота. Этим слухам верили по крайней мере до середины XIX века, когда некоторые японские порты были насильственно открыты американцами для внешней торговли.

³ В одном из вариантов «Книги о разнообразии мира» Марко Поло сказано: «массивными плитами».

Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как белый¹. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров и не перечесть его богатства».

Похоже, при дворе каана Хубилая и вправду судачили о том, что в Чипунгу крыши всех домов сделаны из чистого золота, а драгоценные камни буквально валяются под ногами. Естественно, слухи о баснословных богатствах островного государства не миновали ушей монгольско-китайского императора. С 1265 года его воспачальники (при личном участии самого каана) начали разработку плана операции, направленной на подчинение Японии власти Чингисидов. Уже через год Великий хан Хубилай перешел к конкретным действиям, приказав своему вассалу — корейскому «вану» — оказать всяческое содействие направлению двух послов империи Юань в Японию. «Ван» Вунчжон с готовностью (а что ему еще оставалось делать?) предоставил монголо-китайским послам свои корабли, однако внезапный шторм помешал послам добраться до цели, и они ни с чем возвратились в Ханбалык.

В 1268 году Великий хан Хубилай отправил в Чипунгу новое посольство на корейских кораблях. На этот раз послы монголо-китайского каана благополучно достигли берегов Японского архипелага.

Как нам уже известно, в описываемое время верховная власть в Стране восходящего солнца формально принадлежала «сёгу-

¹ В одном из вариантов «Книги о разнообразии мира» Марко Поло сказано: «На этом острове одних людей после смерти хоронят, других сжигают. Но тем, кого хоронят, кладут в рот одну из тех жемчужин: таков у них обычай».

В действительности Япония никогда не отличалась особым обилием жемчуга — по сравнению, например, с Бахрейном или островом Цейлон (Шри-Ланка). Тем не менее в Японии, вне всякого сомнения, издавна добывалось большое количество жемчуга, в том числе розового, особенно (а не только «наравне с белым»), как утверждал в своей «Книге» Марко Поло!) ценившегося в описываемое время на рынках предметов роскоши Востока и Запада.

ну». Официально продолжал властвовать Тэиню, резиденция которого находилась в Киото, однако вот уже сто лет реальная власть была в руках Ставки-«бакуфу» очередного «сёгуна» с резиденцией в Камакуре. Правда, к описываемому времени и сам «сёгун» правил всего лишь номинально. Уже несколько десятилетий, с 1213 года, «сёгун» был фактически отстранен от власти, и вместо него Японией правил упоминавшийся нами выше регент при «сёгуне» — «сиккэн» — реально возглавлявший «сёгунское» правительство. Ко времени монголо-татаро-китайско-корейского нашествия под знаменами и бунчуками династии Юань на Японию шестым по счету «сиккэном», фактически возглавлявшим «бакуфу», был юный Ходзё Токимуэ (1251—1284). Именно ему выпала честь отвести от Страны восходящего солнца татаро-монгольско-китайско-корейскую угрозу — величайшую опасность, когда-либо угрожавшую Японии вплоть до 1945 года.

Когда юаньские послы высадились на побережье Кюсю — ближайшего к Корее крупного японского острова — их поселили в столице этого острова — Дадзайфу. Японцы приняли послов «варварского» каана Хубилая довольно прохладно, не оказав надлежащего уважения их рангу и не позволив им проследовать дальше ни в императорскую столицу Киото, ни в столицу «бакуфу» Камакуру. В Дадзайфу располагалось региональное правительство, управлявшее провинциями, расположенными на островах Цусима, Ики и Кюсю. Эта область, удаленная как от императорской, так и от «сёгунской» (а фактически — «сиккэнской») столицы, была исключительно важна для обороны державы Ямато, и потому контролировалась высокопоставленным государственным чиновником, наделенным исключительными полномочиями и обладавшим как властью гражданского губернатора, так и властью губернатора военного («сюю»). Тем не менее основная функция этого вельможи была военной — он отвечал, прежде всего, за обеспечение западных рубежей обороны Страны восходящего солнца.

Губернатор Дадзайфу незамедлительно переслал привезенное юаньцами послание каана Хубилая в Камакуру. Письмо

было адресовано «вану» (согласно китайской официальной терминологии, как мы уже знаем — «князю царствующего дома»), «царю», или «королю», но уж никак не императору, что само по себе уже должно было восприниматься Божественным Тэнно державы Ямато и его двором как неслыханное оскорбление!) Японии и выдержано в весьма надменном тоне. В нем юаньский император предлагал японцам признать верховную власть и перейти под «покровительство» империи Юань. Однако между строк явственно читалось стремление Хубилая превратить державу Ямато в покорного вассала империи Юань. В «бакуфу» внимательно ознакомились с документом и передали его на рассмотрение Божественному Тэнно. Хотя право на окончательное решение принадлежало «бакуфу», с формальной точки зрения возглавлявший это «палаточное правительство» — от имени «сёгуна» — «сиккэн» был обязан проконсультроваться с Божественным Императором Страны восходящего солнца.

Следует честно признаться, что при дворе Божественного Тэнно (где, в отличие от «бакуфу», царил не суровый воинский дух, а утонченный дух древней аристократической культуры, чуждый какой бы то ни было воинственности) послание «варварского» каана Хубилая вызвало настоящий переполох. Через некоторое время императорский двор в Киото составил «континентальному варвару» ответ, который можно было при желании (а такое желание у татаро-монголо-китайского каана наверняка имелось!) истолковать как готовность Японии к определенным компромиссам. Но проявление подобной «мягкотелости» совершенно не устраивало «бакуфу», занимавшее куда более жесткую позицию, и потому юаньских послов отправили обратно, не дав им никакого ответа.

Великий хан Хубилай был вне себя от ярости — он не привык, чтобы с его послами обращались столь непочтительно. Каан известил своего вассала — корейского «вана» — о своем твердом намерении завоевать Японию и потребовал от правителя Кореи предоставить с этой целью ни много ни мало —

тысячу кораблей и сорок тысяч воинов, необходимых для военно-морской экспедиции в Чипунгу. Не вполне доверяя своему корейскому вассалу, каан направил в Корё своих особых представителей с поручением проследить за неукоснительным выполнением приказа.

Видимо, в глубине души татаро-монгольский император Кията так и не мог поверить, что какие-то японцы посмели оставить его послов без ответа, и потому в сентябре 1271 года отправил в Чипунгу новое посольство, с более грозным посланием, в котором требовал от строптивой Японии уже не простого «признания покровительства» империи Юань, а полного подчинения. Этих послов самураи также не допустили в столицу, а послание каана Хубилая осталось без ответа (хотя и дошло до адресата).

Сознавая, что теперь следует готовиться к наихудшему варианту развития событий, «бакуфу» распорядилось незамедлительно усилить береговые укрепления на острове Кюсю и приказало вассалам-«даймё» из западных провинций, пребывавшим при «сёгунской» (а фактически, как нам уже известно, — «сиккэнской») Ставке в Камакуре, вернуться в свои владения и подготовить их к обороне от внешней угрозы. В апреле 1268 года новым «сиккэном» с резиденцией в Камакуре стал упоминавшийся нами выше восемнадцатилетний самурай Ходзё Токимунэ, сменивший на этом посту предыдущего «сиккэна» — шестидесятилетнего Масамуру, ставшего соправителем («рэнсё»), посвятив свои военные таланты планированию стратегии обороны Японских островов перед лицом казавшегося неминуемым вторжения «варваров». «Сиккэн» Токимунэ, несмотря на свою молодость, пользовался среди самураев репутацией чрезвычайно мудрого, осмотрительного и сдержанного человека, ни разу в своей жизни не обнажившего меч необдуманно или в порыве гнева (пока, как мы с вами скоро убедимся, юаньцы не ввели его в грех своими бесконечными — вполне в духе многотысячелетней китайской традиции — «последними напоминаниями»).

Новый «сиккэн» Ходзё Токимунэ обратился ко всем самураям Японии с призывом позабыть свои давние распри и объ-

сдвинуться под его знаменами для отражения внешней угрозы. Его призыв был услышан и нашел всеобщий отклик.

Тем временем в вассальной Корее, под руководством монголо-татар и китайцев (а возможно, и европейцев-«франков», — так, в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло содержится, к примеру, упоминание о помощи, оказанной Поло воинам Великого хана при конструировании боевой метательной машины, при помощи которой юаньцы смогли взять город, не желавший сдаваться войску каана), направленный в Корё кааном Хубилаем, полным ходом шла подготовка к широкомасштабному вторжению на Японские острова. Однако она не смогла развернуться в полную силу, поскольку неожиданно взбунтовалась корейская армия, и «ван» Вунчжон был вынужден просить военной помощи у своего монголо-татаро-китайского сюзерена для усмирения своих собственных подданных. На подавление восстания мятежных корейских войск у каана Хубилая и его вассала «вана» Вунчжона ушло несколько лет. Бунтом войск в Корее воспользовались японские пираты, которые (как уже не раз случалось в прошлом) высадились на корейском побережье, терроризируя местных жителей (впрочем, справедливости ради следует заметить, что на всем протяжении долгой истории японо-корейских отношений корейские пираты тоже в долгу не оставались). Изгнать японцев с Корейского полуострова стоило объединенным силам монголо-татар, китайцев и корейцев немалого труда. Один из тайных противников и недоброжелателей корейского «вана» Вунчжона при дворе императора Хубилая уверял каана, что Корея лишь внешне и притворно выражает покорность империи Юань, в действительности же тайно помогает Японии и ждет только удобного момента для совместного с японцами вторжения в юаньский Китай. Трудно сказать, насколько справедливыми были эти обвинения, но подозрения монголо-китайского каана по поводу верности ему корейцев постоянно возрастали, что также не способствовало развитию духа сотрудничества империи Юань с ее корейскими союзниками.

В 1273 году авангард юаньской армии вторжения в составе пяти тысяч отборных монгольских воинов прибыл в Корё. Однако на Корейском полуострове год выдался неурожайным, что вызвало повсеместный голод (и, соответственно, голодные — именовавшиеся в Японии в аналогичных случаях «рисовыми»), хотя далеко не все могли позволить себе роскошь употреблять в пищу рис! — бунты крестьян и горожан), так что обеспечить юаньскую армию продовольствием оказалось невозможно. Каану Хубилаю пришлось даже снабжать свои войска, дислоцированные на территории Кореи, продовольствием из юаньского Китая. Однако в 1274 году в Корее был собран богатый урожай, и проблем с провиантом больше не возникало. Тем временем корейский «ван» мобилизовал множество своих ремесленников и корабелов, начавших активно строить флот.

В целом корейские вассалы каана Хубилая оказались в довольно щекотливой ситуации. Корея не имела дипломатических отношений с Японией и традиционно страдала от набегов японских пиратов (а порой и форменных японских нашествий — как, например, во времена блаженной памяти регентши Ямато Дзинго Кого и ее воинственного сына принца Хатимана). С другой стороны, корейцы столь же традиционно торговали с Японией и не имели веских причин брать на себя бремя подготовки экспедиции юаньской армии вторжения в Японию и участия в этом весьма дорогостоящем (если не сказать — разорительном для Кореи) предприятии (а по сути дела — авантюре).

Однако силы Королевства (Царства) Корё были несравненно меньше, чем у империи Юань, и как бы ни хотелось корейскому «вану» Вунчжону избежать участия в походе, он не смог сопротивляться давлению империи Юань и был вынужден обеспечить монголов необходимым им флотом.

Наконец приготовления к грандиозной (даже по татаро-монголо-китайским масштабам и представлениям) военно-морской экспедиции в Чисунгу были завершены. Силы юаньской армии вторжения насчитывали в общей сложности сорок тысяч отборных воинов, в том числе двадцать пять тысяч мон-

голов (составлявших главную ударную силу экспедиционного корпуса), а также пятнадцать тысяч корейских и китайских воинов (или, выражаясь по-китайски, «молодых негодяев»), намного уступавших монголам по своим боевым качествам. По другим данным, в состав юаньского экспедиционного корпуса входили пятнадцать тысяч корейских моряков (видимо, включая морскую пехоту), а также двадцать тысяч татаро-монгольских и китайских воинов. «Непобедимая армада» грозного каана Хубилая состояла из девятисот (а по некоторым источникам — из целой тысячи) кораблей, в число которых входило от ста пятидесяти до четырехсот боевых (разные источники, как всегда, приводят на этот счет разные цифры).

Татаро-монголо-китайским экспедиционным корпусом командовали генералы Ху Дунь, Хун Ча-цю и Лю-Фу-хэн, а вспомогательным корейским контингентом — генерал Ким (фамилия, весьма популярная в Корее по сей день!) Пан Гюн.

В «Книге о разнообразии мира» Марко Поло писал об этой первой монголо-китайско-корейской экспедиции в Японию следующее:

«Когда великому хапу Кублаю (Хубилаю. — *В.А.*), что теперь царствует, порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом (Чипунгу. — *В.А.*). Послал он сюда двух князей со множеством судов, с конным и пешим войском. Одного князя звали Абатан¹, а другого Вонсаничин², были они и разумны, и храбры. Что же вам сказать?

¹ В разных списках «Книги» Марко Поло имя этого полководца каана Хубилая варьируется: «Абатан», «Абакан»; в японских источниках он именуется «Асикан».

² В разных списках «Книги о разнообразии мира»: «Вонсаничин», «Жусаиншин». В японских источниках он именуется «Фанбунко». В хрониках татаро-монголо-китайской династии Юань среди полководцев второго военно-морского похода юаньцев на Японию (1281) упоминаются А-Цзе-хань (Ngo Tsu-han) — вероятно, он и есть «Асикан», и Фань-Вэнь-ху (Fan Wen-hu) — вероятно, «Фанбунко» японских хроник.

Вышли они из Зайтона (Цзюаньчжоу) и Кинсая (Ханьчжоу), пустились в море, доплыли до острова и высадились на берег¹. Захватили они много равнин да деревень, а городов и замков не успели еще взять, как случилось с ними вот какое несчастье: зависть была промеж них, и один другому не хотел помогать; подул раз сильный ветер с севера, и стала тут говорить рать, что надо уходить, не то все суда разобьются; сели на суда и вышли в море; не проплыли и четырех миль, как прибило их к небольшому острову; кто успел высадиться, спасся, а другие погибли тут же.

Высадилось на остров около тридцати тысяч человек, да и те думали, что погибли, и очень тосковали: сами уйти не могут, а уцелевшие суда уходят на родину. И плыли те суда до тех пор, пока не вернулись к себе².

Оставим тех, что ушли, и вернемся к тем, кто остался на острове и почитал себя погибшим.

Те тридцать тысяч воинов, что высадились на остров, почитали себя погибшими, потому что не знали, как им уйти отсюда. Злобствовали они, сильно тосковали и не знали, что им делать.

И так-то они поживали на том острове. Услышали царь большого острова и его подданные (японцы), что войско рассеяно и разбито, а кто спасся — на маленьком острове; услышали они это и обрадовались; как только море успокоилось, сели они на свои суда и прямо поплыли к маленькому острову;

¹ Сначала воины экспедиционного корпуса каана Хубилая высадились на японском острове Хирадо (у северо-западной оконечности острова Кюсю), а оттуда, через узкий пролив Хирадо, перешли на остров Кюсю.

² В одном из вариантов «Книги о разнообразии мира» Марко Поло говорится: «Это произошло оттого, что оба начальника войска ненавидели друг друга и питали друг к другу большую зависть; спасшийся начальник не сделал никакой попытки вернуться к своему товарищу, оставшемуся на острове, как вы слышали; и он мог бы вернуться, когда прошел ветер, продолжавшийся недолго. Но он этого не сделал, а отправился прямо к себе на родину. Знайте, что остров, куда высадились спасшиеся, был необитаем, и не было там ни одного создания, кроме них».

высадились на берег с тем, чтобы захватить всех, кто там. А те тридцать тысяч воинов увидели, что враг высадился на берег и сторожить суда никто не остался; как умные люди, пока враг шел захватывать их, прошли другою стороною, добрались до судов, да и забрали их. А так как суда никто не сторожил, то и нетрудно им было это сделать.

Что же вам еще сказать? Сели они на суда и от этого острова поплыли на другой. Высадились на берег со знаменами и значками тамошнего царя, да так и пошли к столице; народ видит свои знамена, по истинной правде, думает, что царское войско идет, и впускает врага в город. В городе оставались одни старики. Взял враг город, всех повыгнал, оставил себе только красивых жен. Вот так-то, как вы слышали, рать великого хана захватила этот город.

Узнал царь со своим народом, что город взят и дела пошли так, и жизнь стала ему не мила. Вернулся он на других судах к себе на остров, обложил город со всех сторон, и никому нельзя было ни войти в город, ни выйти оттуда. Что же вам сказать? Семь месяцев держалась рать великого хана в том городе, днем и ночью ухищрялись воины известить великого хана о своем деле и ничего не могли поделывать. Видят воины, что делать им нечего, и заключили мир с осаждавшими: спасая свою жизнь, сдались все, да еще с тем, чтобы до конца жизни не уходить с острова¹. Случилось это в 1269 году по Р.Х.² и было все так, как вы слышали.

¹ Весь этот рассказ Марко Поло о выходе «Непобедимой армады» каана Хубилая на завоевание Японии из китайских, а не из корейских, портов, о взятии столицы японского «большого острова» потерпевшими кораблекрушение воинами Великого хана, об осаде этой столицы японскими войсками и т.д., содержащийся в «Книге о разнообразии мира», не подтверждается ни юаньскими, ни корейскими, ни японскими историческими источниками.

² В действительности первая попытка каана Хубилая с помощью военной силы подчинить Японию власти империи Юань относится к 1274-му, вторая (и последняя) — к 1281 году. А вот в указанном Мар-

Великий хан приказал одному князю — начальнику — отрубить голову, а другого отослал на тот остров, где он погубил столько людей, и там казнил. Великий хан сделал это, потому что узнал, как он вел себя нехорошо в том деле.

Расскажу вам об одном великом чуде. В одном замке на том острове два князя захватили много народу; и когда люди не захотели сдаваться, приказали они всех перебить, головы всем отрубить. Так и было сделано: отрубили всем головы, только осьми человекам не могли отрубить, и вышла так от силы тех камней, что были на них: у каждого в руке, между мясом и кожей, было по камню, а снаружи его было не видеть. Камни те были заколдованные; была в них такая сила: на ком такой камень, не умереть тому от железа. Сказали князьям, что от железа те восемь человек не погибнут; велели тогда князья перебить их палицами, а по смерти вытащить из их рук те камни; и ценили они их дорого.

Вот так, как я вам описал, случилось все это, и рать великого хана была разбита».

По мнению целого ряда историков, татаро-монголо-китайский каан Хубилай явно переоценил собственные силы, ибо подобной армии было явно недостаточно для завоевания Японских островов, защищать которые были готовы, по самым скромным подсчетам, до четырехсот тысяч «боевых холопов», — именно столько насчитывалось в то время в Стране восходящего солнца этих профессиональных бойцов. По всей видимости, Великий хан Хубилай просто не представлял себе объем предстоящих военных задач и не был знаком с боевыми качествами и воинским духом японского военного сословия, с представителями которого предстояло скрестить оружие его экспедиционному корпусу. Потомком «Потрясателя мира» Чингисхана двигала самоуверенность человека, избалованного удачами, привыкшего всегда и всюду побеждать.

ко Поло 1269 году никакого татаро-монголо-китайско-корейского нашествия на Японию ни монголо-татаро-китайскими, ни корейскими, ни японскими хронистами засвидетельствовано не было.

Сегодня представляется крайне непростым делом оценить действия полководцев и флотоводцев каана Хубилая. Вероятно, в юаньской армии фактически отсутствовало единое командование. Генерал Лю Фу-хэн мог обладать высшим авторитетом среди остальных генералов, но все решал не он, а военный совет¹. Хотя идея завоевать Чипунгу с подобными силами была авантюрной, но экспедиционный корпус мог захватить плацдарм на японском побережье, который юаньские десантные войска в дальнейшем могли бы постепенно расширять, используя его для развития наступления в глубь острова Кюсю. Правда, для этого потребовалось бы организовать целую серию морских конвоев для переброски в Японию через Корею все новых подкреплений.

В первых полевых сражениях захватчикам сопутствовал успех, хотя нельзя сказать, что место для высадки было выбрано грамотно. Странно, что корейские адмиралы, хорошо осведомленные (в отличие от татаро-монголов и китайцев) о бурном характере моря в этих местах, предложили для стоянки именно бухту Хакатэ, открытую для ветров и штормов. Возможно, недоброжелатели корейского «вана» Вунчжона, доносившие каану Хубилаю о тайном сговоре правителя Корё с японцами, были не так уж неправы в своих обвинениях? Как говорится, «темна вода во облацех»...

Отважный родовитый «боевой холоп» Хисацунэ Симадзу, командовавший японской обороной на участке высадки, принял, казалось бы, правильное решение, попытавшись сбросить экспедиционный корпус Хубилая в море. Однако после несудачи японцев в полевом сражении стало ясно, что укрепления, возведенные в районе высадки, слишком слабы, и понесшие чувствительные потери японские «боевые холопы» не

¹ Как уже упоминалось выше, согласно японским источникам, главными полководцами каана Хубилая были «Асикан» (А-Цзе-хань) и «Фанбунко» (Фань-Вэнь-ху). «Асикан» тяжело заболел в ходе экспедиции, и главным начальником стал «Фанбунко».

могли рассчитывать удержать их на следующий день. Таким образом, кроме личной храбрости доблестного Хисацунэ Симадзу и его верных соратников, самурайская береговая охрана — увы! — ничем себя не прославила.

Итак, в 1274 году, после того, как японцы отвергли ряд дипломатических миссий каана Хубилая и угроз со стороны юаньцев, они внезапно узрели перед собой гигантский флот из девятисот кораблей с несколькими десятками тысяч татаро-монгольских, китайских и корейских воинов на борту. На первых порах японцы, несмотря на страстные призывы «сиккэна» Токимунэ взяться всем поголовно за оружие, смогли наскрести всего-навсего восемь тысяч конных и пеших «буси» с острова Кюсю.

3 октября 1274 года татаро-монголо-китайско-корейские завоеватели высадились на японском острове Цусима. В первых сражениях японцы полагались на конных лучников-самураев, однако их конные атаки на юаньские войска завешались целой серией неудач, сопровождавшихся тяжелыми потерями. После одной такой конной атаки с поля боя вернулся в живых только один из сотни нападавших «боевых холопов» державы Ямато. Японские кавалерийские атаки, похоже, не производили никакого впечатления на казавшуюся несокрушимой фалангу прикрытой большими щитами и ошестинившейся частоколом длинных копий юаньской пехоты. Юаньцы снова и снова отбрасывали атакующую самурайскую кавалерию градом стрел (в том числе отравленных), разрывными снарядами из катапульт, ручными гранатами и боевыми ракетами («огненными стрелами», успешно примененными монголо-татарами и в битве с польско-чешско-немецко-силезской рыцарской конницей под силезским городом Легницей-Лигницей-Вальштаттом в 1241 году). По грозному сигналу барабанов на бесстрашно атакующих юаньский строй конных «боевых холопов» низвергались тысячи стрел, выпущенных из смертоносных татаро-монгольских составных луков. Потеряв в схватках с самураями всего-навсего тысячу человек, победи-

посное татаро-монголо-китайско-корейское войско двинулось на разорение города Цусимы, истребив, кроме японских «боевых холопов», шесть тысяч мирных жителей. Японцы по-прежнему полагались на своих самураев, однако многократно испытанная в сражениях доблесть «буси» Страны восходящего солнца не могла противостоять массивной атаке спаянных железной дисциплиной еще со времен «Священного Воителя» Чингисхана (если в бою из десятка воинов бежал хоть один — казнили весь десяток), прекрасно вооруженных и оснащенных по последнему слову тогдашней техники (в то время как славные сыны Ямато, похоже, еще и понятия не имели о применении пороха — кроме, разве что, его применения для дворцовых фейерверков, да и то вряд ли — во всяком случае, источники хранят об этом полное молчание!) воинов юаньской армии.

14 октября войска каана Хубилая с той же легкостью, что и Цусимой, овладели японским островом Ики. Кавалерийские атаки японских «боевых холопов», пускавших во врага стрелы из оказавшихся не слишком эффективными против прочной юаньской брони длинных луков (в то время как стрелы, выпущенные из мощных и дальнобойных юаньских луков, легко пробивали самурайские доспехи), были столь же мало результативны, как и в битве за Цусиму. Если бы юаньский десант высадился, как планировалось, на острове Кюсю, державе Ямато вполне реально грозили военное поражение и захват островной Империи восходящего солнца беспощадными завоевателями.

Через пять дней юаньский флот вторжения прибыл в бухту Хаката на острове Кюсю. Местный губернатор Сёни-какэ располагал примерно тремя тысячами «буси» и лишь незначительным числом конных самураев. Ему противостояло сорок тысяч юаньских воинов. Тем не менее с 19 по 21 октября малочисленному, но сплоченному и «пыхающему духом ратным» как выражались в подобных случаях летописцы Древней Руси) японскому отряду ценой героических усилий

удавалось сдерживать натиск превосходящих сил противника. В самый решительный момент к армии Сёни-какэ присоединилось около трехсот конных «боевых холопов», и 20 октября сражение достигло предельного накала. Однако молитвы японских синтоистских жрецов (удзи-но-ками), обращенные к Божественным прародителям «рода Ямато», похоже, не остались теми неслышанными. В последнюю ночь битвы за Кюсю в бой вступил грозный бог бурь Сусаоо-но-Микото. На море разыгрался сильнейший тайфун, навеки вошедший в историю Японии под названием «Божественный Ветер» («ка-микадзэ»), как свидетельство благосклонности богов-«ками» к своим земным порождениям и потомкам. В бующем море погибло около половины кораблей татаро-монголо-китайско-корейской «Непобедимой армады», вследствие чего ошеломленные полководцы армии вторжения каана Хубилая, опасаясь, в случае повторения Божественной Бури, остаться совсем без шавсредств, сочли за благо убраться восвояси. Как говорится, «Бог подул — и они рассеялись». Самое удивительное заключается в том, что та же самая история в точности повторилась и во время второй попытки вторжения войск Хубилая в Японию, предпринятой в 1281 году! Таким образом, Страна восходящего солнца была дважды спасена от вторжения беспощадных и многоопытных в военном деле врагов природными (Божественными?) силами и яростным, упорным сопротивлением японских «боевых холопов»).

Обрисовав в общих чертах картину случившегося, мы попытаемся теперь восстановить ход событий несколько подробнее.

СРАЖЕНИЕ НА ОСТРОВЕ КЮСЮ

Попытка войск татаро-монголо-китайской империи Юань вторгнуться в Японию стала первым засвидетельствованным в истории этой страны крупным внешним военным вторжением (не считая вторжения на Японские острова в глубокой

древности племен, положивших начало японской народности, однако никаких исторических свидетельств о событиях тех незапамятных времен не сохранилось). До сих пор островное положение Страны восходящего солнца надежнее любых укреплений защищало державу Ямато от возможных нападений извне. Так получилось, что только дважды в своей истории, нашедшей отражение в источниках, Япония испытала на себе иноземную агрессию, и оба раза это было связано с татаро-монголо-китайско-корейскими нашествиями — в 1274 и 1281 годах.

В октябре 1274 года татаро-монголо-китайско-корейская армия покинула гавань в юго-восточной части королевства Корё, держа путь на остров Цусиму. Здесь располагался небольшой японский гарнизон, которым командовал Сё Сукэкуни — внук адмирала Томомори Тайра. Его отряд насчитывал всего двести «босвых холопов», что было несоизмеримо меньше гигантской армии вторжения — тем более, что военная тактика и вооружение воинов экспедиционного корпуса империи Юань превосходили тактику и вооружение «буси» отважного «сиккэна» Токимунэ.

В описываемую эпоху японской истории все воины-«буси» державы Ямато были вооружены кинжалом, коротким мечом, луком со стрелами, тяжелым копьем-«яри» или длинной глефой-«нагинатой»¹ (об обоих видах японского древкового оружия нами будет подробнее рассказано далее). Мифология меча (вкупе с поэтическим представлением о том, что «меч — душа самурая») тогда еще не сложилась, однако он уже представлял собой важный вид оружия, хотя в описываемый период главным знаком принадлежности к самурайскому сословию служил не меч, а лук («кю»). Луки были сложносо-

¹ Как уже упоминалось выше, обычно нагинату именуют «японской алебардой», хотя в действительности она гораздо больше походит на другое древковое оружие — глефу. Так мы и будем ее далее называть.

ставными, они собирались из бамбуковых планок, отдельные детали изготавливались из разных древесных пород, сверху их обматывали пальмовым волокном. Одна из главных особенностей японского боевого лука заключалась в том, что при стрельбе лук держали не посередине, а на расстоянии примерно трети длины от нижнего конца — для того, чтобы было удобнее стрелять с седла (повторим, что в описываемую эпоху самураи были не пешими меченосцами, а преимущественно конными лучниками, хотя это и не совсем укладывается в привычное нам по кинофильмам и комиксам клише самурая). На поясе «буси» обычно носили запасную тетиву для лука, намотанную на специальную плоскую катушку. Поскольку «боевые холопы» эпохи Камакурского сёгуната были в основном конными лучниками, одним из самых распространенных в самурайской среде военных упражнений было метание в цель длинных бамбуковых стрел с седла боевого коня, скачущего во весь опор.

Наконечники самурайских стрел имели различную форму — в зависимости от того, для каких целей они были предназначены. Открытые, напоминающие ножницы наконечники использовались для разрезания шелковых или кожаных шнурков, скреплявших пластины неприятельских доспехов. Наконечник в виде большой деревянной репы со сквозными отверстиями, свистящий при полете стрелы, применялся:

1) для извещения богов-«ками» о том, что самурайское войско выстроилось к бою, который будет вестись, во славу богов, честно и достойно, по всем правилам рыцарского искусства (в этом случае свистящие стрелы нередко выпускались в небо — обитель верховных богов);

2) для подачи звуковых сигналов собственным воинам;

3) для устрашения неприятельских воинов и боевых коней.

Свои стрелы тогдашние «буси» носили в колчане («эбира»), с правой стороны, и они вынимались вниз, а не через плечо, как на Западе.

Что касается самурайских доспехов описываемой эпохи, то они выглядели следующим образом: составлявшие их пластины металла¹ соединялись вместе, образуя гибкую эластичную полосу длиной около тридцати сантиметров. Эта полоса дополнительно обтягивалась кожей и лакировалась (во избежание коррозии металла). Несколько полос связывались вместе толстым шнуром-«одоси» из шёлка или кожи. Шнуров было несколько, они окрашивались в разные цвета (белый, красный, пурпурный, лиловый), что придавало доспехам «боевых холопов» весьма нарядный, живописный вид.

Весь доспех в собранном виде имел форму коробки. Три стороны этой коробки (передняя, левая и задняя) соединялись вместе. Под доспех «боевой холоп» надевал военный халат, украшенный, в зависимости от уровня своего благосостояния, более или менее богатой вышивкой и помпонами (а под халат — нательную рубашку-«ситагэ»). При облачении самураев в доспехи сначала надевалась правая часть доспеха («вайда-тэ»), которая плотно привязывалась под мышкой, через левое плечо. Тяжелые наплечники-«содэ» крепились к наплечным ремням шнурками или ремешками, а сзади они дополнительно притягивались к «агэмаки» — детали в форме креста, сделанной из толстых шнуров (обычно окрашенных в красный цвет). «Агэмаки» подвешивали к специальному кольцу в верхней части спины. На груди «боевого холопа» располагалась особая кожаная пластина-«цурубасири» (это слово в буквальном переводе с японского на русский язык означает «путь тетивы лука»), облегчавшая скольжение тетивы лука при стрельбе и покрытая изысканным орнаментом. Перед этой нагрудной пластиной укреплялись две подвески для защиты шнуров, закрепленных на особых пуговицах. Над правой стороной груди самурая находилось нечто вроде миниатюрного наплечника («сэдан-но ита»), а слева — железная пластина, покрытая кожей («кюби-но ита»).

¹ Или кожи.

Кроме того, в комплект защитного вооружения японского «босового холопа» эпохи Камакурского сёгуната входил своеобразный бронированный нарукавник под названием «котэ». Этот боевой нарукавник выглядел как обычный холщовый мешок, усиленный с внешней стороны железными пластинками, надевавшийся поверх рукава нижней одежды (военного халата) и привязывавшийся под мышкой. Левый рукав военного халата (или босового кимоно, «хитатарэ») не заправлялся в «котэ», а выпускался наружу и затыкался за пояс (вероятно, защита правой руки, в которой «буси» держал в схватке меч, считалась важнее, чем защита левой). Впрочем, судя по сохранившимся рисункам, некоторые самураи носили не один, а целых два бронированных нарукавника. Штаны-«хакама» (иногда также обшитые небольшими металлическими пластинками, бляхами или чешуйками) были широкими и мешковатыми, они заправлялись в поножи («о-татэаге-но-сунзатэ») в виде трех согнутых железных пластин, привязанных к ноге. Обувались самураи тех времен в военные башмаки или сапоги из черной или бурой медвежьей (а самые богатые «даймё» — даже из тигровой) шкуры (имитировавшие лапы медведей или тигров, порой — вплоть до когтей)¹. Впрочем, все зависело от материальных возможностей того или иного «буси». Некоторым «боевым холопам» (тем, что победнее) приходилось довольствоваться простыми соломенными сандалиями (как не принадлежавшим к самурайскому сословию пехотинцам-«асигару» из состава вспомогательных частей, великий час которых пробил лишь после появления в Стране восходящего солнца завезенного на японскую землю португальскими мореплавателями огнестрельного оружия²). Кроме того, самураи

¹ Самые богатые представители самурайского сословия могли позволить себе даже ножны для своих мечей, обтянутые драгоценной шкурой тигра (но таких «военных щеголей» были буквально единицы).

² Согласно некоторым источникам, отдельные образцы огнестрельного оружия еще до прибытия португальцев попадали на Японские острова из Китая, но особого впечатления на сынов Ямато

надевали толстые кожаные перчатки-«югакэ» для стрельбы из лука.

Шлем японского «боевого холопа» описываемой эпохи был довольно тяжелым: он представлял собой несколько железных пластин, скрепленных крупными коническими заклепками, причем головки этих заклепок выступали над поверхностью шлема. На макушке имелось большое отверстие-«тэхэн», служившее для выпускания наружу волос (большинство самураев — не считая тех, которые становились буддийскими монахами и брили головы наголо — носило длинные волосы); сами волосы «боевого холопа» служили при этом подкладкой (иногда «босвые холопы», принявшие буддизм и ставшие воинами-монахами, носили особые шлемы, напоминающие по форме не «кобуто», а принятые у монахов японских буддистских монастырей особой формы шапочки, напоминающие колпаки¹).

Большой изогнутый назатыльник шлема («сикоро») также собирался из железных пластин; края его выгибались вверх и наружу, для защиты лица. Шлем был увенчан небольшим на-шлемным украшением-«агэмаки» (соответствовавшим «клейноду» на шлеме западноевропейского рыцаря описываемой эпохи), прикрепленным к его тыльной стороне. У некоторых «буси» описываемого периода шлем имел забрало в виде железных пластин, прикрепленных к лобной части и закрывающих щеки.

Существовали большие различия в доспехах конных воинов и пехотинцев. Японские пехотинцы, в отличие от конных

не произвели и попыток подражания у японцев не вызвали (видимо, вследствие своего технического несовершенства).

¹ Японские буддийские монахи носили и еще два вида головных уборов, белого цвета, один из которых напоминал нечто среднее между берстом и ближневосточной куфией (кефи), а другой — мусульманский хиджаб, оставлявший открытым только глаза (головной убор, аналогичный последнему из перечисленных, но только не белого, а черного цвета, носили и японские «ниндзя», или «воины-тени», о которых будет рассказано далее).

«буси» описываемой эпохи носили не коробчатые доспехи-«ёрои», а более простые доспехи — «до-мару» («домару»), плотно облегающие тело.

Многочисленная татаро-монголо-китайско-корейская армия каана Хубилая, отправленная Великим ханом на завоевание заморской державы Чипунгу, состояла из профессиональных воинов. Это была не знаменитая татаро-монгольская и тюркская конница, не так давно неусдержимым вихрем пронесшаяся по всей Евразии под предводительством «Священного Воителя», а специально подготовленные войска — пешие отряды, на китайский манер выступающие плотным строем (представлявшим собой нечто среднее между каре и фалангой), с использованием как новейших достижений военной мысли Китая, так и тех видов вооружения, которые в одночасье сделали еще не так давно мало кому известных немногочисленных и погрязших в междоусобных войнах монгольских скотоводов владыками почти всего тогдашнего обитаемого мира (хотя, судя по японским «Свиткам Вторжения» — «Моко сюрэй экотоба», в состав юаньского десанта, высадившегося на землю Японии, входила также конница — как легкая, так и тяжелая).

В десантной армии каана Хубилая имелась и своя «артиллерия» — боевые машины-катапульты, предназначенные для метания разрывных снарядов в форме железных, чугунных или керамических шаров, начиненных то ли порохом, то ли зажигательной смесью (на этот счет мнения разных источников и исследователей последующих времен существенно расходятся). В пользу того, что метательные снаряды юаньцев (и ручные гранаты аналогичного вида и действия, имевшиеся на их вооружении, согласно целому ряду источников) были все-таки не железными или чугунными, а керамическими и начиненными разрывным составом, свидетельствуют, в частности, изображения на японских «Свитках Вторжения» («Моко сюрэй экотоба»), где запечатлен взрыв снаряда, причем не от удара о землю или какую-либо твердую поверхность, а в воздухе, на-

подобие шрапнели более поздних времен. Судя по японским «Свиткам Вторжения», разрывом юаньской метательной бомбы был убит боевой конь знаменитого самурая Такэдаки Суэнаги, увесочечению подвигов которого на поле брани «Свитки Вторжения», собственно говоря, и были посвящены в первую очередь (в полном соответствии с самурайской традицией, согласно которой личный подвиг, личная доблесть и личная слава «боевого холопа» имели первостепенное значение).

На вооружении воинов татаро-монголо-китайской империи Юань состояли также превосходные пращи для метания камней, глиняных и свинцовых ядер, а также большие кривые луки, превосходившие японские «кю» в дальности стрельбы. Марко Поло сообщает в своей «Книге о разнообразии мира», что у каждого монгола имелся лук и впридачу к нему шестьдесят стрел; из этих шестидесяти стрел тридцать были легкими, снабженными маленькими острыми наконечниками, предназначенными для того, чтобы поражать неприятеля с дальних расстояний, а другие тридцать — тяжелые, с большими тяжелыми наконечниками, используемые на близком расстоянии, наносящие большой ущерб телу, доспехам и оружию неприятеля. Расстреляв весь запас своих стрел, воины каана Хубилая брались за мечи, палицы и копья, с которыми также управлялись мастерски.

Длинные монголо-татарские стрелы с большими и длинными наконечниками, выпущенные из монголо-татарских луков, летели на расстояние если и не до одного километра (во что верится с большим трудом, все-таки лук, какой бы он ни был — не баллиста и не катапульта!), то уж, во всяком случае, на полкилометра и дальше, а на расстоянии ста метров пробивали человека насквозь, нанося чудовищные рваные раны. Согласно авторитетному мнению Л.Н. Гумилева, стрела из монголо-татарского лука, натягиваемого «до глаза», летела на четыреста, а натягиваемого «до уха», — на семьсот метров. Особые бронестрелы с гранеными узкими (или долотовидными) наконечниками без особого труда пробивали

пластинчато-нашивные доспехи не слишком большой толщины и легко пронизывали кольчугу.

Мощный монголо-татарский лук был способен посылать стрелы почти на четверть километра. Правда, за сто лет до сражения с юаньскими захватчиками, в период «войны Гэм-пэй» между самурайскими «военными домами» Тайра и Миnamото, японские «боевые холопы» также могли метать стрелы из луков на столь же большое расстояние, причем весьма эффективно. Но тогда «босвые холопы» державы Ямато выпускали во врага свои стрелы из больших луков Канто, считавшихся самыми мощными и дальнобойными во всей Японии. Теперь же у храбрых защитников Страны восходящего солнца состояли на вооружении более легкие луки с острова Кюсю. К тому же за десятилетия мира самураи порядком растеряли навыки меткой стрельбы, уступая, таким образом, захватчикам и в этом отношении. Кроме того, юаньцы применяли и отравленные стрелы, чего японские самураи никогда не делали (как и европейские стрелки из лука). В довершение всего, юаньцы имели металлические щиты, прекрасно защищавшие от стрел и других метательных снарядов противника. Японские же «буси» в описываемый период щитов уже не имели.

Монголо-татарские конники в составе направленного на покорение Чипунгу десантного корпуса каана Хубилая были вооружены в соответствии с юаньскими военными традициями, восходившими, с одной стороны, к традициям монголо-татарских войск Чингисхана и Батгя (Батухана), с другой — к традициям мусульманских тюркских народов Средней Азии, в свое время покоренных монголо-татарами и включенными в их военную систему, с третьей — к военным традициям тангутской и китайской регулярной кавалерии.

Нередко думают, что кавалерийский контингент экспедиционного корпуса империи Юань, направленного кааном Хубилаем на покорение островной империи Чипунгу, включал в свой состав только конных лучников. Нам представляется, что данный вопрос требует уточнения.

Император Дзимму Тэнно. Фрагмент гравюры Адаши Гинко

Минамото Ёритомо любуется выгущенными журами.
Гравюра Цукиока Ёситоси

Актёр кабуки в роли
воительницы Томоэ Годзэн.
Художник Утагава Тоёкуни

Воительница Иси-ё, жена
Обоси Ёсио с нагинатой.
Гравюра Утагава Куниеси

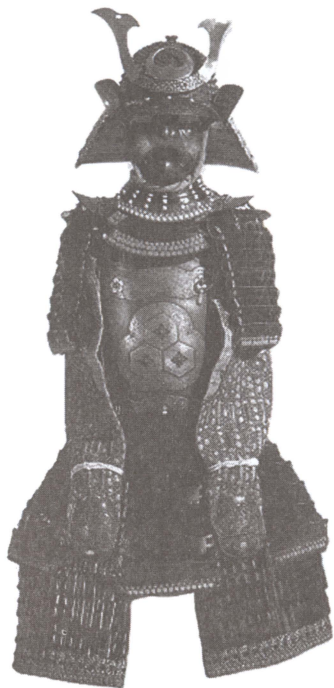

*Монголо-китайско-корейское вторжение в Японию.
Старинная японская гравюра*

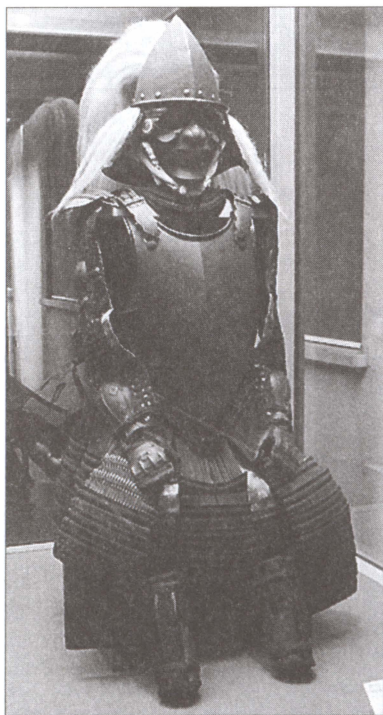

Бой самураев с войсками Хубиля

*Доспехи японского воина XVI в.
Британский музей*

*Самурайские доспехи XVI в.
Национальный музей Токио*

Командующий направляет солдат в атаку на замок Нагасино в 1575 г. Гравюра Цукиока Ёситоси

Тоётоми Хидэёси. Неизвестный художник

Доспехи Ода Нобунага

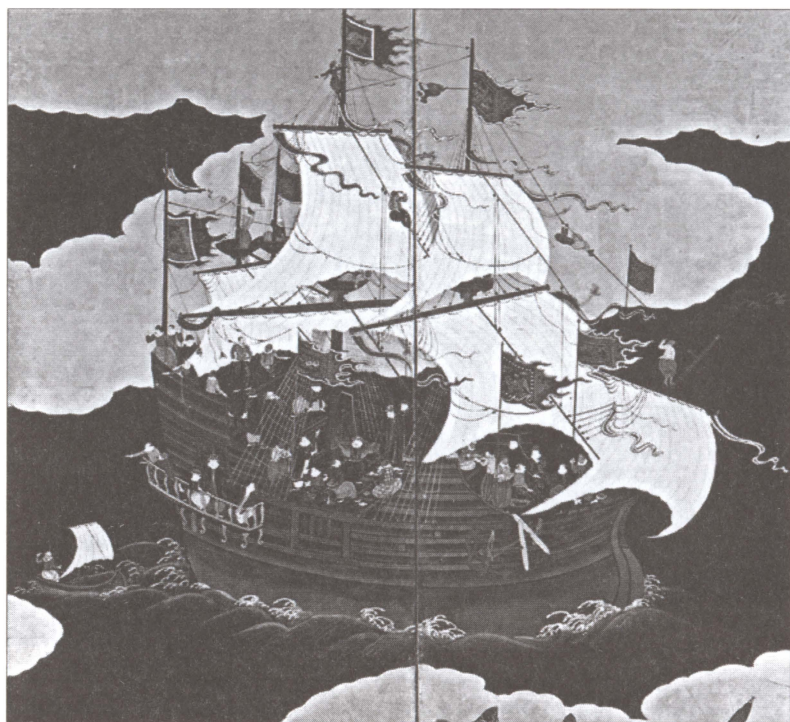
*Статуя Ода Нобунага
у замка Киесу*

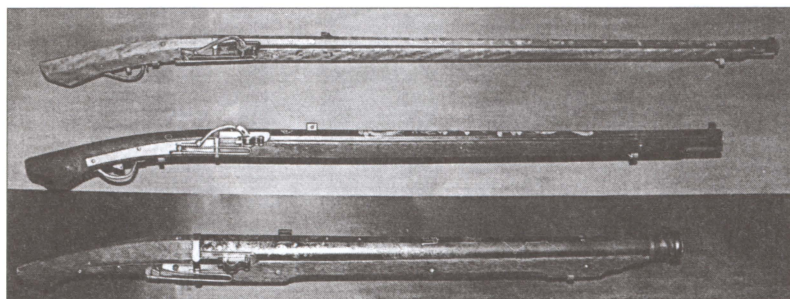
Доспехи Токугава Иэясу

Токугава Иэясу. Неизвестный художник

Португальский корабль XVII в. Старинная японская гравюра

Японские аркебузы эпохи Эдо

Замок в Осаке. Современный вид

Мемориал на месте битвы при Сэкигахара

Фува Кацумемон Масатанэ,
разглядывает лезвие своего
меча. Гравюра Утагава Куниеси

Исоаи Дзюрозмон Масахиса,
делающий выпад нагината.
Гравюра Утагава Куниеси

Сэппуку. Гравюра Утагава
Куникадзу

Генерал Акаси Гидаю
готовится совершить сэппуку
после проигранной битвы
за своего господина Акэти
Мицухидэ. Гравюра Цукиока
Ёситоси

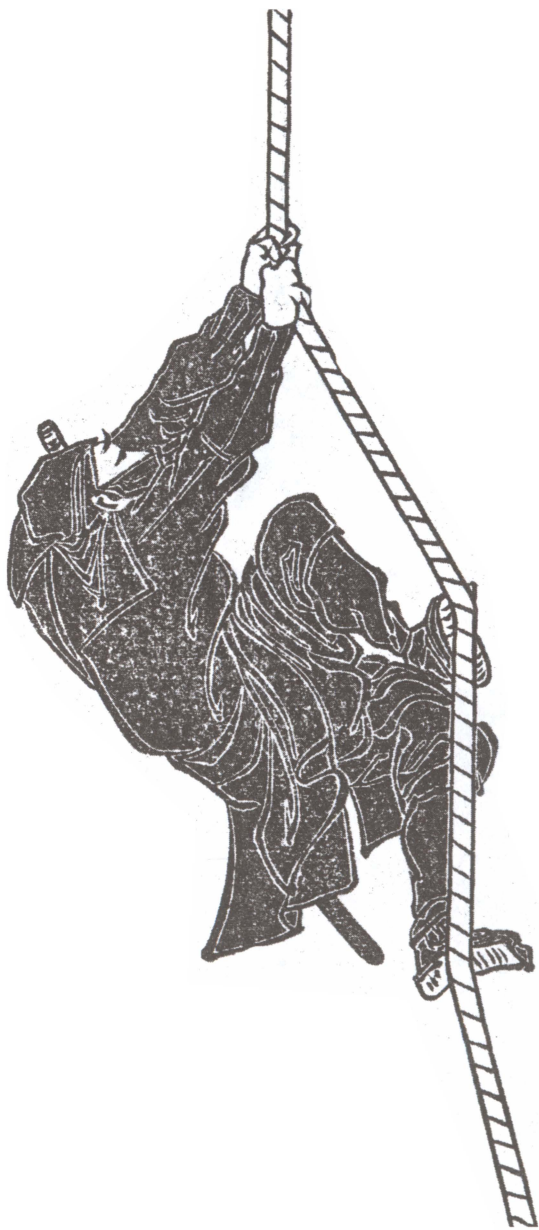

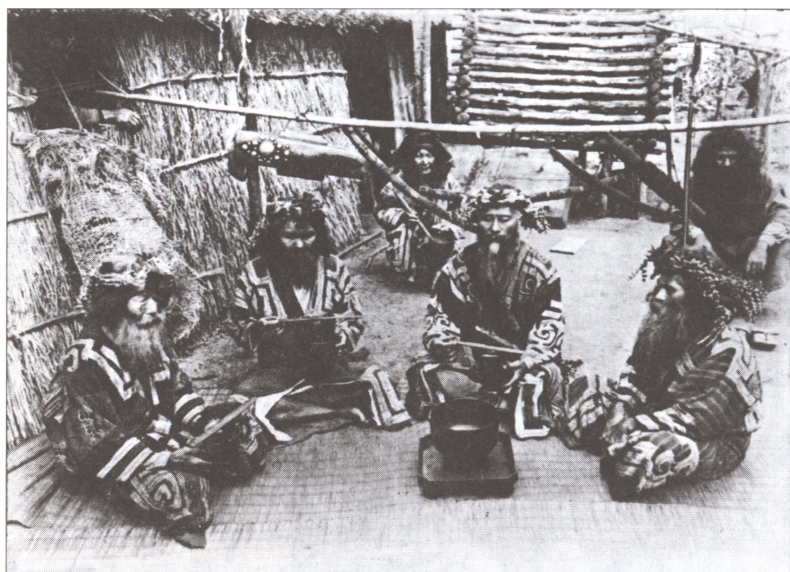
Японская гравюра на дереве, изображающая М. Перри (в центре) и американских морских офицеров

Самураи в полном вооружении. XIX в. Фотография Кусакабэ Кимбэй

Ниндзя. Художник Кусакабэ Кимбэй

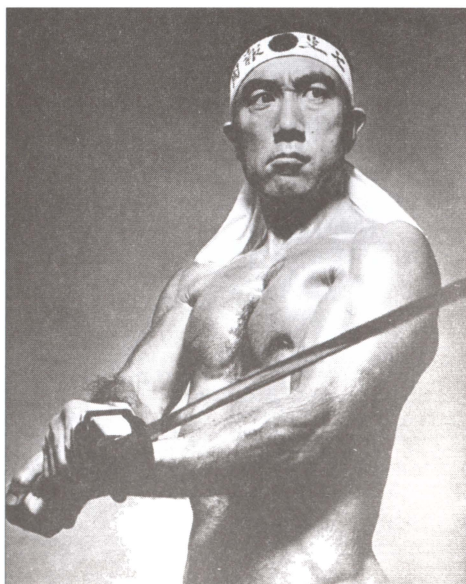

Айны. Фотографии XIX в.

*Камикадзе. Фотография
перед последним
вылетом. 1945 г.*

Конные лучники в составе монголо-татарского контингента юаньского войска действительно имелись. Их маленькие, верткие лошадки были мало пригодны к рыцарской конной рукопашной схватке (в которой тяжелые боевые кони топтали и сбивали грудью вражеских коней и всадников), но очень полезны при завязке боя и преследовании бегущего противника, собственном бегстве и всевозможных иррегулярных боевых действиях.

Монголо-татарские луки, как нам уже известно, были весьма мощными (силой натяжения до восьмидесяти килограммов и более). О пробивной силе стрел, выпущенных из этих луков, мы уже упоминали выше. Стрелы монголо-татары хранили в узких колчанах из бересты (остриями вверх) либо в кожаных сумках (оперением вверх).

Однако, несмотря на всю важность конных лучников, нет никаких оснований исключать из состава монголо-татарского контингента десантного корпуса каана Хубилая тяжеловооруженных конных копейщиков.

Выпустив в противника свой запас стрел (благодаря большой убойной силе стрел и отменной меткости стрелков от монголо-татарских стрел всегда было много убитых и раненых), конные лучники империи Юань (как, впрочем, и лучники войск «Железного Хромца» Тамерлана, египетских мамелюков и турок-османов) предоставляли возможность довершить разгром противника тяжело- и средневооруженным конным копейщикам. До атаки копьа висели у этих монголо-татарских «рыцарей» за правым плечом, закрепленные кожаными петлями у плеча и ступни. Копья имели либо узкие граненые «бронбойные», либо более широкие уплощенные наконечники, иногда с расположенным под клинком крючком (чтобы стаскивать неприятельских всадников с коня, как багром). Под наконечником копьа были украшены бунчуками из конских волос и узкими флажками с треугольными косицами.

Оружием ближнего боя монголо-татарам служили не только сабли (отнюдь не серповидные, как часто считают, а до-

статочно слабо изогнутые), но и мечи, а также булавы, шестоперы, боевые топорики и боевые ножи (которыми добивали раненых). Кроме того, на вооружении «несущих смерть Чингисхана сынов» имелись также арканы.

В то время как легкие монголо-татарские конники имели, в качестве защитного вооружения, отнюдь не «кожухи» или «овчины» (как иногда неправильно пишут и думают), а главным образом длинные, скроенные наподобие халатов, стегаемые панцири-«тегелеи» (нередко с подбоем из металлических пластин), тяжелая монголо-татарская конница имела в своем составе отряды, защищенные заимствованными у покоренных монголами мусульманских народов Средней Азии ламеллярными доспехами-«куяками» (или «хуягами», нередко надевавшимися поверх металлической кольчуги), и кольчатопластинчатой стальной броней, с металлическими наручами и поножами, щитами с металлическими умбонами и шлемами различных типов с кольчужными бармицами, наносниками и забралом (порой в форме личины, то есть стилизованного человеческого лица, зловеще улыбавшегося противнику в бою, — впечатление, производимое подобными личинами в натуре — во время фестивалей военно-исторической «железной» реконструкции гораздо менее приятно, чем при рассматривании их на картинках, — уж поверьте, уважаемый читатель, личному опыту автора).

Нередко монголо-татарские конные копейщики были вооружены, наряду с древковым и клинковым оружием ближнего боя, вдобавок еще и луком со стрелами. Их кони часто были, как и всадники, надежно защищены полными кольчужно-пластинчатыми доспехами (а не только стальными налобниками).

Единственное, в чем «сыны Ямато» не уступали юаньцам, была их личная доблесть. Самураи бились упорно, отчаянно, и, если бы исход сражения зависел только от отваги, юаньская армия вторжения, вполне возможно, потерпела бы поражение еще до того, как налетевший, по молитвам Тэнно,

«Божественный Ветер» — «Камикадзэ» — уничтожил флот «варварского» каана Хубилая.

4 ноября монголо-татаро-китайско-корейские интервенты высадились на береговой полосе и, сломив ожесточенное сопротивление бесстрашно атаковавшего их несравненно меньшего по численности самурайского отряда, перебили всех защитников острова, забрали в плен жителей и двинулись по морю дальше. Следующий рейд они совершили 13 ноября, захватили остров Ики, самурайским гарнизоном которого также командовал отпрыск рода Тайра — Сазмон-но Кагэтака. С Ики произошло то же, что и с Цусимой. Его отважные защитники «буси» были уничтожены все до единого. Японское сказание (записанное на страницах исторической хроники, донесшей до нас свидетельства титанической борьбы, наряду с уже упоминавшимися нами выше «Свитками Вторжения» — набором рисунков, иллюстрирующих подвиги отважного «боевого холопа» Такэдзаки Суэнаги, совершенные им при отражении юаньского нашествия) говорит, что юаньские генералы Ким и Хун возвратились на корабли, неся с собой, в качестве трофеев, тысячу отрубленных голов японских «боевых холопов».

От Ики «Непобедимая армада» каана Хубилая повернула на юго-восток, к острову Кюсю. Остров Кюсю — один из пяти больших японских островов, название которого буквально переводится как «девять провинций». Одной из этих провинций была провинция Тикудзэн, расположенная на севере острова, ближе всего к островам Цусима и Ики; ее географическое положение делало захват этой провинции особенно важным с точки зрения любого потенциального агрессора. Ровное и протяженное побережье Тикудзэн омывается морем, которое называется «Гэнкай». Дадзайфу находится в юго-западной части северного Кюсю. В политическом отношении остров Кюсю также находился под контролем пребывавшего в Камакуре «бакуфу», однако местные правители из самурайских кланов Отомо, Мацуура, Кикиути, Харада, Ояно, Кодама и др. традиционно обладали большим влиянием на дела всей

державы Ямато и пользовались заслуженной репутацией могущественных князей и военных предводителей.

Со времен императора Тэнки (то есть с 668—671 годов) в северной части острова Кюсю сохранились береговые укрепления, носившие название Мидзусиро («водная крепость»), построенные специально для отражения атак с моря. Однако с VII века эти укрепления почти никогда не использовались, и потому ко времени возникновения монголо-татаро-китайско-корейской угрозы с моря пришли в ветхость и местами обвалились. Как только нападение юаньцев стало реальной перспективой, энергичный молодой «сиккэн» Ходзё Токимунэ приказал заново отстроить их и усилить системой новых брустверов и бастионов высотой от двух до пяти метров, выстроенных из камня или песчаника. Серия оборонительных валов тянулась по побережью Кюсю примерно на протяжении примерно сорока километров. Реконструкция укреплений Мидзусиро велась силами самих местных владетельных князей. Строительные работы были закончены как раз накануне «необъявленного визита» юаньских незваных гостей.

«Непобедимая армада» каана Хубилая вошла в воды японской провинции Тикудзэн 18 ноября. Отдельные части монголо-татаро-китайско-корейских захватчиков отправились на кораблях занимать пункты на побережье пролива — Имадзу, Сахара, Хирадо, Мономиси, Акасака и другие, а остальные бросили якорь в проливе Хакодзаки («море Гэнкай»). На следующий день юаньский флот вторжения подошел к Хаката — порту в начале залива, укрытому отмелью Сига.

Сразу же после захвата юаньцами Цусимы администрация Дадзайфу объявила тревогу, разослав депеши начальникам всех крупных соединений Кюсю. В день появления «Непобедимой армады» каана Хубилая на рейде Хаката спешно разосланные депеши уже достигли почти всех крупных провинций Кюсю, и на север острова были столь же спешно посланы самурайские контингенты. Через реку Тикуго сразу же навели понтонные мосты, чтобы войска, двигавшиеся на север

из южных провинций (Сацума, Лсуми и Хюга), смогли переправиться в Хаката без промедления. В описываемое время руководителем всей подотчетной территории Дадзайфу был Сёни Цунэцугу, а оборона Хакодзаки была поручена Симадзу Хисацунэ из области Сацума.

В тот самый день, когда монголо-татаро-китайско-корейская флотилия вошла в Хакодзаки, курьер достиг стен Камакуры с известием о захвате юаньскими «варварами» Цусимы, а еще через десяток дней другой гонец сообщил «шатровому правительству» о сокрушительном разгроме гарнизона Ики. Сёгунское «бакуфу» во главе с «сиккэном» Ходзё Токимунэ немедленно разослало предписания чиновникам в разные концы страны призвать на оборону страны всех «буси», независимо от того, были ли они вассалами Камакуры, или нет. Тех, кто откликнулся сразу, ждала награда. Тех, кто не ответил на призыв, ждала верная смерть. Спешно собранные части «боевых холопов» отправились с равнины Канто (территория нынешнего Токио) в сторону Кюсю. Тэнно же посылал мольбы богам и предкам, посещал святилища и могилы своих усопших предков-императоров.

Итак, 19 ноября 1274 года воины монголо-татаро-китайско-корейского экспедиционного корпуса высадились на береговой полосе провинции Тикудзэн на острове Кюсю. Высадке юаньского десанта никто препятствий не чинил, хотя спешно мобилизованные самураи находились неподалеку, наблюдая за происходящим. «Боевые холопы» атаковали неприятельские десантные войска уже после того, как те выстроились в боевой порядок на берегу.

По обыкновению китайских войск, войска каана Хубилая построились в плотные каре, оцетинившиеся копьями, и двинулись на противника, выпуская в него огромное количество стрел. Чудовищный грохот китайских, среднеазиатских и монголо-татарских боевых барабанов-«накаров» и оглушительный рев длинных труб-«карнаев» воинов Великого хана, пугал непривычных к такой «военной музыке» лошадей саму-

раев и расстраивал их ряды. Тем не менее японские «боевые холопы» под командованием феодалов из кланов Сёни, Отомо, Симадзу, Кикиути, Мацуура и других яростно набросились на юаньских интервентов. Закипела яростная схватка, в которой противоборствующие стороны нисколько не уступали друг другу в мужестве, доблести и презрении к смерти. Однако вскоре «боевым холопам» владетельных князей Страны восходящего солнца пришлось на собственном горьком опыте убедиться в том, что воины каана Хубилая превосходят сынов Ямато сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, самураи — в лучших традициях рыцарей всех стран, времен и народов — стремились к совершенному, прежде всего, личного подвига. Фактически «боевые холопы» державы Ямато вели себя, как европейские рыцари современной им исторической эпохи, то есть не как члены организованной войсковой единицы, а как сугубые индивидуалисты, стремясь добиться личного успеха в бою, или, выражаясь словами написанного примерно в то же время «Слова о полку Игореве»: «ища себе чести (в первую очередь), а князю славы (только во вторую очередь)». Японские «боевые холопы» обожали вызывать врага на личный поединок. Самурай любил, красуясь в седле своего боевого коня, подразнить неприятеля, выкрикивая обидные слова в адрес супостата и одновременно восхваляя свою доблесть и древнюю родословную. Обычно в Японии подобного рода поступки выводили соперника из терпения, и он соглашался скрестить с обидчиком мечи не на жизнь, а на смерть. Точнее говоря, поединок самураев описываемой эпохи начинался перестрелкой из луков, после чего в ход шли мечи, затем — кинжалы, а завершалась смертельная схватка зачастую голыми руками. Противники вступали в единоборство, причем остальные «боевые холопы» не имели права вмешиваться в этот честный рыцарский поединок. В идеале победитель должен был отсечь своим острым мечом голову побежденному и предьявить ее, в качестве желанного трофея, своему военному предводителю, как свидетельство своего личного подвига.

Ничего подобного за воинами империи Юань (как монголо-татарскими и китайскими, так и корейскими) отнюдь не наблюдалось. Юаньцы были хорошо организованы, дисциплинированы и сильны своими коллективными, а не индивидуальными, усилиями. Если бы кто-то из них, поддавшись порыву отваги, осмелился покинуть строй, чтобы в индивидуальном порядке сразиться с кем-либо из неприятелей, немедленная казнь ожидала бы не только его, но и весь десяток, к которому этот воин был приписан (да и командовавшего этим десятком десятника). Воины каана Хубилая привыкли сражаться в плотно сомкнутом строю, тогда как каждый японский «боевой холоп» стремился к поединку с отдельно взятым противником, желательно равным ему по знатности и рангу. В схватке с юаньцами эта традиционная самурайская тактика оказалась совершенно неэффективной. Стоило какому-нибудь смельчаку-самураю приблизиться в одиночку к строю юаньских войск, вызывая кого-либо из интервентов на поединок, громко выкрикивая свое имя, имена своих предков и обидные слова в адрес «трусливых» неприятелей, как превосходно вымуштрованные юаньцы просто мгновенно размыкали свои ряды, выпуская беззаветно храброго «буси» в глубь своего строя, а затем дружно, совсем «не по-рыцарски», набрасывались на него со всех сторон и убивали. Никаких личных поединков они не признавали. Подобное происходило повсеместно — и на Цусиме, и на Ики, и на Кюсю. То, что казалось самураям трусостью и стремлением избежать честного «рыцарского» боя, на самом деле являлось проявлением сплоченности и отличной боевой выучки юаньских воинов. «Несущие смерть Чингисхана сыны» сызмальства привыкли слушаться приказов своих предводителей (которые, в отличие от предводителей японских, не участвовали лично в битве, но наблюдали за ее ходом и руководили им на расстоянии), вместо того, чтобы бросаться очертя голову в самое пекло, подобно «боевым холопам» владетельных князей Страны восходящего солнца.

Во-вторых, японским «боевым холопам» (как парадоксально это ни звучит) не хватало боевого опыта. Прошло уже более пятидесяти лет с тех пор, как в Японии завершились крупномасштабные военные столкновения (имевшие место последний раз в 1221 году). Следовательно, ни командующие самурайскими частями, ни сами эти части не имели опыта войны, тогда как монголо-татары, китайцы и корейцы, вступившие на японскую землю по повелению каана Хубилая, были ветеранами, провославшими большую часть своей жизни (сначала друг с другом, а впоследствии — под одними знаменами).

Нехватка боевого опыта у самураев выражалась, прежде всего, в менее искусном владении оружием.

В-третьих, юаньцы были гораздо лучше вооружены и оснащены (в том числе и самым «высокотехнологичным» оружием описываемой эпохи).

И, наконец, в-четвертых, юаньцы имели подавляющее численное превосходство. Японских самураев было слишком мало для обеспечения эффективной обороны столь обширной территории — береговая полоса тянулась на три с лишним десятка километров, и быть сильными повсюду «боевые холопы» державы Ямато оказались не в состоянии.

Тем не менее на протяжении первых нескольких часов шла упорная борьба. Преимущество имели более упорные в бою монголо-татарские, китайские и корейские воины Великого хана. Они нанесли серьезное поражение японским «боевым холопам» (потом выяснилось, что в сражении polegло более трети доблестных самураев, которых не спасла их беззаветная отвага), хотя и сами пострадали от них. Довольно долго японским «буси» удавалось сдерживать натиск наседавшего противника, а то и самим отчаянно контратаковать, однако в конце концов им пришлось все-таки отступить, буквально скрежеща зубами от отчаяния.

На закате дня измученные японцы, не в силах уже продолжать сражение, отошли в глубь острова под защиту укрепления Мидзусиро (именовавшегося также Мидзуки). Здесь они

могли спокойно поджидать подкреплений, которые к тому времени уже спешили к ним с других концов острова Кюсю. Хотя японские «буси» в целом проиграли юаньским интервентам сражение у Хакадатэ, они не были разбиты. И все-таки, если бы подкрепления опоздали, то перспективы японских «боевых холопов» Ходзё Токимунэ на следующий день выглядели бы весьма печально: юаньцы навсерняка уничтожили бы их всех до единого.

Однако японским «буси» неожиданно повезло. Юаньские интервенты не стали оставаться на берегу на ночь, но ретировались на корабли. «Несущие смерть Чингисхана сыны» поступили так по нескольким причинам. Прежде всего, надвигалась ночь, местность была им незнакома и откровенно враждебна. Приученные и привыкшие к предельной осторожности в любой обстановке, юаньские интервенты вполне допускали возможность внезапной ночной атаки свирепых воинов державы Чипунгу, во время которой их преимущества были бы нивелированы. К тому же был смертельно ранен один из главных полководцев экспедиционного корпуса каана Хубилая — Ли Фу-хэн. Но самым главным оказалось предупреждение корейских моряков: надвигался шторм, и следовало выйти из гавани как можно быстрее, чтобы корабли не разбились о прибрежные скалы.

Воины каана Хубилая приняли решение не просто погрузиться на корабли, но и вообще покинуть это негостеприимное место. Не совсем ясно, собирались ли юаньцы возвращаться в Корею, или просто хотели переждать ненастье в открытом море, однако, в любом случае, они отступили и для того, чтобы скрыть от преследователей свой маневр, подожгли расположенные на берегу деревни и святилища.

Но погода испортилась, прежде чем «Непобедимая армада» хана Хубилая успела отойти от берегов оказавшейся столь негостеприимной страны Чипунгу на безопасное расстояние. Поднялся сильнейший ветер с ливневым дождем, море разбушевалось, и гигантские волны бросали корабли как щепки. Так

продолжалось всю ночь. К рассвету ветер утих и вышедшие из-за укрытия японские «боевые холопы» обнаружили только спешно удаляющиеся от столь негостеприимных берегов Чипунгу остатки монголо-татарско-китайско-корейской десантной армады. Один из юаньских кораблей напоролся на отмель Сига, которая образует северную часть бухты Хакодзаки. Сто юаньских ратников, находившихся на борту севшего на мель корейского корабля, были немедленно схвачены японскими «боевыми холопами», привезены в Мидзуки и преданы смертной казни, как презренные пираты. Затонул также корабль, на котором находился командующий корейским контингентом армады Великого хана. Согласно корейским источникам, шторм серьезно потрепал «Непобедимую армаду» Хубилая, вернувшуюся в порты Корё, недосчитавшись тринадцати тысяч человек и более чем двухсот кораблей.

Молитвы Тэнно своим Божественным предкам не остались теми не услышанными.

В то время когда юаньские корабли еще стояли в заливе, а роковой и смертоносный для захватчиков шторм только приближался, несколько сотен небольших суденышек с отчаянными японскими моряками и «боевыми холопами» на борту подошли к не успевшему поднять якоря флоту Великого хана и устроили на нем грандиозный пожар, запалив массу кораблей и уничтожив под прикрытием огня великое множество вражеских воинов. Вероятно, эти утлые суденышки не успели ускользнуть до наступления, как и юаньские корабли, так что храбрые японцы погибли вместе с уничтожаемыми ими завоевателями, принеся свои жизни в жертву на алтарь Отечества, предвосхитив судьбу японских летчиков-смертников в аналогичных обстоятельствах в конце Второй мировой войны.

Каан Хубилай был чрезвычайно раздосадован результатами битвы его багатуров с самураями на берегу Тикудзэн. Тем не менее он считал, что столь тщательно спланированная юаньскими стратегами при его весьма деятельном личном участии десантная операция провалилась, прежде всего, из-за

погодных условий, и продолжал пытаться оказывать дипломатическое давление на Чипунгу. Однако со следующими послами Великого хана японцы обошлись уже куда хуже, чем с прежними. В 1275 году по приказу «сиккэна» Ходзэ Токимунэ (вероятно, потерявшего в конце концов всякое терпение) чрезвычайный и полномочный юаньский посол был обезглавлен, как какой-нибудь морской разбойник или грабитель с большой дороги. С двумя прибывшими впоследствии послами хана Хубилая поступили точно так же. Это означало уже открытое объявление войны державному потомку Чингисхана — весьма смелый поступок, если вспомнить, что в описываемое время империя Юань находилась на вершине своего могущества, усиленно готовясь к вторжению в Индокитай (упоминаемый в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло как «Зердамдан», буквально: «Золотые Зубы») и в Индию, и никто в тогдашнем мире не решался бросить ей вызов. В свое время аналогичный поступок — казнь послов деда Хубилая, каана Чингисхана — стоил, как мы помним, престола и головы могущественному Хорезмшаху Мухаммеду, одному из сильнейших (если не сильнейшему на тот момент) владык мусульманского мира.

Гордый внук «Потрясателя Вселенной» из рода Борджигин каан Хубилай принял вызов, брошенный ему молодым «сиккэном», и стал готовить новую экспедицию в Страну восходящего солнца. В 1281 году Великий хан послал на покорение Чипунгу гораздо лучше оснащенную флотилию и гораздо более многочисленный десантный корпус — сто сорок тысяч (!) отборных воинов на тысяче кораблей. Однако за прошедшие годы отважные сыны Ямато не сидели сложа руки. Они построили мощные береговые укрепления и загодя приготовились к новому юаньскому вторжению. Когда татаро-монголо-китайско-корейские интервенты прибыли к берегам Страны восходящего солнца (опять в Тикудзэн), их там уже поджидали. Два месяца подряд десантники каана Хубилая сражались с японскими самураями, стремясь хотя бы закрепиться на побережье ненавистного Чипунгу, но «боевые холопы» Страны

восходящего солнца всякий раз сбрасывали «заморских варваров» в море. Наконец, налетевший новый ураган — «Божественный Ветер», «Камикадзс», как и семь лет назад разметал огромную юаньскую флотилию, уничтожив больше половины уже второй по счету «Непобедимой армады» каана Хубилая. Господь подул — и они рассеялись...

Юаньцы больше не нападали на негостеприимный Чипунгу (возможно, в их отказе от дальнейших попыток подчинить себе оказавшуюся неожиданно таким «твердым орешком» непокорную островную державу сыграло роль и то, что они увидели в Японии своими собственными глазами и что разительно отличалось от рассказов об этой стране, ходивших при дворе Великого хана в Ханбалыке — ни о каких домах и храмах с золотыми крышами или улицах, вымощенных крупным жемчугом и драгоценными камнями, не было и речи). И вообще, каану Хубилаю явно не везло в войне на море. Организованная всемогущим потомком Чингисхана военно-морская экспедиция с целью покорения индонезийского острова Явы также завершилась неудачей.

Божественный Ветер — «Камикадзе» — вызванный молитвами Тэнно, дважды спас Страну восходящего солнца от монголо-татаро-китайско-корейского вторжения во второй половине XIX века. Данный факт широко известен, как и то, что в 1945 году японские летчики-смертники, также названные в честь и в память того, оказавшегося спасительным для державы Ямато, средневекового Божественного Ветра, «камикадзе», многократно атаковали на своих начиненных взрывчаткой самолетах армаду военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, направлявшуюся к берегам островной империи. Некоторым летчикам-«камикадзе» удалось поджечь, повредить или даже потопить американские военные корабли, хотя большинство из пилотов-самоубийц было сбито американской зенитной артиллерией еще на подходе к цели. Менее известен другой, поистине удивительный (во всяком случае, для тех, кто не верит в существование синтоистских

богов-«ками») факт: в результате самоубийственных налетов пилотов-смертников на море разыгрался сильнейший тайфун, разбивший американский флот вторжения и нанесший ему такие серьезные потери, что стратегам США пришлось отказаться от попыток претворить в жизнь свой план вторжения на Японские острова с моря и вместо этого применить ядерное оружие...

ПАДЕНИЕ КАМАКУРСКОГО СЁГУНАТА

Недаром говорится, что «ничто не вечно под луной». С течением времени военные губернаторы-«сюго» становились все более независимыми от Камакурского сёгуната. Они превращались в крупных феодалов, сосредотачивая в своих руках все большие земельные владения. Особенно усилились родовитые дома юго-западных провинций, значительно увеличивших свои вооруженные силы. В XIII веке Япония вела оживленную торговлю с Китаем. Благодаря этой весьма прибыльной торговле обогащались не только купцы и ремесленники, но и феодалы западных и юго-западных провинций, откуда в основном велась эта торговля. Не желая мириться с усилением отдельных домов, Камакурский сёгунат препятствовал рыночной деятельности феодалов, ремесленников, торговцев и зажиточного крестьянства. Это послужило поводом для восстания против власти сёгуната.

Противоречиями между феодалами и сёгунатом решил воспользоваться честолюбивый Микадо Го-Дайго, с юных лет мечтавший вернуть императорскому дому политическую власть. Подобно своим предшественникам в аналогичной ситуации, предприимчивый Божественный Тэнно привлек на свою сторону многих влиятельных феодалов, недовольных сёгуналом, в том числе юго-западного феодала Такаудзи Асикагу и восточного феодала Ёсисиду Нитту. Первые попытки разгромить войска Камакурского сёгуната, предпринятые в 1324 и в 1332 годах, окончились неудачей. Однако в начале

мая 1333 года Такаудзи Асикаге удалось захватить императорскую столицу Киото, а Ёсисиде Нитте — сёгунскую столицу Камакуру (в благодарность за победу Нитта принес свой меч в жертву усердно почитаемой им богине Солнца Амаэрасу Омикаме, бросив его в морские волны, что, согласитесь, напоминает историю о короле Артуре, повелевшем своему последнему верному рыцарю поступить аналогичным образом со своим верным мечом Экскалибуром).

Оказавшись в совершенно безвыходном положении, «сёгун» и сохранившие ему верность восемь сотен «боевых холопов» совершили коллективное самоубийство. Камакурский сёгунат был уничтожен, после чего победители — Асикага и Нитта — не замедлили вступить между собой в борьбу на его обломках. Такаудзи Асикага представлял передовой, экономически развитый западный район, Ёсисида Нитта — отсталый восточный. В то время как на западе Японии, где было много заливных рисовых полей и налаженных водных транспортных путей, развивались ремесла и процветала торговля, на востоке Страны восходящего солнца царило запустение, торговля и ремесла еле тлели. Экономически победа Асикаги была предрешена. В 1338 году Нитта потерпел поражение при осаде крепости поддерживавших Асикагу монахов буддийского духовно-военного ордена Фудзисима и, раненный в лоб вражеской стрелой, пробившей его шлем, покончил с собой весьма необычным для самурая способом. Он не стал вспарывать себе живот, в соответствии с ритуалом «сэспуку» (вероятно, вследствие нехватки времени), а якобы сам отрезал себе голову своим собственным мечом, так что на рисовое поле, в котором увяз его конь, сначала скатилась отделенная от тела голова, а затем упало и обезглавленное тело покорителя Камакуры. На первый взгляд эта история кажется неправдоподобной, но, учитывая горячку боя, фанатичную преданность Ёсисиды Нитты самурайскому кодексу чести и остроту самурайского меча... кто знает? «Темна вода во облацех», как выражались в подобных случаях наши далекие предки...

Как бы то ни было, но титул «сёгуна» перешел к представителям «военного дома» Асикага. Его глава, благородный самурай Такаудзи Асикага (1305—1358), однако, не стал восставливать разрушенную Камакуру и, вместе со своим новым «бакуфу», переселился в императорскую столицу Киото. Ему хотелось быть поближе к Божественному Тэнно (а главное, к придворному окружению последнего), в целях осуществления более эффективного контроля. Однако, как вскоре выяснилось, это решение было роковой ошибкой.

Попав в Киото, новые предводители самураев, не искусенные еще в делах управления, сразу же угодили в водоворот интриг императорского двора. Воины, привыкшие к железной дисциплине и суровой жизни, попав в изобиловавшую соблазнами столицу, погрязли в разврате, роскоши, а главное — безделье. Чтобы сравняться с надменной и кичливой придворной знатью «кугэ», «сёгун» Асикага и влиятельные самураи из его окружения стали, подражая «кугэ», строить себе великолепные дворцы в китайском вкусе, окруженные садами, каждый из которых был произведением искусства. Они участвовали в приемах, празднествах и театральных представлениях, содержали дорогостоящих наложниц и... пренебрегали государственными делами. Последствия не заставили себя долго ждать. Как только военные губернаторы-«сюго», которых «сёгун» прежде держал в строгости, почувствовали, что суровая хватка «бакуфу» ослабевает, они начали хозяйничать у себя в провинциях по своему усмотрению. Уже в XV веке многие из местных правителей жили как владетельные князья — «даймё» (буквально: «великое имя»). Они формировали собственные отряды самураев, во главе которых нападали на своих соседей, видя в каждом врага, пока наконец отдельные стычки не переросли в настоящую гражданскую войну, все шире и шире расплзавшуюся по стране.

Последующую фазу этой войны «всех против всех» называют «сэнгоку дзидай», то есть буквально: «эпоха воюющих (между собой. — В.А.) провинций». Длилась она с 1478 по

1577 год, то есть целое столетие. Это время было ужасным для Страны восходящего солнца и для почти всех жителей, кроме представителей сословия «босвых холопов» — уж они-то могли вволю предаваться ратным утехам, получив вдобавок несбываемые дотоле возможности «служебного роста» (в течение этого столетия практически каждый «буси» мог сделать совершенно головокружительную и немыслимую ранее военную карьеру, дослужившись от рядового «боевого холопа» до генерала и даже министра, пока этому «безобразию» — с точки зрения родовитых аристократов, разумеется! — не положил конец диктатор Хидэёси Тоётоми, сам выбившийся «в люди» из самых низов)!

В пору всеобщего безумия «босвые холопы», веками воспитываемые в духе верности и преданности господину, стали совершать поступки, совершенно немыслимые для самурая прежде. Все чаще начальники самурайских отрядов восставали против нанявших их владетельных князей-«даймё», которым недавно, в духе лучших самурайских традиций, клялись в верности не на жизнь, а на смерть, убивали их или изгоняли, присваивая себе их владения. Наступила эпоха потрясения устоев прежней жизни, которую историки называют «гэкокудзё» («низшие одолевают высших»). О том, как эта вакханалия измен и кровопролитий сказалась на японском обществе, красноречиво свидетельствуют следующие цифры.

В начале «эпохи воюющих провинций» в Японии насчитывалось приблизительно двести шестьдесят «даймё», причем все они происходили из благородных самурайских родов. К концу эпохи «сэнгоку дзидай» во всей Японии осталось не больше десятка «даймё», именуемых «сэнгоку даймё» (буквально: «князьями воюющих провинций») — мелких, тщеславных провинциальных князьков, нередко являвшихся не потомственными знатными самураями, а людьми сомнительного происхождения, которые в смутное время пробивались вверх собственными силами, не брезгуя поступками, несовместимыми с канонами самурайской чести.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА ДЕРЖАВЫ ЯМАТО

В середине XVI века казалось, что империя Ямато, сотрясаемая гражданской войной, того и гляди безвозвратно развалится на отдельные государства и лишь чудо сможет предотвратить окончательный распад и вернуть стране долгожданный (для всех, кроме самураев!) мир.

Но свершилось очередное чудо, не меньшее, чем «Камикадзе». «Даймё» провинции Овари (расположенной в центральной части острова Хонсю) Нобунага Ода (1534—1582) совершенно неожиданно стал спасителем страны.

Нобунага родился в 1534 году. Его отец, Нобухидэ Ода, был одним из «даймё» провинции Овари. Нобунага Ода был выдающимся человеком — целестремленным, прозорливым, лишенным предрассудков, хладнокровным, вероломным и хитрым. Вдобавок он оказался гениальным полководцем. Самым главным врагом клана Ода был «даймё» Ёсимото Имагава. Разгром его войск в битве при Окэгасаме в 1560 году, при деятельном участии молодого Нобунаги, оказался событием, одинаково важным как для семейства Ода, так и для всей Японии. Подобно своему отцу Нобухидэ, Нобунага Ода был убежденным сторонником введения в самурайских войсках новых военных технологий, что и продемонстрировал в 1553 году в ходе визита к своему тестю Досану Сайто. В свиту Нобунаги входили, между прочим, тысяча триста пехотников-«асигару», восемьсот из которых были вооружены длинными копьями, а пятьсот — аркебузами-«тэппо». Досан Сайто не смог сдержать своего восхищения. По горькой иронии судьбы, самый успешный из всех будущих завоевательных походов Нобунаги Оды был поход 1567 года, направленный против внука Сайто, у которого Нобунага в результате отнял замок Гифу. Совершив целый ряд удачных военных походов против крупных феодалов и сломив мощь влиятельных буддийских монастырей (обладавших многочисленными боевыми отрядами воинов-монахов, наподобие духовно-рыцарских орденов средневековой Евро-

пы, и активно участвовавших в междоусобных войнах), Нобунага сумел подчинить своей власти центр страны со столицей Киото. В борьбе с буддийскими монастырями Ода пользовался активной поддержкой католических миссионеров из ордена иезуитов, проводивших, по поручению папского престола и своего генерала¹, в описываемый период активную миссионерскую деятельность в Китае и Японии, а заодно снабжавших своего подопечного (Нобунага Ода был не только крещен по обряду римско-католической церкви и не только брал с собой в походы христианских католических священников, громогласно восклицая: «Амен!»)², когда те благословляли его на бой, но и носил в бою западноевропейские рыцарские доспехи и шлем с забралом, присланные в ему в дар самим папой римским через короля Португалии — как церковный, так и светский владыка «латинян» надеялись, с помощью Нобунаги, христианизировать далекую Японию, столь желанную для западных европейцев еще со времен Марко Поло, и тем самым подчинить ее своей власти) ценными, не известными ранее в Стране восходящего солнца, знаниями (особенно в области математики, физики и астрономии), а главное — огнестрельным оружием (вскоре искусные и оказавшиеся уже в те давние времена чрезвычайно восприимчивыми ко всему новому японские мастера-оружейники, взяв за образец западноевропейские аркебузы, наладили производство собственного огнестрельного оружия — об этом будет еще подробнее рассказано далее). В 1568 году Нобунага Ода, разместив свою ставку в замке Гифу, в союзе со своим верным вассалом Иэясу Токугавой, следовавшим за ним в арьергарде по дороге Токай-

¹ Глава римско-католического клирикального ордена иезуитов (или, на латыни, *Societas Jesu*, то есть «Общества Иисуса») официально именовался (и именуется по сей день) «генералом», (а неофициально — «черным папой»).

² «Амен!» — латинский вариант формулы «Аминь!» (*др.-евр.* «Да будет так!») — этот эпизод вошел в знаменитый художественный фильм Акиры Куросавы «Кагэмуся» («Тень воина»).

до и прикрывавшим его с тыла, вступил в Киото и отрешил от власти Ёсиаки — последнего «сёгуна» из «военного дома» Асикага (находившегося с тех пор «в бегах») ¹. Взятие Киото Нобунагой Одой явилось важным символическим шагом. Все другие крупные «даймё», вынашивавшие сходные планы, были крайне раздосадованы тем, что Нобунага их опередил. Главными противниками подобного внутривосточного развития на местах были могущественные семейства Адзай и Асакура, угрожавшие Нобунаге с севера. В 1570 году Нобунага Ода одержал над этими кланами победу в сражении при Анегаве. Ожесточенная битва шла весь жаркий летний день в ложу реки Анегавы. Согласно свидетельствам очевидцев, это было сражение в классическом самурайском стиле, с большим количеством единоборств, преимущественно на мечах. Нобунага позаботился о том, чтобы на протяжении трех последующих лет от кланов Асакура и Адзай не осталось и следа. Овладев их родовыми замками Одани и Итидзё-га-тани, Ода разместил в них свои собственные гарнизоны.

Однако оставалась еще угроза в лице популярной буддийской секты «дзёдо-синсю», с армиями которой — «Иккоикки» — Нобунаге пришлось воевать на протяжении долгих двенадцати лет. Военные буддисты оказались гораздо более серьезным препятствием на пути к осуществлению далеко идущих планов Нобунаги, чем кто-либо из соперничавших с ним «даймё». В определенный момент эти буддийские армии, состоявшие не только из воинов-монахов, но и из восставших крестьян, превратились в самостоятельную силу на японской политической арене. В провинции Кага они даже изгнали тамошнего «даймё» из его родовых владений, учредив там своеобразное «государство в государстве» под контролем многочисленных мелких землевладельцев и крестьян, объединенных фанатичной верой в правоту верования своей секты.

¹ По другим данным, последнее событие произошло в 1573 году.

«Икко-икки» из района Осаки стали причиной самой продолжительной осады в японской истории. В ходе этой осады Нобунага Ода был вынужден время от времени уменьшать крепостной храм Исияма Хонъяндзи. Этот продолжительный и кровопролитный поход был направлен против мощного замкового комплекса, построенного по последнему слову тогдашней фортификационной архитектуры в море камышей и рск. Подкрепления и провиант для осажденного крепостного гарнизона приходилось подвозить по воде, воспользовавшись щедрой помощью самурайского клана Мори, под обстрелом многочисленных аркебузирова осаждающих (в войсках «Икко-икки» имелось большое количество огнестрельного оружия — талантливые японские оружейники к этому времени уже наловчились производить «тэппо» и поставили производство местных копий заморских «огненных трубок» на поток).

Кроме неукротимых фанатиков «Икко-икки» Нобунаге угрожала еще одна армия, одержимая столь же неистовым религиозным пылом, — секта, члены которой, воины-монахи, не признававшие законность киотских властей, издавна обитали на священной горе Хейдзэн — центре тэндай-буддизма. Теперь они объединились с «Икко-икки» и выступили против Нобунаги Оды. Когда последний в 1570 году вторгся в провинцию Этидзэн и проходил мимо подножия священной горы Хейдзэн, то сразу сообразил, что засевающие на горе монахи-воины угрожают его коммуникациям севернее Киото. В 1571 году он окружил гору огромным войском. «Боевые холопы» Нобунаги, постепенно восходя по горным тропам к вершине, уничтожали все живое, включая буддийских священнослужителей и гражданских лиц, невзирая на пол и возраст. Эта кровавая расправа с правыми и виноватыми явилась грозным предупреждением всем, кто осмелился бы встать у него на пути. Это была, возможно, единственная военная операция Нобунаги Оды, в ходе которой некоторые его подчиненные — вплоть до генералов-«гайсё» — отказывались выполнять отданные им приказы — и не были за это наказаны...

Как бы то ни было, не без помощи подобных наглядных примеров своей крайней беспощадности, Нобунага становился раз от разу все сильнее. В 1575 году он одержал свою самую знаменитую победу при осаде замка Нагасино. Нагасино был пограничным замком клана Ода, подвергшимся нападению воинственного князя Кацуёри Такэды. Нобунага поспешил на помощь своему осажденному войсками Такэда в крепости гарнизону. Его укрепленные оборонительные линии располагались на расстоянии нескольких километров от осажденной крепости. Клан Такэда был известен своей многочисленной и тяжеловооруженной конницей. Но на этот раз он столкнулся с противником, вооруженным тремя тысячами аркебуз. Воины Нобунаги Оды были настолько дисциплинированными, что, хладнокровно подпустив поближе неприятельскую кавалерию, почти в упор вели по ней огонь организованными залпами, буквально выкашивавшими ряды снова и снова атаковавших их позиции конных «боевых холопов» Кацуёри Такэды. Сила нападающих была подорвана, и в последовавшей вслед за расстрелом кавалерии рукопашной схватке одержали победу «буси» Нобунаги Оды.

В 1576 году Нобунага построил сильно укрепленный замок Адзути, в который перенес свою Ставку. Там он находился на достаточном удалении от Киото, чтобы чувствовать себя в безопасности от всякого рода неприятных неожиданностей, но в то же время достаточно близко от столицы, чтобы сразу же вмешаться в случае нежелательного для него изменения ситуации и взять ее под контроль. В 1578 году войско Нобунаги Оды, при участии войск клана Мори, приняло участие в целой серии ожесточенных боев (как на суше, так и на воде) с отрядами фанатиков «Икко-икки» при Кидзугавагути, а в 1579 году совершило несколько походов против «Икко-икки» в районе Осаки, а в 1580 году — против непокорных ему провинций Исе и Ига.

В состав войск Нобунаги Оды входили два отборных конных самурайских подразделения — «Красные дьяволы» (об-

лаченные в кроваво-красные доспехи и шлемы, с красными опознавательными флагами за спиной), в составе которых начинал свою военную карьеру знаменитый впоследствии «тайсё» Маэда Тосиизэ, и «Черные дьяволы» (облаченные, соответственно, в черные доспехи и шлемы, каждый из которых имел за спиной пару своеобразных «крыльев» с позолоченными «перьями»); они напоминали крылья за спинами тогдашних кавалеристов армии турок-османов, польских и литовских гусар и конных телохранителей-«жилцов» Великих Государей Московских). В рядах «Черных дьяволов» Нобунаги Оды начинал свою карьеру прославленный «тайсё» Наримаса Саса.

Уже в 1582 году Нобунага Ода, опираясь на свою многочисленную, оснащенную высококачественным огнестрельным оружием и обладавшую сильной самурайской конницей армию, контролировал большую часть Центральной Японии, включая Киото, и важные в стратегическом отношении, ведущие на восток дороги Такайдо и Накасэндэ. Разгромив в 1580 году войска враждебного ему «даймё» Хонгандзи Исиямы, Нобунага впервые за годы своей блестящей военно-политической карьеры начал распространять свое влияние в западном направлении. Два его наиболее опытных и одаренных «тайсё» повели — каждый по отдельности, но параллельно — наступление на запад. Хидэёси Тоётоми занялся умиротворением западного побережья Хонсю, а его соратник Мицухидэ Акэти преследовал аналогичные цели на севере Японского моря. Многие из военных походов Хидэёси были направлены против самурайского клана Мори. Наконец, летом 1582 года он подступил к родовому замку Мори — Такамацу, терпеливо выжидая, пока замок будет затоплен речными водами, поднявшимися от возведенных по его приказу дамб. И в этот момент Хидэёси получил известие, в корне изменившее всю его дальнейшую жизнь, как и судьбу Страны восходящего солнца. Упорное сопротивление самураев клана Мори вынудило Хидэёси запросить у своего сюзерена Нобунаги Оды подкреплений. Ода выслал ему подкрепления под коман-

дованием Муцухидэ Акэти, намереваясь выступить вскоре следом за ними. Тем самым Нобунага остался без достаточно сильной защиты. В ту же ночь Акэти развернул войска, отданные Нобунагой Одой ему под начало, двинул их обратно на Киото и напал на Нобунагу, которому впервые изменило счастье. Нобунага Ода, окруженный в киотском храме мятежными войсками восставшего против него полководца, был вынужден покончить с собой (а по другой версии — пал от руки Мицухидэ Акэти, которого в свое время, в порыве гнева, смертельно оскорбив, ударив по голове веером). Япония снова оказалась на грани катастрофы.

Так погиб первый объединитель Японии и один из величайших самурайских полководцев. Его организационные таланты, выдающиеся способности тактика и активное использование им современных по тем временам военных технологий поставили его в ряд самых выдающихся военачальников державы Ямато.

Другой отличительной особенностью Нобунаги Оды была его вошедшая в пословицу беспощадность. Победенные самурайские кланы, осмелившиеся сопротивляться ему, обычно истреблялись Нобунагой поголовно (за исключением Хонгандзи Исиямы — по это исключение стало не более чем подтверждением правила). Неприятелей этот своеобразный японский христианин (видимо, почитавший Ветхий Завет больше Нового) вырезал буквально тысячами, и его насильственная смерть стала, в сущности, вполне закономерным завершением преисполненной насилия жизни объединителя Японии.

Тем, что дело объединения Страны восходящего солнца было все-таки продолжено, держава Ямато была обязана самому способному из полководцев покойного Нобунаги Оды — Хидэёси Тоётоми (1536¹—1598), выдающемуся японскому военному и политическому деятелю, в свою очередь объединившему средневековую Японию — выходцу отнюдь не из бла-

¹ Согласно другим источникам — 1537.

городного и доблестного самурайского, а из всеми презираемого (к описываемому времени) крестьянского сословия. Так, во всяком случае, гласит наиболее распространенная (хотя и всего лишь одна из многих) версия происхождения будущего диктатора и очередного объединителя Страны восходящего солнца.

Согласно этой версии, Хидзэси родился в крестьянской семье в провинции Овари в 1536 (или в 1537) году. В юные годы, возжелав стать самураем, последовательно нанимался на службу к нескольким военачальникам, пока в 1554 году не присоединился окончательно к будущему властителю провинции Овари — Нобунаге Оды. Последний возвел Хидзэси в чин генерала («тайсё») за блестящий ум и выдающиеся военные способности. Среди подвигов, принесших крестьянскому (?) сыну популярность в самурайской среде, современники называли форсированное («за одну ночь») строительство замка Суномата в 1566 году, прикрытие тылов армии Нобунаги Оды в битве при Канагасаки в 1570 году, а также взятие сильно укрепленного и окруженного со всех сторон водой замка Такамацу в 1582 году. В 1583 году, после гибели Оды Нобунаги в храме Хоннодзи от рук мятежника Мицухидэ Акэти (или самоубийства объединителя Японии в окруженном и подожженном мятежниками храме), Тоётоми Хидзэси фактически узурпировал всю полноту власти своего покойного сюзерена. Получив от самого Божественного Тэнно в 1585 году сан регента («кампаку»), а в 1586 году — должность «великого министра» («дайдзё-дайдзина»), а также фамилию аристократического рода Тоётоми, энергичный Хидзэси к 1591 году объединил под властью Божественного Тэнно (а фактически — под своей собственной властью) все области державы Ямато, фактически представлявшие собой отдельные феодальные государства. Хидзэси составил общепонский земельный кадастр, ставший основанием для налогообложения населения Страны восходящего солнца на протяжении следующих трёх столетий, а также провёл изъятие всего имеющегося у

крестьян и горожан оружия, разделив японское общество на администраторов (из представителей воинского сословия) и подчиненного им гражданского населения. Его правление ознаменовалось запретом христианства в Японии в 1587 году и агрессией против Кореи и китайской империи Мин (1592—1598). Хидэёси Тоётоми переселился в мир иной в 1598 году, оставив в качестве преемника малолетнего сына Хидэёри Тоётоми.

Рассмотрим теперь несколько подробнее важнейшие вехи его жизни и деятельности.

Итак, будущий Верховный правитель Японии появился на свет в семье простого крестьянина по имени Яэмон (фамилий крестьяне в эпоху господства самураев не имели) в деревне Накамура, расположенной в провинции Овари. Точная дата его рождения неизвестна, историки приводят два её возможных варианта: 2 февраля 1536 года и 26 марта 1537 года. Родословная отца Хидэёси также плохо изучена. Одни исследователи утверждают, что он был простым крестьянином, другие считают его выходцем из низшей прослойки самураев (или из среды пехотинцев-«асигару», мобилизуемых, в качестве вспомогательных частей поддержки самурайских армий, только в случае военной необходимости, а в мирное время занятых обработкой земли, подобно простым крестьянам). Согласно некоторым источникам, отец Хидэёси служил «асигару» в войсках Нобунаги Оды и вышел в отставку после ранения аркебузной пульей в одном из сражений, будучи освобожден от военной службы по личному указанию Оды, ценившего его за храбрость (в свете этой версии становится более понятным будущий быстрый карьерный рост сына старого ветерана — Хидэёси — в армии Нобунаги Оды).

После смерти отца мать Хидэёси снова вышла замуж. Поскольку отчим постоянно бил и ругал пасынка, найдя его не способным к труду земледельца, последний решил убежать из дома и во что бы то ни стало стать самураем. Молодой Хидэёси оставил родные края и подался на восток, в провинцию

Суруга, где собирался наняться на службу к самураям клана Имагава.

Крестьянский (предположительно) сын, приняв новое имя — Киносита Токитиро, — смог устроиться слугой к самураю по имени Наганори Мацусита, одному из вассалов клана Имагава. Став через десятки лет повелителем всей Страны восходящего солнца, он щедро отблагодарил своего первого сюзерена, даровав ему во владение замок Кусано и близлежащие плодородные земли.

В 1554 году Хидзэси ушел со службы клана Имагава и нанялся на службу к Нобунаге Ода в качестве «носителя сандалий». Тем самым он вошел в круг приближенных полководца (что заставляет вспомнить приведенную выше версию о службе в войсках Нобунаги еще его отца, хорошо зарекомендовавшего себя, заслуги которого не были забыты Нобунагой и способствовали карьерному росту сына старого «асигару»).

Так или иначе, способный простоплодин быстро поднимался по самурайской иерархической лестнице. Первой его засвидетельствованной в источниках несомненной заслугой на службе новому сюзерену стал ремонт обвалившихся укреплений резиденции Нобунаги. Под руководством Хидзэси, который тогда ещё числился простым слугой Нобунаги, строительно-восстановительные работы были завершены всего за три дня. Эта оперативность настолько поразила Нобунагу, что «даймё», несмотря на неаристократическое происхождение своего подчинённого, назначил его управителем приамковского города Киёсу. Хидзэси, как успешному хозяйственнику, также были поручены финансовые операции всего клана Ода. Достигнув высокого социального статуса, новоиспечённый самурай укрепил свое положение, вступив в 1564 году в законный брак с дочерью Нагамасы Асано, знатного самурая и вассала Нобунаги Оды.

В 1566 году Хидзэси отличился в ходе войны Нобунаги Оды с самурайским кланом Сайто за провинцию Мино. Ему удалось быстро («всего за одну ночь») возвести укрепление в

болотистом районе Суномата, ставшим главным плацдармом для штурма неприятельской цитадели. Кроме того, Хидэёси удалось переманить на свою сторону ряд влиятельных «тайсё» (генералов) противника. Ход войны изменился не в пользу клана Сайто, и через два года Нобунага Ода смог захватить всю провинцию.

В 1568 году Хидэёси принимал участие в походе войск Нобунаги Оды на Киото и был назначен, совместно с Мицухидэ Акэти, соправителем столицы.

В 1570 году Хидэёси со своим «бусиданом» вошёл в состав армии Нобунаги Оды, выступившей в поход на самураев клана Асакура, властителей северной провинции Этидзэн. В ходе этой кампании стало известно об измене союзника Нобунаги — Нагамасы Адзай, вознамерившегося, вместе с силами клана Асакура, взять армию Оды в тиски. Нобунага решил поспешно отступить к столице, оставив Хидэёси, назначенного предводителем арьергарда, на верную смерть. Тем не менее тот успешно отразил все атаки неприятеля в районе Канагасаки и возвратился в Киото с вверенным ему войсковым контингентом целым и невредимым. Этот подвиг — самоотверженное прикрытие отхода войска Нобунаги — окончательно изменил отношения самураев клана Ода к Хидэёси. Если раньше благородные «боевые холопы» в нём видели лишь выскочку-простолюдина «с непропорционально маленькой головой, похожей на обезьяню», то отныне считали его одаренным полководцем и равней себе во всех отношениях.

После поголовного истребления вероломно изменившего Нобунаге самурайского клана Адзай в 1573 году Хидэёси получил от Оды в лен бывшие владения этого уничтоженного им «под корень» рода «боевых холопов» в северной части провинции Оми и построил там крепость Нагаханама. Поскольку он не имел собственных вассалов, то принял к себе на службу своих родственников, преимущественно выходцев из крестьянского сословия. Кроме этого, он принял в свой клан некоторых вассалов уничтоженного рода Адзай, блуждавших,

в качестве неприютных «ропинов», по Стране восходящего солнца в поисках нового сюзерена, которому могли бы предложить свои мечи и жизни. Тогда же он принял новое имя — Хидэёси Хасиба.

В 1575 году Хидэёси принял участие в знаменитой битве при Нагасино, в которой три тысячи аркебузирова Нобунаги Оды, почти что в упор, расстреляли знаменитую конницу клана Такэда, навеки сломив военно-политическую мощь этого «военного дома», чуть было не объединившего под своей властью всю Страну восходящего солнца.

В 1576 году он был назначен помощником «тайсё» Кацунэ Сибаты, командующего войсками Нобунаги Оды, преградивших путь наступающей армии «даймё» Кэнсина Уэсуги (давнего соперника клана Такэда). При обсуждении плана боевых действий Хидэёси поссорился с командующим и самовольно оставил военную Ставку. Проведённая Кацунэ Сибатой лобовая атака не увенчалась успехом, и возглавляемая им армия клана Ода потерпела сокрушительное поражение в битве с войсками Уэсуги при Тэдоригаве. Сюзерен Хидэёси Нобунага Ода, узнав о фактическом дезертирстве своего вассала в канун сражения, собирался казнить его, но, учитывая возможность использовать хозяйственные и полководческие качества Хидэёси, в конце концов ограничился вынесением дезертиру строгого выговора.

Чтобы дать Хидэёси возможность искупить свою вину, Нобунага Ода назначил своего провинившегося вассала командующим войсками клана Ода в войне против могущественного самурайского клана Мори (чей родовой герб-«мон» — журавль с поднятыми крыльями — стал эмблемой японской авиакомпании «Джапан Эр Лайнс», Джи Эй Эл). В 1577—1578 годах Хидэёси удалось подчинить несколько самурайских родов — Акамацу, Бэссё и Кодэра — и создать на их землях плацдарм для борьбы с Мори, с центром в замке Химэдзи. В 1579 году Хидэёси сумел переманить на свою сторону самураев рода Укита, давних вассалов клана Мори.

Однако в 1580 году в тылу у Хидэёси против власти Нобунаги Оды восстал самурайский род Бэссё, вследствие чего ему пришлось приостановить успешно развивавшееся наступление на запад и осадить родовой замок восставших. Неприятельская цитадель была взята измором только через год, после чего Хидэёси захватил провинцию Тадзима — владение старинного самурайского рода Ямана. Последние вассалы главы клана Ямана, собравшиеся в замке Тоттори, видя бессилие своего сюзерена, изгнали его и перешли на сторону Мори (как видим, самурайские заповеди, и первойшая из них — непоколебимая верность сюзерену — соблюдались «боевыми холопами» на практике далеко не всегда, особенно в трудные времена «войны всех против всех»). В 1581 году Хидэёси осадил замок Тоттори и, скупив весь провиант в округе, взял неприятельскую цитадель измором.

Как уже упоминалось выше, в 1582 году Хидэёси по приказу Нобунаги Оды вторгся в провинцию Биттю и осадил замок клана Мори Такамацу. Этот замок находился в окружённой горами долине, омываемой с обеих сторон реками. Хидэёси свёл дамбы вокруг замка и изменил направление рек так, что вода залила всю долину. В результате этой инженерной страгегемы Хидэёси и сильных дождей замок превратился в островок посреди искусственного озера. До его падения оставалось несколько недель.

В мае 1582 года, как уже говорилось выше, против Нобунаги Оды восстал его вассал Мицухидэ Акэти (которого Ода когда-то оскорбил, ударив веером, посеяв в душе злопамятного вассала зерна ненависти и будущей мести). Окруженный в киотском храме Хоннодзи (как и многие японцы тех и нынешних времен, Ода, будучи ревностным христианином, оставался в то же время — так, на всякий случай! — синтоистом, а заодно и буддистом) десятигтысячным войском мятежника, Нобунага Ода, увидев, что храм охвачен огнем, совершил над собой обряд «сэшпуку» (по другой версии, он пал от руки Акэти Мицухидэ, однако точно установить это так и не удалось,

поскольку труп злополучного «даймё» сгорел в огне пожара, уничтожившего храм). Узнав о гибели своего сюзерена, Хидэёси, все еще осаждавший замок Такамацу, скрыл полученную новость от противника, заключил перемирие с кланом Мори и спешно отвел все свои войска к столице. Одновременно на разгром мятежных самураев Мицухидэ Акэти (объявившего себя «сёгуном») двинулся ещё один близкий соратник Нобунаги — Иэясу Токугава, однако Хидэёси опередил Токугаву, преодолев всего за три дня расстояние в несколько сотен километров. 12 июня 1582 года сорокотысячная армия Хидэёси, благодаря своему подавляющему численному превосходству, разгромила войска самозваного «сёгуна» Мицухидэ Акэти в битве при Ямадзаки. Искавший спасение в бегстве вероломный Мицухидэ (вошедший в историю Японии под ироничным прозвищем «сёгун на тринадцать дней» или «тринадцатидневный сёгун») был убит местными крестьянами при попытке силой получить от них провизию и конский фураж (по другой, более «романтической» и «героической», версии, «тринадцатидневный сёгун» пал от руки самого Хидэёси, желавшего во что бы то ни стало отомстить неверному вассалу за гибель своего сюзерена).

Всячески выставляя себя в качестве «мстителя за своего господина Нобунагу», Хидэёси увеличил тем самым своё влияние в среде соратников клана Ода. На совещании в замке Киёсу, где решался вопрос о наследстве рода Ода, он заручился поддержкой влиятельных «тайсё» Нагахидэ Нивы и Цунэоки Икэды. По решению совещания, Хидэёси получил часть владений покойного Нобунаги Оды и упрочил свое положение, став регентом-советником нового предводителя «военного дома» Ода — трёхлетнего Хидэнобу. Решения совещания вызвали недовольство давнего недоброжелателя и оппонента Хидэёси — «тайсё» Кацуиэ Сибаты (не простившего ему, в отличие от покойного Оды, дезертирства перед битвой при Тэдоригаве и с беспокойством следившего за его неудержимым возвышением).

В 1583 году противостояние между Хидэёси и Сибатой переросло в вооружённый конфликт. В решающем сражении при Сидзутагаке войска Кацуиэ Сибаты потерпели поражение и отступили в провинцию Этидзэн. Со временем на сторону Хидэёси перешел Маэда Тосиизэ, влиятельный вассал рода Ода и многолетний союзник Сибаты. Пользуясь моментом, армия победителей вторглась во владения противника и окружила его главную цитадель Китаносё. Убедившись в безвыходности своего положения, Кацуиэ Сибата и его супруга Оити совершили над собой обряд «сэпшуку», и крепость пала. После падения крепости Китаносё оппозиционные Хидэёси силы внутри клана Ода капитулировали перед регентом-советником, который стал фактическим преемником Оды Нобунаги, захватив его владения и продолжив дело подчинения Японии своей власти.

Сильнейшим конкурентом Хидэёси в деле объединения Страны восходящего солнца был бывший союзник Нобунаги Оды — Иэясу Токугава (о котором будет еще подробно рассказано далее). В 1584 году «боевые холопы» Хидэёси и Иэясу сошлись в битве при Нагакутэ, из которой самураи Токугавы вышли победителями. Однако экономический и военный потенциал Хидэёси был настолько мощным, что Иэясу, трезво поразмыслив и осознав, что выигрыш одной битвы не означает выигрыша всей войны, пошёл на мирные переговоры, прислав в ставку соперника своего старшего сына в качестве заложника. Однако Хидэёси отправил того обратно, требуя от Токугавы лично явиться к нему в Киото и признать свою вассальную зависимость. Тем не менее Иэясу Токугава не собирался оставлять своих владений и признавать себя вассалом Хидэёси. Чтобы принудить Токугаву к покорности, Хидэёси выдал за него свою сестру Асахи и даже отправил к нему в качестве заложницы свою престарелую мать. Наконец в 1586 году Иэясу Токугава прибыл в Киото, где присягнул на верность новому сюзерену. Таким образом, Хидэёси закрепил за собой статус единственного законного наследника Оды Нобунаги.

В 1583 году Хидэёси выстроил в городе Осака огромный замок, возведенный им на фундаменте снесенных ранее укреплений буддийского монастыря Хонган-дзи. Согласно свидетельствам современников, столь мощными фортификационными сооружениями в то время не могла похвастаться ни одна крепость — ни в Японии, ни в Китае, ни в Корее. При новом регенте Осака стала главным финансовым центром и фактической столицей Страны восходящего солнца.

В 1580-х годах Хидэёси собирался восстановить в Японии сёгунат (чтобы самому править от имени «сёгуна»), однако отказ отрешенного от власти «сёгуна» Ёсиаки Асикаги (пребывавшего «в бегах» то ли с 1568, то ли с 1573 года) признать его своим сыном похоронил этот замысел. Поскольку стать главнокомандующим всех японских «боевых холопов» сам Хидэёси не мог, вследствие незнатности (или, во всяком случае, неясности) своего происхождения, честолюбивый полководец принял решение стать «первым лицом» при императорском дворе и руководить государством от лица императора-марионетки.

Хидэёси — некрасивый, малообразованный, тщеславный, но смысленный и волевой выходец отнюдь не из благородного и доблестного самурайского, а из всеми презираемого (к описываемому времени) крестьянского сословия, был блестящим стратегом. После самоубийства (или убийства) Оды Нобунаги он, как мы с вами убедились, с беспощадной решимостью продолжил дело, начатое его покровителем. Что, впрочем, нисколько не помешало Хидэёси в 1583 году осадить сына и наследника своего покойного покровителя — Нобутаку Оду (Камбэ) — в замке Гифу, доведя Оду-младшего до самоубийства (но это так, к слову)¹...

В 1585 году Хидэёси получил от Божественного Тэнну звание регента («кампаку») теперь уже всей державы Ямато (а не

¹ Нобунага Ода оставил после себя пятерых сыновей, и судьба всех его отпрысков была одинаково печальной...

только клана Ода). В следующем году новому регенту Страны восходящего солнца были пожалованы императором аристократическая фамилия Тоётоми и упоминавшаяся выше должность главного министра («дайдзё-дайджин») — высочайшая должность при японском императорском дворе. Тем самым было положено начало законному правлению империей Ямато человека, который, по обычаям самурайского японского государства, никогда не мог бы править Страной восходящего солнца, в силу своего «не рыцарского» (или, по меньшей мере, «темного») происхождения.

После разгрома повстанцев-буддистов из секты «Икки-икки», завладевших провинцией Кии, изгнав оттуда местного «даймё» (с ними боролся еще Нобунага Ода), Хидзёси направил свои войска на захват японского острова Сикоку, пребывавшего под властью местного правителя князя Тёсокабэ Мототики. В 1584 году, перед началом войны с Тёсокабэ, последнему было предложено признать себя вассалом рода Тоётоми, передать ему центральные земли острова Сикоку и получить взамен три отдалённых провинции. Как и следовало ожидать, гордый предводитель самураев Тёсокабэ это предложение отверг, и Хидзёси отправил на Сикоку экспедиционную армию под командованием своего младшего брата. Общее количество наступавших на Тёсокабэ с севера и востока войск Тоётоми превысило сто тысяч «буси». Тёсокабэ, потерпев поражение в целой серии кровопролитных битв, был вынужден наконец капитулировать. После победоносного завершения этой кампании Хидзёси завосвал мятежную провинцию Кага, которой правил бывший вассал Нобунаги Оды — Саса Наримаса (свирепый воин, носивший на своем опознавательном флажке черное изображение злого духа-«они» на белом поле).

В 1585 году самурайский клан Симадзу расширил свои владения на острове Кюсю за счёт захвата земель, принадлежавших союзникам Хидзёси. Требование признать клан Симадзу вассалом клана Тоётоми было отклонено, что стало поводом к интервенции. Военную интервенцию ускорило поражение во-

йск союзников Хидэёси с Кюсю и Сикоку, которое было нанесено им отрядами самураев клана Симадзу из области Сацума в битве на реке Хэцугикава в 1586 году.

В 1587 году Хидэёси во главе двухсоттысячного войска лично отправился в поход на остров Кюсю. Самураи клана Симадзу не смогли противостоять армии «дайдзё-дайцзина», превосходящей их силы в десять раз, и сдались противнику.

Таким образом, вся Западная Япония оказалась под контролем Хидэёси Тоётоми. На завоёванных землях он в 1587 году запретил проповедь христианской веры (что означало открытый разрыв с политикой Нобунаги Оды, ревностного исповедника и покровителя христианства),

Уже к 1588 году Хидэёси был столь силен, что смог назначить своих наместников даже в самые отдаленные провинции страны и добиться отданного им всему населению (кроме самураев, служащих своим господам) приказ сдать все имеющееся у них оружие.

С 1589 года Хидэёси Тоётоми обдумывал план уничтожения крупнейшего властителя области Канто (ныне поглощенной территорией столицы Японии — города Токио) — рода Го-Ходзё. Поводом к войне стал захват вассалами клана Го-Ходзё одного из замков, принадлежавших самурайским кланам Санада и Судзуки, союзникам Тоётоми. В 1590 году Хидэёси осадил главную неприятельскую цитадель — сильно укрепленный и окруженный со всех сторон водными преградами замок Одавара, вознамерившись взять её не штурмом, а измором, чтобы избежать ненужных потерь в живой силе.

Во время осады «дайдзё-дайцзин» повелел всем владетельным князьям Восточной Японии явиться к нему в ставку с изъявлением покорности, чтобы доказать свою лояльность Божественному Тэнно (а в действительности — его главному министру, крепко державшего по-прежнему бессильного императора в своих руках). Почти все «боевые холопы» области Тохоку во главе со своими «даймё» прибыли на поклон в Ставку Хидэёси и признали свою зависимость от него.

После трех месяцев осады войсками Хидэёси наконец пала грозная, сильно укрепленная неприятельская крепость, которую в своё время не смогли взять даже такие видные полководцы Страны восходящего солнца, как храбрые «даймё» Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин. Предводитель рода Го-Ходзэ совершил «сэпuku» вместе со своими сыновьями. К 1590 году Тоётоми Хидэёси фактически стал единоличным правителем всех островов Японского архипелага.

Разбив последнего опасного внутреннего врага, Хидэёси объединил под императорской (а фактически — под своей собственной) властью все земли державы Ямато. Благодаря его стараниям завершился очередной столетний период междоусобных войн, разливших на части Страну восходящего солнца. Новый правитель Японии передал титул имперского регента-«кампаку» своему племяннику Хидэцугу, сам же «удовольствовался» званием «тайко» («регента в отставке»), превратившись в своего рода «серого кардинала» при всецело зависимом от него племяннике-«регенте». Это «понижение в должности» было Хидэёси даже выгодно, поскольку отводило от него недовольство непопулярными мерами, которые «регент» проводил в жизнь по указаниям своего пребывавшего как бы на заднем плане дяди-«кукловода».

В области экономики Хидэёси Тоётоми продолжил курс своего предшественника Нобунаги Оды, главным принципом которого была свобода торговли. Он даже собирался провести денежную реформу, начав чеканку первой в истории Страны восходящего солнца японской золотой монеты. Хидэёси также составил общеяпонский земельный кадастр и закрепил землю за крестьянами, обрабатывавшими её. Его политика изъятия оружия (включая даже косы, серпы, вилы и ножи) у гражданского населения (то есть фактически у всех японцев, кроме «боевых холопов») — так называемая «охота за мечами» — в немалой степени способствовала формированию в средневековой Японии классового общества, которое отныне было разделено на администраторов — представителей во-

инского сословия (самураев) и гражданских подданных (крестьян, горожан и торговцев). Отныне крестьянский сын (вроде самого Хидэёси) или сын ремесленника (скажем, кузнеца, как сын друга детства Хидэёси — «тайсё») Киямата Като) при всем желании не мог вступить в ряды самурайского сословия и дослужиться до высоких военных или административных чинов.

Для содержания постоянной двухсоттысячной армии и широко разветвлённого бюрократического аппарата Хидэёси обложил крестьянство высоким натуральным налогом, составлявшим две трети урожая. Вместе с тем окончание периода междоусобных феодальных войн привело к экономической стабилизации: площади обрабатываемых земель возросли на семьдесят процентов, а годовой сбор риса в Стране восходящего солнца достиг трех с половиной миллионов тонн.

К числу наиболее известных внутривосточных мероприятий, осуществленных в годы правления Хидэёси Тоётоми, относится закон об изгнании из Японии христианских миссионеров (преимущественно иезуитов) и массовые убийства японцев-христиан на острове Кюсю в 1587, 1589 годах и в последующие годы. Традиционная японская историография трактует эти меры в контексте якобы проводившейся Хидэёси «борьбы с европейским колониализмом» в Японии. Поводом для запрета на христианство послужил отказ Португалии (весьма укрепившей свои позиции на японской земле при Нобунаге Ода, в том числе и вследствие обращения в христианство значительного числа сынов Ямато — вплоть до представителей самых знатных самурайских родов) предоставить Хидэёси Тоётоми помощь в постройке современного флота по португальскому образцу для завоевания японцами Восточной Азии (начиная с Кореи и Китая).

Как бы то ни было, 19 июня 1587 года Хидэёси Тоётоми издал указ, содержавший адресованное христианским миссионерам категорическое требование под угрозой смертной казни в течение двадцати дней покинуть Страну восходяще-

го солнца. В крупном портовом городе Нагасаки по приказу «бывшего регента» были подвергнуты жестоким пыткам и показательному распятию на крестах двадцать шесть христиан (семнадцать японцев и девять «заморских чертей» — европейцев).

В 1592 году Хидэёси сделал достоянием гласности свое намерение завоевать сначала Корю, затем — Китай, вслед за Китаем — Индокитай и далекую Индию (а по некоторым сведениям, даже Индонезию и Филиппины (совсем как генералы Танака и Тодзио в XX веке!) то есть, согласно средневековым японским представлениям, весь цивилизованный мир (лежащие где-то на краю света страны, из которых приплывали в Японию свронские «заморские дьяволы», судя по всему, частью «цивилизованного мира», с точки зрения культурного, образованного японца, не считались). В качестве первого шага к подготовке предстоящего грандиозного завоевательного похода «бывший регент» перенёс свою Ставку из Осаки на запад, в город Нагоя, в котором возвёл ещё один огромный замок.

Причины, побудившие неутомного «тайко» начать войну с Кореей и Китаем, с сегодняшней точки зрения представляются не вполне ясными. Историки-рационалисты склонны объяснять их стремлением Хидэёси Тоётоми удалить с Японских островов потенциально опасных самураев, направив их, за отсутствием в новых условиях врага внутреннего, на борьбу с мнимым внешним врагом. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой главной причиной начала внешнего конфликта было умственное состояние Хидэёси — действия «бывшего регента» начали становиться неадекватными. Действительно, со временем, опьянённый своими успехами в деле завоевания Японии, Хидэёси, по мнению многих (в том числе и своих современников — которых, впрочем, зная характер «первого министра», трудно заподозрить в беспристрастности!) постепенно выживал из ума: завел себе гарем из трехсот наложниц (причем преимущественно девочек-подростков

в возрасте двенадцати—тринадцати лет), постоянно опасался чудившихся ему повсюду мятежей и заговоров, стогнял сотни тысяч крестьян на строительство ненужных (по мнению критиков действий «бывшего регента»), с военной точки зрения, замков и крепостей. В конце концов, диктатор Страны восходящего солнца окончательно утратил связь с реальностью, возомнив себя богом войны Хатиманом (уже хорошо знакомым нам сыном стародавней регентши Дзинго Кого, завоевавшим когда-то Корею и впоследствии обожеествленным сынами Ямато). Согласно этой второй версии, завоевательная война стала очередной личной причудой, или прихотью, не в меру воинственного Тоётоми, которому стало слишком тесно в покорённой им Японии.

Захват островов Сикоку и Кюсю (хотя они всегда считались частью собственно Японии) «тайко» воспринял как начало покорения Востока, заявив: «Быстрый и грандиозный успех сопровождал моё возвышение, осветив всю землю, подобно восходящему солнцу». Согласно воспоминаниям современников, Тоётоми открыто похвалялся перед ними, что завоеует все «четыреста провинций» Китая, неустанно повторяя: «Я соберу могучую армию и вторгнусь в Великую Мин». При этом следует учитывать то обстоятельство, что в Японии времен Хидэёси существовали весьма приблизительные представления о подлинных размерах тогдашней китайской империи под скипетром очередной, «ханьской», династии Мин (пришедшей к власти после изгнания из Китая, в результате вооруженного восстания тайного общества «Красных Повязок», или «Красных Тюрбанов», татаро-монгольской династии Юань), на завоевание которой «тайко» собирался вести своих «боевых холопов». Тоётоми предполагал предложить «вану» Кореи Сончжону (формально остававшемуся вассалом Китая — только теперь уже минского, а не юаньского, как когда-то, во времена морского похода татаро-монголо-китайско-корейского экспедиционного корпуса армии каана Хубилая на покорение Чипунгу) добровольно сдаться и объ-

единиться в освободительной войне против Китая: «Если я приступлю к исполнению этого замысла (то есть завоеванию империи Мин. — *В.А.*), то надеюсь, что Корея станет моим авангардом, пусть же (она. — *В.А.*) преуспеет в этом. Ибо моя дружба с вашей почтенной страной целиком зависит от того, как вы себя поведёте, когда я поведу свою армию против Китая». Однако, получив отказ корейского «вана», Тоётоми двинул на Корею свою армию, самую передовую в Азии тех времен (по мнению японских военных историков), имевшую на вооружении аркебузы и пушки европейского образца (спасибо португальцам, англичанам и голландцам!) и владеющую современными методами ведения боя. Сам он, однако, остался в Японии. Некоторые исследователи (принимающие на веру истинность заявленных «бывшим регентом» обширных завоевательных планов) считают это единственным военно-политическим просчетом Хидэёси, полагая, что его личное присутствие в самурайской армии вторжения наверняка обеспечило бы сынам Ямато победу и захват Кореи. Те же, кто не верят в серьезность провозглашенной «тайко» обширной завоевательной программы, расценивают факт его неприсоединения к японской армии вторжения как косвенное свидетельство его нежелания рисковать своим именем в случае возможной неудачи (о версии, согласно которой Тоётоми вообще рассматривал вторжение в Корею лишь как повод избавиться от переполнивших Японию «лишних» самураев, оставшихся без дела после окончания междоусобных войн, мы расскажем подробнее несколько позже).

Существует, впрочем, и еще одна, пожалуй, самая «экзотическая» версия причины организованного Тоётоми вторжения в Корею (а заодно и происхождения «тайко»).

По этой версии, Хидэёси был якобы рожден китайско-подданным (!). А затем продан, за долги семейства, из Китая в Японию (подобные случаи действительно бывали). С тех пор он якобы на всю оставшуюся жизнь затаил злобу на свою китайскую «родину-мать».

Сделавшись фактически единоличным правителем Японии и Верховным главнокомандующим (де-факто, хотя и не де-юре) заполнивших ее за годы междоусобной войны самураев (численность которых, по некоторым подсчетам, достигла тринадцати процентов населения Страны восходящего солнца), Хидэёси якобы вспомнил об этой ненависти, затаенной им в глубине души с детских лет, и решил отомстить Великой Китайской империи за свое загубленное детство вдали от родины и за трудную молодость. Благо буйные самураи, пользуясь фактически узаконенной вседозволенностью, начали вести себя на родных Японских островах как на вражеской территории, снося по малейшему поводу головы встречному и поперечному. И вот чтобы «буси» не извели на корню все оставшееся население, Хидэёси повелел им завоевать Корею, а заодно «испытать на прочность» граничащий с Кореей «почти родной» ему Китай.

В апреле 1592 года возглавляемый Укитой Хидэёэ стошестидесятитысячный (согласно другим данным — стотридцатисемьтысячный) самурайский экспедиционный корпус, снаряжённый Хидэёси Тоётоми, перешив на тысяче кораблей Японское море, высадился в порту Пусан на Корейском полуострове. Высадка прошла в три этапа. Сначала высадился первый контингент под командованием Юкинаги Кониси, затем — второй контингент под командованием Киёмасы Като и, наконец, третий контингент под командованием Нагамасы Куроды.

Первые месяцы войны (именуемой в корейской исторической традиции «Имджинской») 1592—1598 годов были успешными для сынов Ямато, захвативших, следуя по стопам Божественного принца Хатимана — сына регентши-воительницы Дзинго Кого, главные корейские города и вышедших на границу Кореи с Китаем. Взяв крепость Пусан на юго-восточном побережье Кореи, «боевые холопы» Хидэёси тремя колоннами двинулись на тогдашнюю столицу Кореи — город Сеул, овладевая по пути отдельными непри-

тельскими крепостями и замками и не встречая почти нигде мало-мальски организованного сопротивления. Военным успехам самураев способствовало наличие у них огнестрельного оружия. Корейцы же, не имевшие ручного огнестрельного оружия, могли противопоставить японским аркебузам только копья и луки со стрелами (хотя лучники в японской армии вторжения, конечно же, тоже имелись, и в немалом количестве). 3 мая «буси» были уже в Сеуле, тогдашней столице Кореи, а корейский «ван» Сончжо из династии Чосон бежал на север, в Пхеньян (последний крупный корейский город на пути к корейско-китайской границе), также вскоре капитулировавший перед войсками Юкинаги Кониси и открывший свои ворота победителям в июне 1592 года («вану» пришлось бежать еще дальше на север).

Войска Киёмасы Като, наступая в северо-восточном направлении, взяли город Ёнхын, продвинулись до границ Маньчжурии и пленили двух принцев корейского королевского дома, пытавшихся организовать сопротивление японцам в городе Хвэрён. Киёмаса Като вошел в военные анналы как первый в истории японский военачальник, ступивший на землю Китая.

Японский главнокомандующий Укита Хидэиэ сделал Сеул своей Ставкой и резиденцией на Корейском полуострове. На окончательное покорение Кореи японский диктатор отводил от четырех до пяти месяцев, и при его дворе уже появились «губернаторы» не только Кореи, но и Китая. Японские «буси» установили в Корее жестокий оккупационный режим, представляя начальству, в качестве подтверждения своих подвигов, как и дома, в Японии, отрубленные вражеские головы. Считается, что за два этапа семилетней японо-корейско-китайской войны было убито около миллиона корейцев обоих полов, всех возрастов и всех родов деятельности — не только военных (не считая убитых китайцев, также вовлеченных в этот вооруженный конфликт), своеобразным (вполне в самурайском вкусе и духе!) «памятником» которого стала знаменитая

«Могила ушей» Мимидзука¹ на территории Киото, в которой захоронены двести тысяч ушей, отрезанных японскими «боевыми холопами» у перебитых ими корейцев. Бывшую столицу корейской королевской династии Силла — город Кёнджу — японские «буси» вообще сровняли с землёй.

Однако для обеспечения успешного наступления на Китай требовалось перебросить из Японии в Корёю дополнительный пятидесятидвухтысячный контингент, которому надле-

¹ В перерыве между двумя этапами Корейской кампании (когда появилась надежда на заключение выгодного для Страны восходящего солнца мирного договора с империей Мин) японское военное командование решило продемонстрировать ее результаты оставшимся в Японии соотечественникам. С этой целью на уцелевшие в морских сражениях с корейским флотом японские корабли погрузили всю военную добычу. Заодно хотели погрузить и головы, отрубленные у врагов на поле брани. Однако, с учетом ограниченной вместимости кораблей, было принято решение везти не головы, а лишь отрезанные от этих голов уши и носы. Возвращение в Страну восходящего солнца происходило в конце сентября 1597 года (в разгар местного лета, со средней температурой не ниже тридцати пяти градусов Цельсия). При такой погоде и в отсутствие холодильников часть «наглядных доказательств самурайской доблести» испортилась и была выброшена на корм рыбам. Но даже оставшееся количество при пересчете оказалось принадлежавшим примерно тридцати восьми тысячам (!) корейцев. Когда «боевые холопы» вернулись на родину, выяснилось, что отправивший их на покорение Кореи «тайко» Хидэёси Тоётоми переселился в лучший мир. И тогда все эти тысячи «трофейных» ушей и носов были погребены совсем недалеко от свежей могилы вдохновителя самурайской интервенции. Погребение сопровождалось установкой на погребальном холме памятного столба в форме каменной пагоды, в соответствии с буддийскими традициями. Одни считают, что этот знак — предупреждение всем, кто когда-либо в будущем решит сопротивляться божественным сынам Ямато. Другие — что речь идет о своеобразном выражении уважения к погибшим, поскольку далеко не все из этих ушей и носов принадлежали неприятельским воинам (часть их была отрезана от голов предстителей гражданского корейского населения, и даже не в ходе боевых действий).

жало перед началом похода на империю Мин соединиться с японским экспедиционным корпусом в Пхеньяне.

За три месяца войны японцы овладели почти половиной королевства Кореи, однако нельзя было сказать, что они смогли превратить захваченные территории в надежный плацдарм для дальнейшего броска на Китай. Далеко не все корейские провинции были приведены к покорности, особенно это касалось провинции Чолла — богатейшей житницы страны.

Но в скором времени самураи Хидэёси Тоётоми столкнулись со все возраставшим и все более ожесточенным сопротивлением завоеванных, но не покорившихся «божественным сынам Ямато» корейцев, развязавших в тылу неприятеля, продвигавшегося в направлении китайской границы, форменную партизанскую войну, в которой основную роль играли отряды подпольной «Армии справедливости» («Ыйбён»), действовавшей по всем законам «малой (партизанской) войны», изматывая самураев неожиданными вылазками, засадами, диверсиями и рейдами у них в тылу. Остававшееся в занятых японскими «буси» городах корейское население всячески поддерживало это движение. Вскоре «Армия справедливости» перешла к совместным действиям с регулярными частями королевской корейской армии, что усилило эффективность ее действий. Корейцы активно применяли свои передовые изобретения — «огненные повозки» («хвачха»)¹ и первые в истории войны

¹ «Хвачха» (кор. буквально — «огненная повозка») — противоскотное пороховое оружие, использовавшееся, начиная с раннего Средневековья, корейской армией. Первая система залпового огня в мире. Представляла собой двухколёсную повозку, на которой устанавливалась пусковая установка с гнездами, в которые помещались небольшие пороховые ракеты с острыми металлическими наконечниками. К этим ракетам иногда прикреплялись небольшие бомбочки, а наконечники их непосредственно перед применением могли обмакиваться в горючую смесь и поджигаться. В настоящее время «хвачха» можно увидеть в музеях, популярных изданиях и компьютерных играх. Таким образом, встречающиеся порой утверждения, будто ко-

на море броненосцы («кобуксоны»). Выдающийся корейский флотоводец адмирал Ли Сун Син (Ли Сунсин, Ри Сунсин) за первые три месяца войны, используя «кобуксоны» (буквально: «корабли-черепахи»), потопил более трехсот японских кораблей в морских сражениях у островов Кадокто и Кочждо (15 июля), в Сочхонской бухте (8 июля), у Танхо (9 июля), Танханхо (13 июля) и Юлхо (15 июля), отрезав, таким образом, высадившуюся в Корее самурайскую армию вторжения от баз снабжения, расположенных на Японских островах. Однако радикальным образом ситуация на корейском театре военных действий изменилась (не в пользу «боевых холопов» Хидэёси) только после прихода на помощь корейскому королевству, формально остававшемуся вассальным по отношению к Китаю, многочисленной китайской армии под командованием выдающегося полководца династии Мин Ли Жу Суна (Ли Жусуна). Надо ли говорить, что вооруженная борьба, кроме Кореи, еще и с могущественной империей Мин (людские и материальные ресурсы которой казались, да, собственно говоря, и были фактически неисчерпаемыми, по сравнению с японскими) делала перспективы военной победы «буси» Хидэёси на континенте, мягко говоря, весьма отдаленными и столь же туманными и неясными, как его происхождение. Под натиском численно превосходящих сил противника самураи были вынуждены отступить к окраинам современного Сеула, и Корейский полуостров оказался фактически разделенным на северную (китайскую) и южную (японскую) части (эта ситуация почти с зеркальной точностью повторилась в годы Корейской войны 1949—1953 годов, с той только разницей, что роль японцев в середине XX века играли экспедиционные

рейские войска описываемой эпохи вообще не имели никакого огнестрельного оружия, не вполне соответствуют действительности. Что же касается корейских броненосцев-«кобуксонов», то состоявшие на их вооружении артиллерийские орудия во всех отношениях превосходили бортовую артиллерию японских кораблей.

войска США и ряда других государств — членов Организации Объединенных Наций). Командующие обеих армий заключили временное перемирие, договорившись о направлении китайского посольства в Ставку Хидэеси и об обсуждении с «тайко» условий окончательного мирного договора.

Тем временем в Японии при дворе быстро дряхлевшего «бывшего регента» произошли немаловажные события. В 1593 году Ёдогими, наложница престарелого Тоётоми (когда-то её звали О-Тятя; она была старшей дочерью Нагамасы Адзай и его жены О-Ити, сестры Нобунаги Оды) родила ему сына Хидэёри. Желая передать власть сыну перед своей смертью, Хидэёси лишил собственного племянника Хидэцугу должности «кампаку», обладатель которой считался главой семейства Тоётоми, и приказал ему совершить над собой обряд «сэппуку» (племянник выполнил этот приказ с той же покорностью, с какой выполнял и все предыдущие приказы дяди-«кукловода»). В предчувствии близкой кончины Хидэёси созвал в свою Ставку влиятельнейших властителей Японии и учредил Опсунский совет пяти старейшин и Совет пяти управляющих («тайро»), задачей которых было помогать его сыну Хидэёри в управлении государством после смерти отца.

В 1596 году ко двору «бывшего регента» державы Ямато в Осаку прибыло китайское посольство с условиями мира. Согласно этим условиям, империя Мин признавала Хидэёси «государем Японии», но требовала вывести всех его «босвых холопов» из Кореи, как вассального по отношению к Китаю королевства. Не в меру амбициозный Хидэёси не только не принял этих условий, но вдобавок еще нарушил все правила дипломатического этикета (видно, казалось все-таки его простонародное происхождение!), прилюдно изругав последними словами китайских императорских посланцев и лично минского императора Китая — сына Неба Вань Ли... В 1597 году война на Корейском полуострове возобновилась, причём на этот раз обстоятельства сложились в пользу самурайских ратей. Оклеветанный недоброжелателями корейский флотоводец Ли Сун

Син был отстранён от занимаемой им адмиральской должности, а его бездарные преемники утратили контроль над морем. Однако на суше японским «боевым холопам» везло явно меньше. Им так и не удалось продвинуться дальше на север. Мало того, самураи Хидэёси оказались не в состоянии удержать завоёванные территории и отступили к южному побережью Кореи. Среди японских буси свирепствовала болезнь «бери-бери» (вызванная нехваткой в организме витаминов), от которой (если верить письму активного участника Корейской войны «тайсё» Масамунэ Датэ) умирало восемь из десяти заболевших. В другом, отправленном в Японию тремя днями позднее, письме Масамунэ Датэ сообщал родственникам о большой смертности среди японских воинов, вызванной «иной (чем дома, в Японии. — В.А.) водой этой страны» — вероятно, имея в виду вспышку эпидемии холеры или тифа среди «боевых холопов». Уже после смерти Хидэёси Тоётоми корейский адмирал Ли Сун Син разгромил японский флот в бухте Норянчжин в ноябре 1598 года, лишив тем самым японцев последней надежды на благоприятный исход войны.

Тоётоми Хидэёси скончался 18 сентября 1598 года. Весть о смерти «бывшего регента» дошла до японского экспедиционного корпуса в Корее практически одновременно с уведомлением о разгроме японского флота адмиралом Ли Сун Сином в морском сражении при Норянчжине. Утомленные долгой, кровопролитной и безрезультатной войной самураи немедленно начали отступление, спеша вернуться на родные острова.

Возможно, правы были те, кто утверждал, что Хидэёси Тоётоми затеял войну с Кореей не без тайного умысла. Если умысел Хидэёси заключался не в том, чтобы завоевать Корею (а тем более — Китай, не говоря уже об Индии!), а в том, чтобы направить воинственный пыл и неумную энергию многочисленного сословия «боевых холопов», безмерно расплодившихся за несколько веков междоусобных войн и оставшихся после их окончания без дела, в новое русло и отвлечь их от собственной страны (наподобие того, как папы римские, по

мнению ряда историков, поддерживали Крестовые походы не только ради освобождения Святой земли от мусульман, но и ради того, чтобы избавить Европу от столь беспокойного элемента, как безземельные и малоземельные рыцари, не имевшие иного помысла, кроме разбоя), то этот замысел оказался в полной мере осуществленным. Так это было или нет, с полной определенностью сказать нельзя, но факт остается фактом — десятки тысяч оказавшихся дома «не у дел» самураев (потенциальных смутьянов), так никогда и не вернулись на Японские острова из заморской авантюры, уже далеко не первой в истории державы Ямато — вспомним хотя бы воинственную регентшу Дзинго Кого и ее обожествленного сына (ставшего богом войны Хатиманом), сложив свои буйные головы в бесчисленных боях и сражениях на обильно орошенной кровью многотрадальной корейской земле...

Кончина Хидэёси Тоётоми стала сигналом к действиям для Иэясу Токугавы, члена Опекунского совета пяти старейшин, который в течение последующих пятнадцати лет уничтожил весь род Тоётоми и, став «сёгуном», обрел единоличную власть над Японией.

Как нам уже известно, перед своей кончиной в 1598 году Хидэёси Тоётоми оставил власть своему несовершеннолетнему сыну Хидэёри, от имени которого (до достижения наследником совершеннолетия) государственными делами руководил регентский совет (напомним уважасмому читателю, что все это время по-прежнему официально считалось, что Японской державой правит Божественный Тэнно). Но вскоре из круга членов регентского совета выделился человек, которому было суждено — в очередной раз — завершить объединение Японии. Это был уже знакомый нам Иэясу Токугава (1542—1616).

Иэясу Токугава (годы жизни: 1542—1616¹), первый «сёгун» из «военного дома» Токугава, Верховный правитель Японии в

¹ По другим сведениям, он родился 31 января 1543 года.

1603—1605 годах, родился в замке Окадзаки (расположенном в провинции Микава), получив при рождении имя Такэтиё Мацудайра. Его отец, Хиротада Мацудайра, был главой самурайского клана Мацудайра и правителем провинции Микава.

В 1547 году Хиротада Мацудайра обратился за помощью могущественного провинциального «даймё» Ёсимото Имагавы против Нобунаги Оды и отправил своего сына, вместе с другими пятьюдесятью юными «боевыми холопами», заложником в Суруга. Мальчик долго пробыл там заложником, пертерпев немало разных злоключений, пока его отец со своим «бусиданом» сражался под знаменами Ёсимото против Нобунаги Оды. В 1554 году, в возрасте двенадцати лет, он впервые облачился в самурайские доспехи. Через два года, во время церемонии воинской инициации «гэмгуку» (когда мальчик самурайского сословия посвящается в «буси» и становится тем самым совершеннолетним) он получил новое имя — Мотоясу. В 1558 году женился на дочери Тиканаги Сэкигути (вассала Имагавы) и вскоре получил дозволение возвратиться в свою собственную провинцию, где изменил свое имя на Мотоясу. Едва прибыв в Окадзаки, он начал готовиться к войне с Нобунагой Одой, чьи «босвые холопы» угрожали провинции Микава. Захватив два неприятельских замка — Тэрабэ и Хиросэ, — Мотоясу вступил в Суруга. В том же 1560 году Имагава был разгромлен и убит в битве при Окэадземе (Овари). Поскольку его сюзерен ушел из жизни, Мотоясу отнюдь не ушел вслед за ним в мир иной, а заключил мир с Нобунагой Одой. В 1564 году молодой самурайский полководец разгромил войска буддийских сектантов «Икко-икки» в своей родной провинции Микава.

Желая выйти из зависимости от своего «коллективного сеньора» — клана Имагава, он отказался от имени Мотоясу, приняв в 1565 году очередное новое имя — Иэясу, под которым и приобрел впоследствии всеяпонскую, а со временем и мировую известность. В 1567 году он получил от Божественного Тэнно дозволение сохранить за своим семейством

фамилию Токугава. Тогда же он познакомился с прославленным воителем князем Сингэном Такэдой, войдя на некоторое время в союз с ним, вследствие чего сумел расширить свои владения за счет земель Удзидзана Имагавы, побежденного совместными усилиями кланов Такэда и Токугава. Военная слава Токугавы росла, и все прежние вассалы побежденного Имагавы, вместо того, чтобы уйти из жизни за своим злополучным сюзереном, предложили свои мечи и услуги его более удачливому сопернику — Токугаве. В 1570 году Токугава во главе десяти тысячного «бусидана» принял участие на стороне Нобунаги Оды в победоносной для того битве при Анэгаве (Оми), в которой были наголову разбиты самурайские кланы Асакуры и Адзай.

К этому времени испортились отношения между Токугавой и Сингэном Такэдой. В 1571 году Такэда осадил Токугаву в его замке Хамамацу и в 1572 году разбил его «бусидан» в окрестностях замка. Однако на следующий день после разгрома его «буси» под стенами замка Хамамацу Иэясу во главе части гарнизона совершил внезапную ночную вылазку из замка и разбил войско Сингэна Такэды.

Когда в 1582 году Нобунага Ода, уже ставший к тому времени правителем всей Страны восходящего солнца, погиб от руки Мицухидэ Акэти (или был доведен восставшим против него Акэти до самоубийства), о чем мы уже сообщали выше, Токугава, узнав об этом судьбоносном для него событии, немедленно выступил в поход против вероломного убийцы, поспешившего провозгласить себя «сёгуном». Однако «тринадцатидневный сёгун» Акэти, как мы уже знаем, был убит при неудачной попытке заpastись провиантом и фуражом крестьянами, еще до подхода Иэясу к месту событий. На следующий год Токугава принял предложение Нобуо Оды, сына вероломно погубленного Нобунаги Оды, совместно бороться против Хидэёси. Армия Хидэёси была разбита в сражении при Комакиями (Овари), однако вскоре после этой победы Иэясу расторг союз с Нобуо Одой и заключил новый

союз, на этот раз с побежденным Хидэёси, на дочери которого женился, с целью закрепления этого нового союза.

Следующие годы Токугава провел, занимаясь хозяйством в своих владениях, однако в 1590 году вернулся к военной жизни, захватив восемь провинций в области Канто. Иэясу разбогател, и его годовой доход (равный двум миллионам пятистам пятидесяти семи тысячам «коку»¹ риса) обеспечил ему прочную власть над своими «сёзнами». Своей резиденцией он избрал небольшой порт Эдо в Мисаси, где возвел огромный, сильно укрепленный замок. Впоследствии на месте порта Эдо возник город Токио, современная многомиллионная столица Страны восходящего солнца. Хидэёси избрал Токугаву одним из пяти членов своего регентского совета, приблизил

¹ «Ко́ку» — традиционная японская мера объёма, равная примерно 180,39 литра.

До 1891 года один «коку» считался равным десяти кубическим «сяку» ($\approx 0,278$ кубометра).

В 1891 году императорским указом один «малый коку» был определен точно как 240100/1331 литра, что равно приблизительно 180,39 литра (или примерно сорока восьми галлонам США).

Исторически «коку» определялся как среднее количество риса, потребляемое одним взрослым человеком в течение года. Вес одного «коку» риса приблизительно равен ста пятидесяти килограммам. Количество «коку» риса являлось также основной мерой богатства и служило денежным эквивалентом в средневековой Японии. Так, например, размер жалованья самурая определялся в «коку». Доходность японских провинций тоже определялась в «коку» риса. «Коку» риса служил также мерой веса при определении грузоподъёмности корабля — суда грузоподъёмностью до пятидесяти «коку» риса считались «малыми», суда грузоподъёмностью до тысячи «коку» — «большими».

«Коку», в качестве меры объёма, по-прежнему используется и в современной Японии:

- 1 «коку» = 180,39 литрам
- 1 «коку» = 10 «то»
- 1 «коку» = 100 «сё»
- 1 «коку» = 1000 «го».

его к себе, а в 1598 году, в кагун своей кончины, поручил его заботам своего сына Хидэёри.

Подобно покойному Хидэёси (с которым в свое время не раз сходилась на поле брани, хотя и счел впоследствии за благо покориться тому, как более сильному), он, при своей совершенно «негероической» внешности, обладал, однако, поистине железной волей и ясным, аналитическим складом ума. И, самое главное, он умел терпеливо ждать своего часа, прежде чем молниеносно нанести точно выверенный удар.

Иэясу Токугава неустанно боролся с противниками объединения страны под его началом, группировавшимися вокруг Хидэёри Тоётоми. Кульминацией многочисленных войн между вечно враждующими клановыми группировками японских «боевых холопов» на протяжении многих веков стала крупнейшая в истории «самурайской» Японии битва при Сэкигахаре, разыгравшаяся 21 октября 1600 года и заложившая основу правления «сёгунов» из рода Токугава, находившихся у власти в Японии до самой «революции (реставрации) Мэйдзи» 1868 года.

БИТВА ПРИ СЭКИГАХАРЕ

В состав регентского совета, к которому и перешла власть над страной после кончины «тайко» Хидэёси Тоётоми, входили влиятельные и сильные владетельные князья, соратники усопшего Хидэёси в борьбе за объединение Страны восходящего солнца:

1. Хидэёси Укита,
2. Тосиёси Маэда,
3. Тэрумото Мори,
4. Кагэкацу Уэсуги,
6. Иэясу Токугава.

В описываемое время, если не считать весьма обширных владений буддийских монастырей (больше всего напоминавших воснно-монашеские ордена средневековой Европы), вся

территория Империи восходящего солнца разделялась между двумястами четырнадцатью «даймё», каждый из которых обладал годовым доходом не менее десяти тысяч «коку» риса. При этом пять членов Регентского совета обладали более чем третью всего земельного фонда, и самым могущественным из них был Иэясу Токугава, владевший большей частью равнины Канто. Превосходное экономическое положение Токугавы естественным образом способствовало его амбициям. Не особенно таясь, он вынашивал планы стать единоличным лидером страны. Остальные великие князья были недовольны подобным положением вещей и постепенно подходили к идее вооруженного противостояния его планам. Однако между ними не было единства во взглядах.

Наиболее активным оппонентом Иэясу стал не один из его официальных соправителей, а «даймё» по имени Мицунари Кацусигэ Исиды. В свое время Хидэёси Тоётоми приблизил Исиду к себе за умение проводить чайную церемонию, возвысив его затем до уровня министра юстиции. Затеяв с Мицунари Кацусигэ Исидой тонкую дипломатическую войну, Иэясу Токугава рассчитывал, что тот посетит раздор в среде регентов и спровоцирует войну, из которой Иэясу рассчитывал выйти победителем. Однако в своих интригах Иэясу Токугава старался не задевать имя Хидэёси.

Конфликт был фактически развязан противниками Токугавы — так называемыми «внешними (крайними) властителями» или «властителями окраинных земель» («тодама»), ведущую роль среди которых играли главы самурайских кланов Симадзу из области Сацума и Уэсуги из северной Японии. В Ставке последнего обратили внимание на то, что один из пяти регентов, Кагэкацу Уэсуги (наследник и преемник знаменитого соперника Сингэна Такэды — Кэнсина Уэсуги, носивший изображение свастики-«мацдзи» на своем плече и боевом щитке) принялся усердно вооружаться и возводить укрепления. А Кагэкацу Уэсуги был из тех, кто особенно громко возмущался «самоуправством» Иэясу Токугавы

и стремился ограничить рост его влияния. В мае 1600 года Токугава направил к нему послов с целью выяснить причину военных приготовлений, однако тот ответил послам в столь недипломатичной и противоречащей всем правилам этикета форме, что это дало Иэясу Токугаве законный повод самому готовиться к войне. Однако в реальности он больше следил за деятельностью Мицунари, поскольку армией Уэсуги было кому заняться: у Токугавы в этом регионе (провинции Айдзу) имелись надежные союзники — владетельные «даймё» Масамунэ Датэ и Ёсиакиру Могами. Тем не менее внешне Иэясу Токугава всячески демонстрировал намерение воевать, прежде всего, с Кагэкацу Уэсуги. Цель проводимой им коварной политики заключалась в том, чтобы спровоцировать Мицунари Кацусигэ Исиду на открытый вооруженный мятеж, а затем, используя собственное превосходство в силах, расправиться с мятежником и с его «босвыми холопами».

Мицунари Кацусигэ Исида воспользовался именем Хидзэси и покровительством Хидзэри Тоётоми для того, чтобы сколотить из числа влиятельных «тодама» военно-политическую коалицию против Иэясу Токугавы. Поскольку у последнего имелось немало недоброжелателей среди «дайме», чувствовавших, что победа Токугавы означала бы неминуемую строгую централизацию Страны восходящего солнца и конец их феодалных вольностей, Мицунари удалось привлечь на свою сторону таких «даймё»-сепаратистов, как Юкинага Кониси, Тэрумото и Хидэмото Мори, Хидзэи Укита, Хидэаки Кобаякава, Морихика Хосакабэ, Ясухара Кавидзака и др.

На стороне же Иэясу Токугавы выступили такие видные «дайме» — сторонники государственной централизации, как Юкинага Асано, Масанори Фукусима, Ёсисигэ Хатидзука, Нагамаса Курода, Тадаока Хосакава, Такатора Тода, Зиротака Тэрадзава и другие. Многие из них были обязаны своим возвышением Хидзэси Тоётоми. Они не были вассалами Токугавы, но сделали свой осознанный выбор в его пользу. Обе враждующие стороны пытались всеми силами и средствами

склонить на свою сторону людей из стана противника, прибегая где к подкупу, где к заманчивым обещаниям, где к прямым угрозам. Исида не брезговал даже взятием заложников из семейств, действовавших против него.

Желая переиграть своего противника, Иэясу Токугава сделал вид, будто движется на восток, в сторону владений Кагэкацу Уэсуги. Он выступил из Осаки 26 июля, а на следующий день подошел к замку Фусими, где встретился с владельцем замка и своим старинным другом — шестидесятидвухлетним Мототадой Тории. Тории должен был задержать Исиду под стенами своего замка и дать возможность Токугаве выиграть время.

10 августа войско Иэясу Токугава подошло к Эдо. Оттуда оно, обрастая по дороге присоединявшимися к нему все новыми «бусиданами» сторонников, не торопясь, двинулось на север, в Ояму, как бы для того, чтобы вступить в бой с Кагэкацу Уэсуги, но при этом Иэясу внимательно следил за тем, что происходило в столице — Киото. Кампания против Кагэкацу Уэсуги не имела для него первостепенного значения, ибо Иэясу Токугава, как уже говорилось, имел ценных союзников — Масамунэ Датэ и Ёсиакиру Могами, которым примерно в то же время удалось нанести Уэсуги ряд поражений и не дать ему возможности покинуть свои владения, перейдя от обороны к наступлению.

Вскоре после своего прибытия с войском в Ояму Токугава получил известие, что Мицунари окончательно созрел для начала борьбы. Тот оставил свой замок в Саваяме и собирался приступить к решительным действиям, встав во главе мощной армии. Эта ситуация вполне устраивала Токугаву, ибо, повторяем, он вовсе не собирался сам всерьез идти в поход на князя Уэсуги.

Группировка Мицунари Кацусигэ Исиды, вошедшая в военную историю Японии под названием «Западной армии» (в то время как армия Иэясу Токугавы, по контрасту, была названа «Восточной»), начала свое противостояние силам Токугавы с

того, что 27 августа осадила замок Фусими. Число «босвых холопов» Мицунари значительно превышало число защитников замка, и все понимали, что крепость обречена; тем не менее она оказала упорное сопротивление. Штурм сильно укрепленной цитадели длился целых десять дней, прежде чем «буси» Мицунари сумели занять Фусими, потеряв при этом три тысячи воинов. Сам Мотокада Тории, доблестно сражаясь на стенах своего замка, пал в бою смертью храбрых, достойной истинно го «босвого холопа» Страны восходящего солнца.

После взятия замка Фусими ободренный военными успехами своих сторонников Исида Кацусигэ Мицунари собирался с помощью всех «тодзама», сочувствовавших его замыслу, атаковать Иэясу Токугаву через провинцию Мино в Микава. План Мицунари был основан на смелом, но ошибочном предположении, что силы Токугава связаны борьбой с войсками Уэсуги и потому не будут способны вести войну одновременно на два фронта. Не сомневаясь в успехе своего плана, Мицунари отправился в Гифу, где его радушно принял Хидэнобу Ода, внук Нобунаги Оды, первого объединителя Японии. Оттуда Мицунари 19 сентября отошел в замок Огаки. Однако вскоре до него дошли сведения о враждебных действиях самураев из Танго, Исэя и Оми, и поэтому он был вынужден откомандировать значительные части своего главного корпуса, чтобы разобраться со смутьянами. В то же время ряд важнейших «даймё», на которых Мицунари Исида очень рассчитывал, отказался выступить против Иэясу Токугавы. Сделать это отказался, например, один из пяти регентов — Тэрумото Мори — сильнейший и опытнейший самурайский военачальник описываемого времени. В отсутствие такого полководца Мицунари Кацусигэ Исида пришлось взять командование «Западной армией» на себя. Сам он был смел и обладал определенным опытом ведения войны, однако уступал по своим полководческим талантам Иэясу Токугаве. Кроме того, его «Западная армия» была организована гораздо хуже «Восточной армии» Токугавы, уступала ей в сплоченности и дисциплине

и, самое главное, имела в своем составе тайно сочувствовавшую противнику «пятую колонну», о присутствии которой совершенно не догадывался главнокомандующий и которая высунула свое ядовитое жало, обратив его в спину своему предводителю лишь в ходе решающей битвы. Замок Гифу имел важное стратегическое значение, поскольку находился неподалеку от двух основных дорог Японии — Токайдо и Накасэндэ. В семнадцати милях от этого замка находился другой замок — Киёсу. Обе крепости были во времена пребывания у власти Нобунаги Оды важными военными базами. Теперь же замок Гифу охранял союзник Исида Мицунари, а в замке Киёсу пребывал Гэмба Осаки — вассал Масанори Фукусимы (союзника Иэясу Токугавы).

Иэясу Токугава превосходно понимал, что, если «Западная армия» Исиды захватит замок Киёсу, это даст войскам «тодзама» возможность блокировать любое движение из центра Страны восходящего солнца на восток и тем самым воспрепятствовать перемещениям войск «Восточной армии». Поэтому уже 11 сентября Иэясу Токугава направил к замку Киёсу крупный воинский контингент (общей численностью тридцать четыре тысячи «буси»). Он также приказал своему сыну Хидэтаде Токугаве во главе тридцати тысяч воинов двигаться по Накасэндэ. Оба «бусидана» из состава «Восточной армии» должны были соединиться в провинции Мино, где к ним присоединился бы сам Иэясу. Токугава намеревался ударить по войскам неприятеля в Мино и прочно закрепиться в этой стратегически важной области, отняв у Мицунари крепость Гифу. Именно опираясь на данную область, Нобунага Ода тридцатью годами ранее установил свое господство над Страной восходящего солнца. Авангард «Восточной армии» Токугавы, под командованием Фукусимы, Хосокавы и других испытанных военных предводителей быстро продвигался по Токайдо, и все его отряды собрались воедино в Киёсу 24 сентября.

26 сентября Фукусима и другие полевые командиры «Западной армии» получили от своего сюзерена Токугавы при-

каз к выступлению против войск «тодзама». Они форсировали реку Кисо и взяли штурмом крепость Гифу, где и остались дожидаться прибытия самого Токугавы. Тем временем Иэясу изучал обстановку, пребывая по-прежнему в Эдо, и, лишь удостоверившись в преданности и военной компетентности самого Фукусимы и его «бусидана», выступил в поход во главе своих «босвых холопов». Токугава прибыл в Киёсу 17 октября, приведя с собой более тридцати тысяч испытанных «буси». 20 октября Иэясу подошел к возвышенности близ Асакавы, что всего в трех километрах от Огаки, где пребывал Исида.

Таким образом, силы противоборствующих сторон оказались недалеко друг от друга. Город Огаки — место пребывания Мицунари Кацусигэ Исида — располагался всего в двадцати пяти километрах от крепости Гифу. К Мицунари непрерывно стекались союзные ему «тодзама» со своими «бусиданами». Последним к войску Исида присоединился прославленный военачальник Хидэаки Кобаякава. Город Огаки был расположен в стороне от дорог, и Токугава мог без труда заблокировать Мицунари в замке. Опасаясь оказаться в блокаде, предводитель «Западной армии» 29 октября приказал направить войска к селению Сэкигахара, которое считал удобным местом для генерального сражения с «Восточной армией» Иэясу Токугавы.

Следует заметить, что Мицунари Кацусигэ Исида, сын знатного вельможи Тамэсигэ Исида и потомок древнего аристократического рода Фудзивара, многократно породнившегося с японским императорским домом, обладал меньшим военным опытом, чем Иэясу Токугава. Рожденный в Оми в 1563 году, он в тринадцатилетнем возрасте поступил на службу к Хидэёси Тоётоми и в 1585 году стал чиновником «дзibu-тё» — учреждения, в ведении которого находились вопросы генеалогии, наследования, браков и погребений, музыки и т.п. Став одним из членов Регентского совета при Хидэёси, он получил в лен замок Саваяму с годовым доходом в сто восемьдесят шесть тысяч «коку» риса). Принимал участие в Корейской экспеди-

ции в должности генерального инспектора при Ставке главнокомандующего Хидэиэ Укиты. На свою беду, Мицунари Кацусигэ Исида не пользовался необходимым для осуществления эффективного руководства авторитетом в «Западной армии»: он считался всего лишь «первым среди равных», поэтому ему не подчинялись беспрекословно (в то время как в противостоявшей ему «Восточной армии» Иэясу Токугава обладал фактически неограниченной властью). Нельзя забывать и об огромном военном опыте Иэясу Токугавы (достигшего к описываемому времени почтенного для описываемой эпохи возраста пятидесяти восьми лет¹ и имевшего за плечами несколько десятилетий тяжелейших военных лет и десятки выигранных сражений).

Общая численность войск «Западной армии» Исиды Кацусигэ Мицунари составляла девяносто пять тысяч «буси», в том числе:

1) «бусиданы», собранные в Сэкигахаре (больше половины численности которых составляли «боевые холопы» Укиты Хидэиэ, Хидэаки Кобаякавы и Хидэиэ Мори), — восемьдесят две тысячи;

2) «бусиданы», занятые на осаде неприятельских крепостей и на защите города Огаки, — тринадцать тысяч.

Силы, собранные под знаменами «Восточной армии» Иэясу Токугавы, насчитывали в общей сложности сто тридцать восемь тысяч «буси», в том числе:

¹ В описываемую эпоху считалось, что «вск человеческий» равен пятидесяти годам. Во всяком случае, если верить средневековым японским хронистам, Нобунага Ода, выступая из своего замка Киюсо на оказавшуюся для него победоносной битву с численно превосходящей его войско армией враждебного «даймё» Ёсимото Имагавы, нараспев процитировал ожидавшим его в полном вооружении отборным самураям отрывок из пьесы театра «но» под названием «Адзумори»: «Вск человеческий равен пятидесяти годам. Не есть ли он во Вселенной не более чем сон или иллюзия? Родился ли кто-то, кто не умер?»

1) «бусиданы» Хидэгады Токугава (тридцать восемь тысяч «буси»)¹;

2) «бусиданы», стянутые к Сэкигахаре, включая тридцать тысяч воинов под непосредственным командованием самого Токугавы, а также семьдесят четыре тысячи «буси» под командованием Фукусимы, Куроды и других «тайсё»;

3) «бусиданы», дислоцированные на холме Напгу и в Огаки, — двадцать шесть тысяч.

Таким образом, вся «Восточная армия» под командованием Иэясу Токугавы в целом, равно как и его войска, собранные непосредственно на поле битвы у Сэкигахары, имели численное превосходство над «Западной армией» его противников — «тодзама».

Всего с обеих сторон выступало более двухсот тридцати тысяч «буси» — следует заметить, что такие большие самурайские армии собирались в одном месте, даже для решающей битвы, крайне редко — в частности, из-за неизбежных проблем со снабжением такой массы людей и коней. Однако октябрь 1600 года был удачным для военных действий периодом, поскольку урожай риса с полей был уже снят и никаких проблем с провиантом для воинов и фуражом для боевых коней не возникало.

В сражении при Сэкигахаре — одном из самых грандиозных за всю историю «самурайской» Японии — обе стороны имели в своем составе конницу и пехоту, в том числе аркебузирова, копьеносцев и лучников. С точки зрения тактики битвы описываемого периода распадались на ряд столкновений конных и пеших отрядов, возглавляемых различными «даймё» или «тайсё». Что касается пеших подразделений тогдашних

¹ Хидэгадэ вел свои войска к полю битвы при Сэкигахаре спешными маршами, но подоспел уже к самому концу сражения, как говорится, «к шапочному разбору», и не смог оказать воздействия на исход битвы (за что долго оправдывался перед своим отцом-победителем, сменившим наконец гнев на милость).

самурайских армий, то они строились таким образом, чтобы стрелки из аркебуз (или луков) и копейщики (или, точнее говоря, пикинеры), вооруженные длинными пиками, могли в бою прикрывать друг друга. К описываемому времени лук, в качестве оружия дальнего действия, уже однозначно уступил первенство аркебузе. Луки использовались чаще в качестве снайперского оружия, если требовалось «снять» часового или точным попаданием вывести из строя конкретную цель. Воины самурайского клана Симадзу из области Сагума, активно использовавшие в сражении луки и стрелы, казались уже «старомодными», как и их предводитель Тоёхиса Симадзу, вступивший в бой с этим «архаичным» (хотя и «исконно самурайским») метательным оружием (считавшимся, согласно представлениям «боевых холопов» Страны восходящего солнца, символом единства силы и хладнокровия, а также духовной дисциплинированности). Что же касается меча, то большинство конных и пеших «буси», сошедшихся в битве при Сэкигахаре, имели на вооружении один длинный меч или же два (длинный и короткий) меча, впридачу к основному оружию — аркебузе, луку, пике или «нагинате».

Следует заметить, что еще в середине XVI века в производстве самурайских доспехов произошли некоторые изменения. Эпоха «сэигоку дзидай» с ее безостановочными феодальными войнами породила усовершенствованный вид боевых доспехов, получивший название «гусоку». Доспехи «гусоку» не очень сильно отличались от «ёрои», но были несколько легче и подвижнее за счет усовершенствования техники изготовления защитных пластин (или чешуй). Появились специальные пластины на груди с изображением гербов-«мон» и большие прямоугольные наплечники на обоих плечах «буси», скрепленные из продольных пластин. Предплечья «боевого холопа» были прикрыты кожаными или металлическими нарукавниками.

Нижнюю часть корпуса «буси» описываемого времени прикрывал раздвоенный передник, который был короче прежней металлической защитной юбки, являвшейся неотъемле-

мым элементом доспехов типа «ёрои». Функция защиты ног «боевого холопа», ставших из-за этого более уязвимыми, была частично перенесена на наголенники-«сунзатэ».

Характерной особенностью самурайских доспехов типа «гусоку» было обилие бронзовых накладок и заклепок, а замша, которой обтягивались латы, чтобы уберечь их от сырости, покрывалась геометрическими рисунками и стилизованными изображениями растений. Наиболее состоятельные «боевые холопы» надевали к тому же поверх доспехов дорогие шелковые кимоно и прикрывались в походных условиях специальной накидкой-«дзинбаори», расшитой золотыми драконами и т.д.

Нашлемные украшения-«маэдате» описываемой эпохи имели самые разнообразные вид, цвет и форму.

На поле битвы под Сэкигахарой сошлись — с обеих сторон — самые опытные лучшие представители и самые опытные восначальники японских самураев (кроме разве что главнокомандующего «Западной армией» Исиды Мицунари). Вот-вот должно было начаться, пожалуй, важнейшее сражение в японской истории. Утром 21 октября Иэясу Токугава, позавтракав, как самый простой из воинов его армии, вареными рисовыми колобками-«дзито», в полном вооружении (за исключением плема, который он на этот раз заменил шелковой шапочкой-«эбоси»), вышел из шатра к своей свите. В тот день на нем были западноевропейские доспехи. Токугава обратился к свите со следующей речью, столь же краткой, сколь и выразительной:

«У нас есть только два пути: либо вернуться домой с головой врага (опять отрубленная вражья голова, желанный трофей всякого истинного «буси»! — *В.А.*) в руках, либо быть принесенным, но без собственной головы» (в общем, «со щитом или на щите»... — *В.А.*).

Главные силы «Восточной армии» Токугавы занимали пространство между Накасэндэ и горой Ибуки. Правым крылом командовал Нагамаса Курода. Рядом с Куродой стоял «бусидан» Тадаоки Хосакавы, далее — воинские контингенты

Ёсиаки Като и Ёсимасы Танаки, на левом фланге у дороги — отряд Наомасы Ии. Через дорогу встал Масанори Фукусима, отделенный рекой Фудзи от противостоявшего ему «бусидана» Ёсицугу Вакидзаки (из состава армии «тодзама»). Позади него выстроились «буси» Токатомо Кёгоку и Такаторы Тодо, за которыми по южной дороге, примыкавшей к Накасэндо, стоял «бусидан» Тадакацу Хонды.

Левый фланг противостоящей силам Токугавы «Западной армии», закрывавший дорогу на север, составлял «бусидан» самого Исиды Мицунари, Ставка которого располагалась в роще на вершине холма. Прямо перед ставкой Мицунари занял позицию его главный военный советник Сакои Сима, а также Хидэюки Гамо с контингентом, состоявшим из «буси» осацкого гарнизона. Справа от дороги выстроились «бусиданы» клана Симадзу из Сацумы во главе с Ёсихиро Симадзу, перед которым расположился со своим личным «бусиданом» Тоёхиса Симадзу, презиравший огнестрельное оружие, как «недостойное благородного воина», и вооруженный, вместо «огненной трубки», старым добрым самурайским луком-«кю» со стрелами, как «буси» древних героических времен «войны Гэмпэй» и отражения нашествий каана Хубилая.

Центр «Западной армии» Исиды Мицунари составляли многочисленные «бусиданы» опытных «тайсё» Юкинаги Кониси и Хидэюэ Укити (бывшего главнокомандующего самурайским экспедиционным корпусом в Корее в годы «Имджинской войны»). У Накасэндо выстроились «боевые холопы» Хирацуки Тоды, Киноситы и Ёсикацу Отани. За Накасэндо, у основания холма Мацуо, заняли позиции ветераны Корейской кампании Ёсицугу Вакидзака (чей отряд был отделен от противостоявшего ему отряда сторонника Токугавы — Масанори Фукусимы — только рекой Фудзи) и Ёсицугу Отани (настолько сильно пораженный проказой, что не мог сесть на коня, и потому командовавший войсками со своих крытых носилок). Вершину холма Мацуо на крайнем правом фланге «Западной армии» занимал Хидэаки Кобаякава.

В общем, позиция «тодзама» была весьма удобной: их войска перегородили дорогу на Осаку, так что Токугаве пришлось атаковать их позиции в лоб.

И Токугава приказал своим «босвым холопам» атаковать.

Часть его «буси», под командованием Наомасы Ии (добресного воина с родовым гербом в виде «колодезных труб»), напала на противостоящий ей отряд армии «тодзама». Потрясающая копыями, «боевые холопы» Ии врезались в ряды самураев «Западной армии» и опрокинули их, в то время как остальные «боевые холопы» Ии обрушились на «бусидан» Укиты Хидэиэ. Одновременно с ними Масанори Фукусима, перейдя Накасэndo, также атаковал Хидэиэ. «Буси» Укиты Хидэиэ отбросили нападавших залпами из аркебуз, после чего, обнажив мечи, скатились вниз по склону на врага. Первая атака перешла в жестокую рукопашную схватку, и тогда остальные передовые части «Восточной армии» двинулись прямо на Ставку Мицунари. Их второй ряд выступил вперед, чтобы напасть на «бусидан» Кониси Юкинаги. Сакои Сима, советник Исида Мицунари, получил огнестрельное ранение и был вынужден отойти в тыл. Самураи из Сацумы неподвижно стояли на месте, поскольку их предводитель-«традиционалист» Ёсихиро Симадзу решил, что их время еще не пришло (хотя Исида Мицунари сначала приказывал, затем требовал и, наконец, уже умолял его вступить в бой).

«Бусидан» Кониси Юкинаги был расколот надвое атакой самураев «Восточной армии» под командованием Хирацуки Тодо и Токатоми Кёгоку, однако Ёсицугу Отани, имевший под своим началом хорошо обученных «буси», отбросивших нападающих, смог отчасти восстановить равновесие. В целом на данном этапе сражения преимущество оставалось за «западниками». Они имели численный перевес, что сказывалось на ходе сражения.

Наступил даже момент, когда «Восточная армия», терпевшая большой урон, была готова дрогнуть и начать отход. Однако подход свежего резерва под командованием Ёрисизэ Ха-

тисуки и других частей восстановил нарушенный баланс сил и продлил как саму борьбу, так и неопределенность ее исхода. Теперь обе армии были совершенно равны друг другу по силам. Противники то нападали, то отступали, подобно волнам бушующего моря. Долгое время ни одна из противоборствующих сторон не могла добиться решающего перелома хода битвы в свою пользу. В конце концов Исида Мицунари решил ввести в бой свой правый фланг и подал Кобаякаве Хидэаки знак ударить с холма Мацуо во фланг «Восточной армии». Однако тот даже не пошевелился. Сигналы, подаваемые Исидой Мицунари, становились все более отчаянными. Наконец даже Кониси Юкинага и Ёсицуга Отани послали своих гонцов на холм, убеждая Кобаякаву Хидэаки начать атаку, но столь же безрезультатно. Ни один из «буси» отряда Кобаякавы не сдвинулся с места. Отани заподозрил неладное. Еще до этого вызывающего бездействия отряда Кобаякавы Хидэаки он заметил, что атаки «Восточной армии» почему-то проходят мимо холма Мацуо. Тогда Исида Мицунари — на всякий случай! — принял определенные меры предосторожности. Правое крыло его «Западной армии» под командованием Ёсицуги Отани развернулось на девяносто градусов (на случай, если Кобаякава Хидэаки, признаки измены которого делу «тодзама» становились все более очевидными, нанесет удар ему в тыл).

Иэясу Токугава тоже ждал, что предпримет непредсказуемый (пока!) Кобаякава Хидэаки. Вероятно, он не был до конца уверен в его предательстве дела Мицунари Кацусигэ Исиды. Чтобы спровоцировать Кобаякаву Хидэаки на выступление, Токугава направил нескольких аркебузирова выстрелить в его сторону.словно выйдя из оцепенения, самураи Кобаякавы Хидэаки бросились вниз по склону холма на воинов Ёсицуги Отани. Но «буси» Ёсицуги уже были готовы к этой атаке своих вероломных «союзников», встретив ее кинжальным огнем аркебуз. Десятки тел предателей покатались вниз по склону. При виде этого отпора Иэясу Токугава отдал своим войскам приказ перейти в общее наступление по всему фронту.

Некоторое время Ёсицуге Отани удавалось сдерживать комбинированный натиск изменников и самураев «Восточной армии» Токугавы. Однако к Кобаякаве присоединился еще один изменник — Вакидзака, также напавший на Ёсицугу Отани. Уступавшие в числе одновременно напавшим на них сразу трем противникам самураи Ёсицуги были перебиты. Сам Ёсицуга Отани покончил с собой, с помощью одного из своих приближенных, отрубившего своему сюзерену, вспоровшему себе живот, голову и спрятавшему ее, чтобы она не досталась врагу в качестве трофея ...

«Бусидан» Кониси Юкинаги откатывался все дальше назад под неудержимым натиском неприятеля. Самураи Кобаякавы, прорвавшись сквозь остатки войск Ёсицуги (решивших умереть, но не сдаваться), обошли «бусидан» Укиты Хидэиэ и ударили войскам Кониси Юкинаги в тыл. Со всех сторон звучали крики: «Измена!» Затем настал черед «бусидана» Укиты Хидэиэ. Его командир ринулся очертя голову сквозь толпу самураев, чтобы своей рукой покарать предателя Кобаякаву Хидэаки, но приближенные удержали его и заставили отступить вместе с ними. Центр «Западной армии» был наголову разбит. Придя в отчаяние, Мицунари Кацусигэ Исида бросил все наличные силы против частей «Восточной армии», атаковавших высоту, на которой была расположена его Ставка. Но и он был вскоре вынужден бежать, оставив на поле боя только доблестный сацумский клан Симадзу. Глава клана — Тоёхиса Симадзу — вскоре был убит, и Ёсихиро Симадзу оказался единственным из предводителей «боевых холопов», не бежавшим с поля битвы при Сэкигахаре, памятуя о заповедях древней самурайской доблести. Под его началом оставалось не более восьмидесяти «боевых холопов», окруженных со всех сторон полчищами врагов. Наомаса Ии хотел вызвать Ёсихиро Симадзу на поединок. Однако Ии — видный издалика в ярко-красных доспехах и ярко-красном шлеме с золотыми рогами — показался самураям клана Симадзу из области Сацума столь привлекательной мишенью, что они, не удер-

жавшись от соблазна, обстреляли его из аркебуз (как видно, позабыв о древнем самурайском правиле не вмешиваться в честный рыцарский поединок двух благородных «буси»). Получив тяжелое огнестрельное ранение в левую руку, Наомаса Ии не смог осуществить задуманное.

Осознав наконец вопиющее неравенство сил, Ёсихиро Симадзу, пришпорив коня, во главе остатков клана Симадзу прорвался сквозь кольца вражеских самураев и ускакал прочь по дороге, ведущей на юго-запад. Обогнув гору Нангу, беглецы наткнулись на авангард войск Тэрумото Мори и Хироиз Киккавы, союзников Мицунари Кацусигэ Исиды, проводших все утро в долине, прислушиваясь к шуму сражения. Когда Симадзу сообщил им о разгроме, Хироиз Киккава со своим «бусиданом» тотчас же дезертировал, а Тэрумото Мори отказался от своего плана нанесения удара по левому флангу Токугавы.

В два часа пополудни Иэясу Токугава понял, что выиграл битву при Сэкигахаре. Он сел на свой походный табурет, надел свой «франкский» шлем (к которому японские умельцы приладили личину) поверх шелковой шапочки и, плотно завязав его шнуры, произнес фразу, ставшую крылатой:

«Одержав победу, подтяни завязки шлема» (то есть «Не почивай на лаврах, а будь всегда готов к новым битвам»).

Затем, подняв жезл — знак своей власти, — победитель деловито приступил к осмотру отрубленных голов неприятельских «тайсё», подносимых ему одна за другой. К нему подходили с докладами «даймё» и «тайсе» — Нагамаса Курода, Тадакацу Хонда, Масанори Фукусима, его собственный сын Тадаёси Токугава. Когда к главнокомандующему явился с докладом раненный самураями клана Симадзу из Сацумы пулей в руку Наомаса Ии, Иэясу Токугава, сойдя со своего походного трона, лично перевязал ему рану. Последним подошел изменивший Мицунари Кацусигэ Исиде «тодзама» Кобаякава Хидэаки, склонившийся перед победителем в глубоком поклоне. Вполне возможно, именно измена Кобаякавы Хидэаки и некоторых других «тайсё», не просто дезертировавших, но

перешедших из стана Исида Мицунари в стан врага, стала главной причиной победы «Восточной армии» Иэясу Токугавы в битве при Сэкигахаре...

Победитель приказал Кобаякаве Хидэаки и другим «тайсё», перебежавшим к нему из стана Исида Мицунари, преследовать их спасшегося бегством бывшего сюзерена и взять его замок Саваяму. Замок был взят (безуспешно оборонявшие его родичи Мицунари совершили над собой обряд «сэппуку»), но сам Исида Мицунари снова ускользнул и целую неделю скрывался от преследователей в густой лесной чаще на горе Ибуки.

6 ноября 1600 года злополучный Мицунари Кацусигэ Исида был схвачен преследователями в селении Игути, доставлен в Киото и обезглавлен, как государственный преступник, недостойный почётной смерти от собственной руки, вместе с Кониси Юкинагой, Экэем Анкокудзи, фаворитом Тэрумото Мори, который сражался при Сэкигахаре, — монахом Анкокудзу, а также другими «тайсё» потерпевшей поражение «Западной армии». Юкинаге Кониси, из уважения к его доблести, было предложено совершить над собой обряд «сэппуку», но тот, будучи ревностным христианином, даже под угрозой «утраты самурайской чести» наотрез отказался совершить грех самоубийства, и потому был обезглавлен наравне с другими осужденными.

Успех Токугавы в кровопролитной битве при Сэкигахаре еще больше укрепил его авторитет. Он щедро раздавал своим сторонникам новые земли и с подчеркнутым пиететом относился к особе Божественного Тэнно, однако реальную власть, разумеется, оставил за собой. По его приказу были пересмотрены границы прежних провинций и округов. В 1614 году Иэясу Токугава, идя по стопам Хидэёси Тоётоми, но действуя более мягкими методами, издал несколько указов, направленных против христиан, всячески ограничивая и осложняя их присутствие и жизнь в Стране восходящего солнца. Только в 1603 году, через три года после грандиозной битвы при Сэкига-

харе, Иэясу Токугава официально получил от Божественного императора Японии Го-Ёдзэя титул «сёгуна», положив тем самым начало сёгунату Токугава (1603—1667). Своей резиденцией и местопребыванием своего «бакуфу» он избрал город Эдо (известный ныне под названием Токио). Поэтому период правления «сёгунов» клана Токугава именуется в японской исторической традиции еще и «периодом Эдо».

Формально передав титул «сёгуна» сыну, Иэясу Токугава организовал составление «Уложения о самурайских родах» («Букэ сё хатто»), определявшего нормы поведения японских «боевых холопов» как на военной и гражданской службе, так и в личной жизни. В «Уложении о самурайских родах» были в сжатой форме кодифицированы традиции военно-феодалного сословия Японии («бусидо»), дотоле передававшиеся в устной форме.

В области внешней политики Иэясу Токугава, в отличие от своего бывшего сюзерена Нобунаги Оды, сделавшего, как известно, ставку на «латинян»-португальцев и союз с папой римским, главой католической церкви, предпочитал сотрудничать с голландскими торговцами — протестантами и заклятыми врагами католиков.

Английский моряк Уильям Адамс, прибывший в Японию на голландском судне в 1600 году, стал советником Токугавы по некоторым вопросам европейской политики. Его история послужила основой для сюжета книги и известного художественного фильма «Сёгун».

При Иэясу Токугаве голландцы получили монополию на торговлю с Японией.

Два года спустя после получения от Тэнно титула «сёгуна» Иэясу Токугава отрекся от сёгунского титула в пользу своего сына Хидэтады Токугавы (главной целью данного шага было желание обеспечить наследование этого высочайшего, после императорского, титула по линии собственной семьи).

Однако в действительности он продолжал зорко следить за политической жизнью, хотя формально удалился в Сумпу

(Сидзуока), где посвятил свой досуг занятиям изящной словесностью.

Так в Стране восходящего солнца началась эпоха правления очередной династии «сёгунов», на этот раз — из «военного дома» Токугава, даровавшая стране мир на протяжении двух с половиной столетий. Лишь однажды, в начале XVII века, этот мир был ненадолго нарушен, когда Иэясу хитростью и силой оружия устранил достигшего к тому времени совершеннолетия Хидзэри Тоётоми — сына усопшего «тайко» Тоётоми Хидзэси, не пожелавшего отказаться от титула «сёгуна», завещанного ему отцом на смертном одре. Сын Тоётоми Хидзэси и его сторонники обосновались в городе Осака, остававшимся центром оппозиции власти Токугавы на протяжении пятнадцати последующих лет.

В 1611 году Иэясу Токугава встретился с Хизэри Тоётоми, с которым помолвил свою внучку Сэн-химэ (дочь своего сына-«сёгуна» Хидэгады Токугавы). Однако Хидзэри, все еще пользовавшийся, как сын великого Хидзэси Тоётоми, немалым общественным авторитетом, продолжал рассматривать Токугаву как узурпатора.

Отношения между ними стали накаляться все больше, пока дело не дошло до открытого разрыва.

Встав во главе пятидесятитысячного самурайского войска, Иэясу Токугава подступил к Осаке, удерживаемой верными Хидзэри Тоётоми «тайсс», собравшими под своими знаменами многочисленные отряды «боевых холопов». В мае 1615 года в сражении под Осакой (последней из великих битв с участием самурайских армий на столь щедро политой человеческой кровью и засеянной человеческими костями японской земле) «буси» Хидзэри были разбиты и сам город взят войсками Токугавы. Городская цитадель загорелась во время штурма. Хидзэри Тоётоми вместе со своей супругой — внучкой Иэясу Токугавы и дочерью правящего «сёгуна» — сгорел в огне пожара.

Возвратившись в Сумгу, Иэясу вскоре тяжело заболел и в мае 1616 года скончался на семьдесят пятом году жизни. Он

был погребен в Никко Тосё-гу. В честь него был возведен величественный храм.

При нем было окончательно сломлено сопротивление вольных и непокорных «даймё». Центростремительные (объединительные) тенденции в истории Японии окончательно возобладали над центробежными (разъединительными).

Еще в 1614 году под влиянием Иэясу Токугавы его сын «сёгун» издал закон о запрете на проживание в Японии чужеземцев (что весьма осложнило проповедь христианской религии и дело обращения японцев в христианство). Таким образом, была сделана попытка избежать опасности поддержки зарубежными силами, выступавшими под прикрытием проповеди христианской религии, сил внутри Японии, враждебных дому Токугава (чтобы не появился «новый Нобунага Ода»).

Впоследствии, в 1636 году, под страхом смертной казни японцам было запрещено покидать территорию своей страны, а также строить корабли, способные на дальние плавания. Так было положено начало эпохи самоизоляции Страны восходящего солнца от внешнего мира.

Период, начавшийся с правления Иэясу Токугавы, стал самым мирным периодом за всю историю Страны восходящего солнца: как это ни парадоксально, но воинственный клан Токугава, пришедший к власти через реки крови, обеспечил многострадальной Японии полное отсутствие вооруженных конфликтов на ее территории на протяжении всего периода владычества своего «военного дома».

После того, как эпоха «воюющих провинций» ушла в прошлое, победоносный Иэясу и его преемники из «военного дома» Токугава начали наводить в истерзанной усобицами, залитой кровью стране новые порядки. Они стремились к построению государства, в котором ни у кого не было бы возможности строить интриги, шесты заговоры, чинить насилие или развязывать гражданские войны. Чтобы в зародыше пресечь малейшее неповиновение, эти государственные мужи приняли радикальные меры.

Одна из этих радикальных мер касалась священной особы императора с его ближайшим окружением. Божественному Тэнно и придворной знати «кугэ», с ее вечными интригами, было строжайше запрещено вмешиваться в политику. Еще при жизни Иэясу Токугава, в 1615 году, был издан указ, до предела урезавший полномочия Тэнно. Ему отныне дозволялось лишь участвовать в религиозных обрядах и церемониях по случаю государственных праздников, а также заниматься меценатской деятельностью — покровительствовать философам, поэтам и художникам.

Чтобы удержать политическую власть в руках военного сословия, Иэясу Токугава назначал на все ключевые государственные посты только преданных лично ему самураев.

Возглавлял государственный аппарат «боевой холоп» наивысшего ранга — «сёгун». Резиденция «сёгуна» из рода Токугава располагалась в Эдо (нынешней японской столице Токио). Из своей резиденции «сёгун» правил как абсолютный монарх-самодержец. Слово «сёгуна» было законом, все его приказы подлежали неукоснительному и беспрекословному исполнению под угрозой жесточайших кар.

Ступенью ниже в иерархии сёгуната Токугава стояло военное правительство (сохранившее древнее название «бакуфу»). Большинство министров, равно как и все чиновники, занимавшие высокие посты в сёгунате Токугава, происходили из знатных самурайских семей. Они были обязаны обеспечивать исполнение приказов «сёгуна» во всех уголках Страны восходящего солнца.

Ступенькой ниже «бакуфу» в государственной иерархии сёгуната Токугава стояли самурайские владетельные князья «даймё», стоявшие во главе двухсот шестидесяти провинций Страны восходящего солнца и управлявшие этими провинциями, — разумеется, не по собственному усмотрению, как это было накануне гражданской войны, а в строгом соответствии с предписаниями, полученными от «сёгуна» через «бакуфу». Памятуя об ужасных уроках столетней гражданской войны,

«сёгуны» из рода Токугава установили над всеми «дайме» строжайший и неусыпный контроль. В эпоху правления «военного дома» Токугава все «даймё» были обязаны регулярно (первый раз — через год после назначения) являться в столицу сёгуната (причем с семьей и свитой) и отчитываться перед «палаточным правительством», которое могло в любой момент отозвать их (именем «сёгуна») и назначить управлять другой провинцией, осуществляя регулярную «перетасовку кадров». По прошествии года «даймё» получал дозволение вернуться от сёгунского двора в свою провинцию, но его супруга и дети владетельного князя (на всякий случай, как бы чего не вышло) оставались при дворе «сёгуна» в качестве заложников. С тех пор по всей Японии потянулись длинные процессии — это провинциальные «даймё» в сопровождении многочисленной челяди пересезжали, по воле «сёгуна» и «бакуфу», с места на место.

Что касается рядовых самураев, то лишь немногие из этих «боевых холопов» подчинялись непосредственно «сёгуну», правившему Страной восходящего солнца из Эдо. Значительная часть самураев — около четырехсот тысяч «буси» вместе со своими семьями — находились в распоряжении провинциальных «даймё» (хотя и считались — как, впрочем, и «даймё» — состоящими на военной службе у «сёгуна», а формально — на службе у Тэнно, как и сам «сёгун»). Большинство «боевых холопов» проживало именно в столицах провинций — одни в крепости своего сюзерена-«даймё», другие — в стоявших вокруг нее небольших домах с «приусадебными участками». Так бывшие сельские жители становились горожанами. В провинциях самураи выполняли обязанности, возлагаемые на них местными «даймё». Одним выпадала военная стезя — они служили во «внутренних войсках», обеспечивая порядок в городах и провинциях, в личной гвардии «даймё», или же несли гарнизонную службу в крепостях или же сторожевую службу на сухопутных и морских границах страны (отражая набеги пиратов и недобитых «варваров»). Однако, в связи с общим снижением

уровня военной опасности, большинство «боевых холопов» эпохи сёгуната Токугава перешло к мирным занятиям (совершенно нетипичным для них в «классическую» эпоху покорения варваров и междоусобных войн, собственно, и вызвавшую к жизни самурайское сословие). Самураи управляли поместьями и товарными складами, трудились в качестве сборщиков налогов, вербовали крестьян для проведения строительных работ, словом — превратились в государственных чиновников. За это они получали установленное жалованье.

Однако став фактически государственными чиновниками (или, говоря по-русски, «крапивным семенем»), «боевые холопы» державы Ямато отнюдь не перестали считать себя воинским чином, или, говоря по-европейски, «дворянством меча». Напротив! Они, пожалуй, в большей степени, чем когда бы то ни было ранее, ощущали себя знатными воинами, элитой японской нации. Это объяснялось их традиционным военным воспитанием и особым образом жизни — даже в мирное время они обязательно подолгу предавались воинским упражнениям, неустанно совершенствуя свои навыки в обращении с мечом и другими видами оружия и в боевых искусствах.

Но еще важнее для самосознания самураев было их исключительное положение в обществе, которое за ними признавал закон. Уже вскоре после провозглашения «сёгуном» Иэясу Токугава разделил всех своих (формально — императорских) подданных на четыре сословия:

1. «Боевые холопы».
2. Крестьяне.
3. Ремесленники.
4. Торговцы.

При этом в соответствующем указе «сёгуна» особо оговаривалось, что самураи — «господа среди четырех сословий».

Кстати говоря, за пределами перечисленных выше четырех сословий самурайского государства «токугавского образца» находилась свособразная «каста неприкасаемых» — так называемое сословие «эта» (люди, род деятельности которых

считался «грязным», «нечистым», «недостойным детей Солнца») — мусорщики, работники скотобоен и т.д.

О том, какое значение привилегированное положение самураев эпохи сёгуната Токугава по сравнению со всеми другими сословиями имело на деле, говорит следующий пример. Любой японский «босвой холоп» (от «сёгуна» до простого караульного воина) обладал особой, дарованной ему законом, привилегией — «убить и уйти». Это означало право самурая убить любого человека трех низших сословий, не оказавшего ему должного почтения (например, перебежавшего ему дорогу или недостаточно быстро поклонившегося при встрече с ним). Случаи подобных бессудных расправ были нередкими, но воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

О МОРАЛЬНОМ КОДЕКСЕ «БОЕВОГО ХОЛОПА»

Как уже, наверно, стало ясно уважаемым читателям, сословие японских «боевых холопов» объединяли и сплачивали в единое целое вовсе не чины и звания, не полученные за верную службу владения и прочие материальные блага, и уж тем более не образ жизни (как раз в этом плане различия между «буси» были весьма велики, ведь самураем был и рядовой «буси», и могущественный «сэйитай сёгун»). Всех самураев сплачивало воедино нечто нематериальное, а именно — представление об идеальном «доблестном муже». Всякий «боевой холоп» стремился к единственной достойной человека его рода, круга, происхождения и положения высокой цели — стать таким «доблестным мужем». Долгий и трудный путь к достижению этой высокой цели самурайские идеологи и обозначали уже упоминавшимся нами выше термином «бусидо», «путь воина».

«Бусидо» был основным моральным законом, кодекс идеального поведения воина, руководствуясь которым жил в этом мире самурай. Можно даже сказать, что «бусидо» со временем превратился в нечто вроде специфической, сугубо самурайской «религии» (если рассматривать «религию» в ее искон-

ном значении, означающим по-латыни: «то, что объединяет», «то, что сплавляет», «то, что спаивает воедино»). Все «боевые холопы» державы Ямато старались неукоснительно следовать заветам этой «религии». В каждом отдельном княжестве существовали как общие, так и свои, специфические, правила «бусидо». Прежде всего, всякий «буси» был обязан усвоить три главные, или основные, добродетели:

1. Верность.
2. Чувство долга.
3. Храбрость.

Отступать от этих главных добродетелей «буси» не должен был никогда и ни при каких жизненных обстоятельствах.

Под верностью кодекс «бусидо» подразумевал самую ценную для самурая добродетель — верность господину (для самурая считалось недопустимым быть слугой двух господ). Ни при каких условиях японский «боевой холоп» не должен был нарушать эту первейшую из всех самурайских заповедей.

В клятве «буси» из упоминавшегося нами выше знаменитого собрания самурайских наставлений начала XVII века «Хакагурэ» говорится:

«Где бы ты ни находился, в горах или под землей, в любое время и везде мой долг обязывает меня охранять интересы моего владыки. Это — становой хребет нашей веры, неизменной и вечной».

Второй главной добродетелью всякого «боевого холопа» кодекс «бусидо» считал чувство долга. Это понятие объединяло в себе несколько моральных заповедей и, прежде всего, долг самовоспитания, требовавший от каждого самурая:

1. Честности («босвому холопу» нельзя было лгать, злословить, совершать бесчестные поступки).
2. Непритязательности (презрения к роскоши, деньгам, прочим жизненным благам).
3. Приличия (соблюдения принятых этических норм, скромности и невозмутимости, строгости и сдержанности в чувствах).

Понятие чувства долга подразумевало не только обязанности «боевого холопа» по отношению к себе самому, но и обязанности по отношению к другим. Это означало, что самурай обязан:

1. Ни перед чем не отступать при исполнении своего долга.
2. Быть полезным своему господину.
3. Быть почтительным к своим родителям.
4. Быть великим в милосердии.

Помимо верности и чувства долга третьей главной добродетелью «боевого холопа» была храбрость. Под храбростью понималась не только отвага и личное мужество «буси» на поле боя и вообще в военное время, но и бесстрашие в мирной, обыденной жизни. Этот весьма почитаемый в Стране восходящего солнца принцип был еще древним китайским философом Кун Фуцзы, или Кун Цзы («учителем Куном», именуемым европейцами Конфуцием, и жившим предположительно в 552—479 годах до Р.Х.) облечен в форму следующего постулата:

«Всегда непоколебимо делай правое дело».

Еще одной доблестью всякого японского «боевого холопа» считалась непоколебимая верность правилу «самурай мало говорит и много делает».

Для истинного «буси» всякое промедление считалось недопустимым. Любой воин был обязан, не задумываясь, заступиться за правое дело, даже если благородный поступок может стоить ему жизни. Ведь, как следует из кодекса «бусидо», «правое дело — все, жизнь — ничто».

И здесь мы с вами, уважаемые читатели, подошли к самой сути самурайской морали: поскольку в соответствии с кодексом «бусидо» обстоятельства в любой момент могли потребовать от «боевого холопа» пожертвовать собственной жизнью, всякий уважающий себя, чтущий память своих доблестных предков и ценящий свое сословие «буси» должен осознавать, что жизнь не имеет никакой ценности («жизнь — ничто»). «Хагакурэ», которое мы уже не раз цитировали, учит:

«Путь воина означает смерть. Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь мысль на путь, который ты предпочел, и иди!»

Поэтому всякий «босвой холоп» был готов беззавестно проливать свою кровь и отдать саму жизнь, если того требует его долг.

Самурайство заимствовало стоическое терпение и презрение к смерти от буддизма (особенно на него повлиял дзэн-буддизм); религиозное почитание своей земли и своего суверена — от сиптоизма; социальную модель, ритуальность поведения (а на ранних стадиях и определенную литературно-художественную культуру — от конфуцианства). Таким образом, «бусидо», при ближайшем рассмотрении, представляет собой не самобытное порождение исключительно «японского духа», но весьма сложную амальгаму. Сплав взглядов, заимствованных из разных учений, два из которых (буддизм, в своей форме, имсновавшаяся в Китае, как мы знаем, «чань-буддизмом», а в Японии — «дзэн-буддизмом», и конфуцианство) пришли на Японские острова из континентального Китая (в значительной степени — через Корею).

Два основных момента всегда поражают всякого, кто знакомится с историей самурайского сословия. Во-первых, как нам уже известно, у японских «боевых холопов» с давних времен существовал обычай отрезать голову поверженному противнику. Самураи старались пленных не брать, трофеи их интересовали мало; главная цель и наивысшая радость для них заключались в том, чтобы добраться до сильного противника, сразить его, отрубить убитому голову и поднести ее в дар своему господину. Возможно, этот обычай «охоты за головами» восходит к эпохе войн в Древнем Китае, где воин получал повышение по службе, если добывал в бою и приносил своему военачальнику голову (или правое ухо) знатного врага. Кстати, аналогичный обычай существовал и у монголов эпохи Чингисидов (как мы знаем, довольно быстро окитаившихся после покорения ими Китая). Так, например, после уже упо-

минавшегося нами выше разгрома монголо-татарскими полководцами хана Батые объединенного войска силезских, польских, немецких и орденских рыцарей в 1241 году при Лигнице (Легнице, Вальштатте) вечером к шатру монголо-татарского главнокомандующего торжествующие победители приволокли девять окровавленных мешков, наполненных отрезанными ушами христианских рыцарей, павших в бою. Отсюда идет и широко известное в Японии по сей день изречение: «Взял голову и получил повышение».

Во-вторых, японские «босвые холопы» отличались редкостным хладнокровием, с которым они расставались с собственной жизнью. Самоубийство было чрезвычайно широко распространено в самурайской среде уже с XI века; обычай велел верному вассалу добровольно уходить из жизни, если умирал его господин (это называлось «смертью вослед»); смерть от своей собственной руки также служила средством избежать позора и бесчестья; способом продемонстрировать свои самоконтроль и выдержку в экстремальных обстоятельствах. В этой связи обычай вспаривать себе живот («сэппуку», или «харакири») должен рассматриваться не как экзотический способ ухода из жизни, но как традиционная, последняя в земной жизни, демонстрация собственной доблести. Добровольно убивая себя столь мучительным способом, самурай показывал, что он не трус, выбирающий «легкий и быстрый» выход из сложившейся безвыходной ситуации, но истинно благородный и праведный муж, обладающий подлинной силой духа даже перед лицом самых неблагоприятных обстоятельств.

Вскрытие себе живота (а вскрывать живот предписывалось определенным зигзагообразным движением) далеко не всегда приводит к немедленной смерти самоубийцы, она бывает долгой и грязной. И потому очень часто при ритуальном самоубийстве «боевого холопа» присутствовал «помощник», или «секундант» («кайсяку»), избавлявший «буси»-самоубийцу от неприятных последствий этого жестокого акта, когда могло

произойти что-то некрасивое, грязное, непристойное, грозившее омрачить последние минуты благородного воина и торжественность момента. О «сэппуку» у нас будет еще подробнее рассказано далее.

В XVIII веке самурай Цунэтомо Ямамото признавался:

«Я постиг, что путь самурая — это смерть».

Постоянная память о смерти (характерная и для некоторых других, в том числе западных, элитарных групп или сообществ — например, для «вольных каменщиков», или масонов, одним из главных девизов которых является «Memento mori», то есть «Помни о смерти», одним из главных символов — человеческий череп или скелет с надписью «Ты сам таков будешь» и т.д.) порождает некоторый сентиментальный настрой. В Средние века в некоторых вариантах «бусидо» были распространены наставления по занятиям изящной словесностью, в первую очередь — поэзией. В этих наставлениях утверждалось, что умение составить возвышенное стихотворение перед самоубийством (или просто перед лицом смертельной опасности) подчеркивает величие самурайского духа и его способность возвышаться и над смертью, и над жизнью.

О ВОСПИТАНИИ СЫНОВЕЙ «БОЕВЫХ ХОЛОПОВ»

Воспитание «боевого холопа» начиналось с раннего детства. Вместо волшебных сказок родители рассказывали малышам о «войне Гэмпэй» и о других, столь многочисленных в истории Японии и самурайского сословия, драматических событиях. В этих повествованиях отважные герои-самураи всегда омерзительно блистательные победы над врагами, а если военное счастье изменяло им — бестрепетно и хладнокровно шли на смерть. Как правильно предполагали взрослые, подобные рассказы пробуждали в детях пылкое желание когда-нибудь стать таким же, как вызывающие их восхищение идеальные герои из родительских рассказов.

Но чтобы стать истинными «босвыми холопами», одного желания было недостаточно. Воспитание настоящего «буси» — дело многотрудное, долгое, кропотливое, требующее ежедневного напряженного труда. С нашей сегодняшней точки зрения оно (как, скажем, воспитание спартанских юношей) может показаться излишне суровым.

Прежде всего, мальчика самурайского рода учили владеть своим телом и своими чувствами. Преисполненные любви к своему сыну, родители хотели научить его без жалоб сносить боль, голод, холод, отсутствие сна и любые другие жизненные тяготы. Если мальчик, паче чаяния, оказывался не в силах сдерживать слезы, мать отчаянно бранила его за это проявление недопустимой для будущего «буси» слабости.

Железная воля, сильный и цельный характер, умение подчиняться жесточайшей дисциплине воспитывались в отроке не только великими примерами, увещаниями и наставлениями, но и всеми условиями жизни будущего самурая.

Так, мальчиков в семьях японских «боевых холопов» будили еще в предрассветные сумерки, оставляли играть в нетопленной комнате, подолгу не кормили. Еще большие испытания ожидали их, однако, впереди, когда они подрастали и их уже можно было учить чтению и письму в соседнем храме или монастыре. Детям приходилось проделывать долгий путь туда и обратно в любую погоду, часто без верхней одежды — даже в ненастную, дождливую погоду и зимой, совсем босыми или обутыми лишь в деревянные сандалии «гэта» на босу ногу.

Впоследствии им предстояло научиться побеждать чувство страха, свойственное всякому человеку от рождения. Будущих самураев оставляли одних ночью на кладбище или возле эшафота, в компании повешенных, обезглавленных, разрубленных на куски или распятых осужденных.

«Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат...»

В то время когда мальчики закаляли подобным образом свою волю, их учили обращению с оружием. Приобщение к этому искусству начиналось с торжественной церемонии. Будуще-

му «боевому холопу», которому к тому времени исполнилось пять лет, вручали меч (окончательно ставший к описываемому времени главным видом оружия и символом самурайского сословия). Первыми, основными учебными предметами были плавание, верховая езда и «дзюдзюцу» (джиу-джитсу) — искусство самозащиты без оружия. После освоения учеником этих азов переходили к обучению стрельбе из лука («кюдо»), единоборству на копьях-«яри» и глефах-«нагинатах», а также фехтованию на мечах. Кроме того, юный «боевой холоп» должен был овладеть и другими полезными навыками — например, научиться плавать со связанными руками и ногами, в том числе в доспехах, форсировать водные преграды, используя вместо моста лианы и, не отступаясь, сражаться среди бурных потоков горных рек.

К пятнадцати годам, то есть к моменту окончания учебы, молодой человек должен был стать таким, каким и надлежало быть истинному самураю: «спокойным, как пес; неподвижным, как гора; холодным, как туман; быстрым, как ветер, в принятии решений и яростным, как огонь, в нападении». По-неволе вспоминается известное изречение одного политического, государственного и военного деятеля первой половины XX века, кровавыми буквами вписавшего свое имя в историю человечества:

«Крепкой, как выделанная кожа, твердой, как крушовская сталь, и быстрой, как гончие псы, должна быть германская молодежь».

Если прошедший обучение юноша из самурайского рода соответствовал всем этим требованиям, его находили достойным быть принятым в воинское сословие.

Церемония воинской инициации, так называемая «гэмпуку», начиналась с того, что кандидат в «боевые холопы» отказывался от своего детского имени, полученного при рождении, и принимал новое имя. После этого ему выбривали лоб и всю переднюю часть головы до макушки, а волосы на затылке заплели в косичку — «магэ» (эту косичку пропитывали по-

мадой и загибали вперед). Затем молодому «буси» вручали знаки его нового достоинства — «дайсё», то есть пару мечей (короткий и длинный), а также будничный лакированный головной убор, напоминающий колпак («эбоси»)¹, и остроколючую шапочку для ношения во время торжественных событий и церемоний («каммури»).

Сыновья рядовых самураев получали, как правило, лишь домашнее воспитание и, в лучшем случае, могли посещать частные школы. «Сёгун» (а в определенный период истории Страны восходящего солнца — также и «сиккэн»), «даймё» и другие высшие представители воинского сословия отправляли своих сыновей на обучение в элитные государственные школы. Помимо различных боевых искусств знатные юноши постигали там глубоко укоренившееся в Японии учение Кун Фу Цзы, а также изучали математику, медицину и фармакологию, поэзию, овладевали искусством каллиграфии. Таким образом, когда молодые «боевые холопы» из аристократических семейств покидали стены училища, они были не только отменными воинами, но и высокообразованными людьми, наделенными тонким чувством прекрасного.

ИЗ ИСТОРИИ САМУРАЙСКИХ ГЕРБОВ

Историю европейского (а в известной степени — и азиатского) Средневековья вообще, и историю европейского рыцарства (а в известной степени — и историю мусульманских рыцарей-«фарисов», в особенности в «стране Аль-Андалус», то есть в покоренной маврами Испании) просто невозможно представить себе без гербов.

Герб считался символом воинской доблести рыцаря и всего его рода. Обычно герб имел форму щита. На нем изображали различные фигуры: плотоядных и травоядных животных

¹ Аналогичные колпаки-«эбоси» использовались самураями описываемой эпохи и в качестве подшлемников.

(чаще всего — львов), птиц (чаще всего — орлов), рыб, звезды, башни и т.д. Каждая гербовая (геральдическая) фигура имела свой смысл. Например, птица без клюва обозначала раненого рыцаря; монеты — полученный за пленника богатый выкуп; крест — участие в Крестовом походе; полумесяц (круасан, крескент) — победу над мусульманским рыцарем-«фарисом».

Первоначально гербы европейских рыцарей расписывали только четырьмя красками («тинктурами») — голубой, красной, черной и зеленой, обозначавшими четыре природные стихии (элемента). Голубая краска обозначала воздух, красная — огонь, черная — землю, зеленая — воду. Впоследствии число красок, использовавшихся в геральдике, возросло, их стали называть также «финифтями» («эмальями»). «Тинктурам» стали придавать иное значение, уже не связывая их с природными стихиями. Красный цвет стал символизировать храбрость, мужество, неустрашимость. Голубой — величие, красоту, ясность. Пурпурный — достоинство, силу, могущество (как цвет королевских и императорских мантий). Зеленый — надежду, изобилие, свободу. Черный — скромность, образованность, нестяжание. Причем при описании («блазонировании») герба, в котором обязательно указывались «тинктуры», входящие в герб, можно было сразу определить, к аристократии или к числу коронованных особ относится его владелец. Дело в том, что для описания цветовой гаммы гербов простых рыцарей использовались названия эмалей (червленая, лазоревая, или лазуревая, пурпурная, зеленая, черная) и металлов (золото, серебро), для гербов представителей высшей аристократии — названия драгоценных камней (рубин, сапфир, аметист, изумруд, бриллиант, топаз, жемчуг), а для гербов принцев, королей и императоров — цвета планет (Марс, Юпитер, Меркурий, Венера, Сатурн, Солнце, Луна). Над гербовыми фигурами, украшавшими поле щита, стали изображать рыцарский шлем с развевающимися перьями (а у отпрысков княжеских и других владетельных родов — корону). Чем древнее был рыцарский род, тем больше перьев изо-

бражалось на шлеме. На ленте под гербом стали писать какое-либо короткое изречение — девиз, обозначающий смысл герба или боевой клич рыцарского рода.

Разумеется, часть сказанного выше относится и к «рыцарям державы Ямато» — «босвым холопам» средневековой Страны восходящего солнца. Но в то же время у самурайской (и вообще японской) геральдики имелись свои специфические особенности, в значительной степени отличавшие ее от геральдики европейского рыцарства.

Средневековые японцы покрывали буквально всё — ткани, лампы, лакированные шкатулки и сундучки, всера, вазы, монеты и т.д. — гербами в виде изображений цветов, геометрических узоров и фигур, перьев, предметов вооружения или домашней утвари, монет, иероглифических знаков и т.п., нередко заключенных в круг, кольцо, шестиугольник и т.д. От европейской геральдики вообще японскую геральдику отличали следующие восемь основных, или главных, особенностей:

1. В самурайской (и вообще средневековой японской) геральдике отсутствовало обязательное правило помещать геральдические (гербовые) фигуры непременно на поле геральдического щита той или иной установленной формы. В отличие от европейских, японские гербовые изображения иногда (но далеко не всегда) окружались круговой или двойной круговой (кольцеобразной) линией или же одинарной (или сдвоенной) линией в форме многогранника.

2. В самурайской Японии отсутствовала корпорация герольдов (профессиональных составителей и толкователей гербов).

3. В отличие от европейской рыцарской (и не только рыцарской) геральдики, в которой огромное значение придавалось (и придается) геральдическим цветам («металлам»¹

¹ «Металлами» в европейской геральдике традиционно именуются два цвета: желтый («золото») и белый («серебро»).

и «тинктурам»¹), в японской геральдике цвет гербовых изображений особой роли исторически никогда не играл. Соблюдалось лишь правило помещения гербовых изображений светлых цветов или тонов на темном поле (фоне), а темных — на светлом (например, на одежде или доспехах). И лишь при помещении гербовых изображений на предметах, видных издалека — знаменах, флагах, боевых значках, корабельных парусах и т.д., — цвет гербовых изображений играл определенную роль (наиболее употребительными в подобных случаях цветами были в самурайской Японии красный, синий, фиолетовый, белый, желтый, черный, зеленый, коричневый), но при этом совершенно не соблюдалось важное в европейской геральдике (хотя и устоявшееся далеко не сразу и в Европе) правило, согласно которому геральдическая фигура, помещенная на гербе конкретного владельца (в Европе — не только индивидуального армигера², но и рода, города, государства, цеха-гильдии) и поле герба, на котором данная фигура была помещена, могли быть только строго определенного цвета, а та же самая фигура, но только другого цвета (или помещенная на гербовом поле другого цвета), могла принадлежать уже совершенно другому владельцу.

4. На японских гербах отсутствуют столь широко распространенные в гербах европейских геральдические «меха» (как горностаевый, так и беличий)³.

¹ «Тинктурами» в европейской геральдике традиционно именуются все цвета, за исключением «металлов» (желтого и белого): красный (червлень); синий или голубой («лазурь»); черный («сабль» или, согласно терминологии современной российской геральдики — диамант); пурпур (фиолетовый); синопль (зеленый); реже (и не во всех странах) употребляются другие цвета, введенные в геральдику позднее, — например, оранжевый, телесный и т.д.

² Термин «армигер» означает в геральдике индивидуального или коллективного владельца конкретного герба.

³ В европейской геральдике существуют два «меха» — «горностаи» (с разновидностью «противогорностаи») и «беличий», или

5. В Японии самурай-армигер мог изменить свои имя и фамилию, а вместе с ними изменить и свой герб на совершенно иной (такое случалось достаточно часто).

6. В средневековой Японии, в сущности, существовали (и существуют) только личные и фамильные (клановые, родовые гербы), при отсутствии на всем протяжении Средневековья гербов провинциальных, муниципальных (городских), областных, цеховых, корпоративных, гербов купеческих компаний, гильдий ремесленников, духовных и военно-духовных религиозных орденов. Даже знаменитая эмблема хризантемы («кику-мон»), возведенная после «революции (реставрации) Мэйдзи» в ранг государственного герба Японии (в подражание государственным гербам тогдашних западных держав, на которые ориентировался Тэнно-реформатор Муцухито-Мэйдзи в своем стремлении осовременить вверенные ему его небесными божественными предками страну и нацию), была, по сути дела, всего лишь одним из нескольких гербов японского императорского дома. Гербы японских монастырей (и связанных с ними средневековых военно-монашеских орденов) были в действительности гербами тех божеств, которым эти монастыри были посвящены. Так и в настоящее время эмблемой (гербом) японской авиакомпании «Джапан Эр Лайнс» служит фамильный «мон» самурайского клана Мори — журавль с поднятыми крыльями.

7. Японский фамильный герб («мон» или «камон») был широко распространен в эпоху расцвета самурайского сословия как отличительный знак воинского дома или группы самураев, объединенной общими интересами («бусидан»). Гербы «камон» наносились на одежду «боевых холопов» (прежде всего — на кимоно), на их оружие, боевые доспехи, знамена и

«вер» (с разновидностью «противобеличий»). Иногда к геральдическим «мехам» причисляется и черный цвет на гербах (поскольку его французское название «сабль», в своем исконном значении означает «соболь», то есть «соболиный мех»).

опознавательные флажки, конскую сбрую и попоны, бытовые принадлежности, например — посуду, ширмы, подставки для мечей («катана-какэ») и т.д. Семейный самурайский герб обычно передавался по наследству вместе с родовым именем, хотя в истории военного сословия Страны восходящего солнца известно немало случаев, когда «боевые холопы» меняли свои гербы, нередко вместе с фамилией.

8. На японских гербах отсутствуют изображения рыб (хотя изображения рыбы — чаще всего, карпа, как символа отваги и мужества — часто присутствовали, целиком или частично, в оформлении самурайских шлемов и доспехов, на флагах, поднимаемых на шестах над японскими домами в «праздник мальчиков» и т.д.), человеческих фигур, фигур животных (кроме бабочек) и птиц (кроме некоторых — например, воробья, журавля и дикого гуся).

Вообще же японские гербы отличались огромным разнообразием.

Так, например, герб самурайского клана Ии изображал колодезные трубы, герб клана Иноуэ — колесо со спицами из соколиных перьев, заключенное в круг; герб клана Минамото — двух летящих диких гусей, заключенных в кольцо; герб клана Токугава — три лепестка мальвы в круге; герб клана Мори — журавля; герб клана Хэндзе — девять глаз (вписанных в ромбы, образующие решетку); герб клана Коибэ — написанное иероглифическим шрифтом слово «ко» (что означает «маленький» и в то же время образует начальный слог фамилии «Коибэ» — типичный пример так называемого «говорящего» герба) и т.д.

Немало самурайских и вообще японских родовых гербов имеют весьма древнее происхождение. Полагают, что первые «мон» возникли в качестве принадлежности дворцовых костюмов придворной аристократии-«кугэ» в периоды Нара (710—794) и Хэйан (704—1185). Многие узоры, превратившиеся со временем в гербы — например, хризантема (служащая по сей день государственным гербом Японии), гли-

циния, павлония («мон» кланов Асикага и Минамото), пион, узоры «семь звезд» и «девять звезд», «томоз»¹, «ханабиси»², «мицудомоз»³, и многие другие, первоначально были просто рисунками, наносившимися на ткань при окраске.

Не совсем ясно, когда именно появились «мон», однако уже в течение второй половины эпохи Хэйан определенные аристократические кланы пользовались различными, строго определенными узорами. Функционально это делало эти узоры близкими к первым семейным гербам, «камон», хотя фактически эти узоры фамильными гербами еще не являлись.

¹ «Томоз» — предмет в форме запятой, служивший в древности магическим амулетом-оберегом. Вероятно, форма «томоз» имеет отношение к клыкам и зубам диких животных, из которых в древности делали ожерелья. Уже в древнейшие периоды японской истории — эпохи культур Дзёмон и Яёй — подвески ожерелий стали делать не из клыков и зубов диких зверей, а из полудрагоценных камней — яшмы (вспомним одно из трех «небесных священных сокровищ» Императорского дома), нефрита и т.д. В самурайской геральдике «томоз» чаще всего встречается в виде «тройного томоз» («мицудомоз»), закрученного по или против часовой стрелки (что, вопреки всяческому довольно широко распространенным легендам и домыслам, не имеет существенного значения, как и «направление вращения» свастики-«мандзи»). «Томоз» было, в частности, гербом военного предводителя самураев в годы Корейской кампании Такакагэ Кобаякавы (1532—1596), сохранились его изображения в шлеме, украшенном на лбу большим серебряным «томоз».

² «Ханабиси» — «цветочный ромб». Не имея отношения к конкретному цветку, «ханабиси» представляет собой популярный узор окраски тканей, начиная с эпохи (периода) Хэйан.

³ «Мицудомоз» — разновидность «томоз», «запятые» которого больше напоминают лучи «трискелиона», «трискеля» или «трифоса» («трехлучевой» свастики с лучами в форме лезвий кос). Судя по сохранившимся иллюстрациям, именно эта разновидность «томоз» украшала боевые доспехи отважной девушки-«буси» Годзэн (госпожи) Томоз, жены (или возлюбленной) героического Ёсинаки Минамото, получившей свое прозвище от этого гербового изображения.

В XII веке «мон» стали использоваться «воинскими домами». Так, в повести «Сказание о земле Муцу» («Муцуваки»), посвященной военным кампаниям Ериёси Минамото и Ёсиэ Минамото, в ходе которых они подавили мятежи в провинции Муцу, повествуется о том, как Ёсиэ Минамото использовал на своих знаменах и полотнищах, огораживающих Ставку главнокомандующего («маку», или «дзинамаку»), изображение двух голубей (стоящих друг напротив друга и глядящих друг на друга). Голуби считались священными птицами — посланцами бога войны Хатимана (знакомого нам по предыдущим страницам нашего повествования обожествленного принца — завоевателя Кореи, сына регентши Дзинго Кого), являвшегося одновременно фамильным божеством рода Минамото. Свиток XIV века «Госанэн Кассэн Экотаба», иллюстрирующий «Вторую Трехлетнюю войну», помещает на «дзинмаку» Ёсиэ Минамото вписанные в круг стилизованные изображения двух летящих птиц — по идее, тех же самых голубей бога Хатимана (хотя на данном изображении они больше напоминают гусей (или двух диких уток). Возможно, это действительно дикие гуси. Основанием к подобному предположению служит пассаж в «Муцуваки», в котором взлетевшая стая диких гусей указала Ёсиэ на расположение неприятельского отряда. Ёсиэ же, в свою очередь, узнал об этой примете при изучении древних китайских военных трактатов.

В «Хэйкэ моногатари» (повести о войне между кланами Минамото и Тайра в 1180—1185 годах) описываются гербы нескольких «воинских домов» — например, «мон» на всере, принадлежавшем роду Кодама. В качестве собственно гербов «мон» стали использоваться в период Камакурского сёгуната, в качестве опознавательного знака, позволяющего отличить своих воинов от чужих. Первоначально «мон» помещались на знаменах, затем их стали помещать также на доспехах, предметах вооружения, одежде и конском снаряжении. Судя по «Моко сюрэй экотаба» (уже неоднократно упоминавшемуся нами выше «Свитку Вторжения» — иллюстрированному

свитку, повествующему о попытках войск татаро-монголо-китайского каана Хубилая захватить Японию в 1274 и 1281 годах), к моменту юаньского нашествия на Страну восходящего солнца «камон» стали использовать в качестве отличительного знака на поле боя. В этом свитке гербы можно увидеть на знаменах, флагах, отгораживающих Ставку восначальника занавесях, конской сбруе и т.д. Хотя существует легенда, согласно которой первым стал использовать «мон» на одежде «сёгун» Ёсимичу Асикага (1358—1408), но уже в эпоху Камакурского сёгуната гербы стали появляться и на одежде самураев, положив начало истории костюма «даймон» («большие гербы»), в котором семейные гербы крупного размера располагались по всему полю одежды. К периоду правления «сёгунов» из Камакуры относятся и первые дошедшие до наших времен иллюстрации с изображениями родовых самурайских гербов. В повести XIV века «Тайхэйки» («Сказание о Великом Мире») подробно описываются гербы самурайских родов и их использование, где только можно, начиная с индивидуальных опознавательных флажков на доспехах («касэ-дзируси»), в том числе на боевых наплечниках («содэ-дзируси») и кончая корабельными парусами. Существует шесть основных разновидностей «мон», являющихся стилизованными изображениями:

- 1) Растений (в том числе цветов, деревьев, листьев и кустов);
- 2) Животных, птиц и рыб;
- 3) Предметов вооружения и военных доспехов;
- 4) Религиозных символов (свастики-«мандзи», крестов¹ различной формы и т.д.);

¹ Кресты в качестве религиозных символов нашли широкое распространение в самурайской геральдике после прихода в Японию христианства, принесенного туда португальскими католическими миссионерами. Первым христианским миссионером, прибывшим в 1549 году в Японию, был иезуит Франциск Ксаверий (правда, не португалец, а баск, как и основатель ордена иезуитов Иньиго, или

5) Природных явлений (например, морских волн);

6) Схематических философских знаков (в том числе иероглифических).

Приведем несколько примеров «мон», изображающих в стилизованном виде растения:

«Мацу-мон» (сосновые ветви, иглы, шишки) — символ мужества, долголетия (носили аристократы):

«Татибана-мон» (листья и цветы мандарина) — символ здоровья, бессмертия, мудрости (этот герб носили члены семей семьи «хатамото» — телохранителей верховных военачальников средневековой Страны восходящего солнца);

«Цуга-мон» (плющ) — символ верности и преданности;

«Мокко-мон» (цветок или цветы дыни) — символ выживаемости (фамильный герб клана Ода);

«Басёу-мон» (пальмовые листья) — символ победы;

«Тэйдзи-мон» (цветок гвоздики) — символ верности и постоянства;

Игнатий, Лойола), приведенный в восхищение японской культурой и писавший главе (генералу) своего Ордена в Рим, что «японцы — самый высокообразованный и лучший народ на Земле». Христианство приняли не только многие «даймё» (особенно Южной Японии), заинтересованные в торговле с «латинянами», связанном с ней повышении благосостояния и усилением влияния на соперников (и потому открывшие «франкам» свои порты), равно как и во всем верные своим сюзеренам «буси», но также рыбаки и крестьяне. В результате во многих княжествах острова Кюсю почти все население перешло в христианскую веру. Три обращенных в христианство «даймё» с Кюсю направили послов — юных знатных самураев — с письменной просьбой о духовной и материальной поддержке королю Португалии и римскому папе. За девять лет (1582—1591) послы «буси» посетили Лиссабон, Мадрид, Флоренцию, Венецию, Милан и Рим, где были приняты самим папой римским. Впоследствии один из послов — «буси» Юлиан Накамура, после начала преследования христиан в Японии предпочел мученический венец отречению от Христовой веры.

«Хаги-мон» (магнолия) — символ благородства и настойчивости;

«Риндоу-мон» (горечавка) — символ верности (герб аристократических кланов Минамото и Мураками);

«Наси-мон» (цветы груши) — символ миролюбия (служебный герб послов);

«Аой-мон» (мальва) — символ долговечности (герб клана Токугава и их родственников);

«Аса-мон» (конопля, изображаемая часто в виде гексаграммы или пентаграммы) — символ верности;

«Ботан-мон» (пион) — символ благополучия;

«Фудан-мон» (глициния) — символ здоровья и выносливости;

«Момо-мон» (персик) — символ долголетия;

«Хиираги-мон» (виноградные листья) — символ живучести и плодородия;

«Кикё-мон» (китайский колокольчик) — символ постоянства и ответственности;

«Катабами-мон» (кислица, лесной щавель, часто неправильно именуемый у нас в просторечье «заячьей капустой») — символ чистоты и преданности;

«Касива-мон» (дубовые листья) — символ стойкости и смелости;

«Кадзи-мон» (листья тутового, или шелковичного, дерева) — символ здоровья, силы и благоразумия;

«Каздэ-мон» (кленовые листья) — символ отваги;

«Умэ-мон» (слива) — символ мужества;

«Инэ-мон» (рис) — символ изобилия и долголетия;

«Итёу-мон» (гингко) — символ стойкости и долговечности;

«Аси-мон» (тростник) — символ богобоязненности и богомольности и т.п.

К концу периода (эпохи) Муромати (датируемого 1336—1573 гг.; в эту эпоху ставка «сёгунов» располагалась в районе

города Киото, носившем названием Муромати¹) количество «камон» выросло настолько, что возникла необходимость в их четкой классификации. Первое описание японских гербов было составлено приблизительно между 1510 и 1520 годом. К началу XVI века уже было известно около двухсот пятидесяти «мон», сохранившихся до наших дней. Могущественные «воинские дома» самураев стали со временем иметь не по одному, а по несколько «мон», применение которых часто строго регламентировалось. Так, самурайское семейство Санада из Синано использовало герб, изображавший шесть монет — «рокумондзэн» — в качестве военного герба. «Рокумондзэн» украшали знамена и доспехи представителей этой семьи «босвых холопов» на войне. Гербом того же самого клана Санада, использовавшимся им в мирное время, было изображение утки — «кариганэ». Отпрыски знатных фамилий «босвых холопов» нередко выбирали себе новый герб, не имевший ничего общего с гербом их предшественников. Так, «буси» Сайто Ёситацу, пасынок и наследник Сайто Досана, заменил герб последнего, изображавший волну («нами»), на изображение павлонии («госан кири»). Правда, в данном случае отказ от прежнего герба мог объясняться тем, что Сайто Ёситацу не был родным сыном Сайто Досана и, кроме того, победил на поле боя (и в довершение ко всему — убил) своего отчима, так что смена «отцеубийцей» герба представляется оправданной.

Кроме того, общее увеличение численности армий в этот период и широкое использование в бою пехотинцев-«асигару», не относившихся к самурайскому сословию, привели к использованию упрощенных знаков различия, заменявшим более сложные изображения гербов-«мон» на доспехах, шлемах и знаменах. В качестве примеров вытеснения гербов-«мон» более упрощен-

¹ «Муромати» первоначально именовалась одна из улиц средневекового Киото, но впоследствии это название распространилось на весь прилегающий городской район.

ными опознавательными знаками могут служить изображения черного (или золотого) круга на доспехах «асигару» самурайского клана Курода или иероглифа «тай» («великий») на боевых знаменах «буси» Дайдодзи Масасигэ вместо более сложного изображения его родового «мон» в виде бабочки-махаона.

В эпоху (период) «сэнгоку дзидай» (приходящуюся, как мы с вами, уважаемые читатели, помним, на вторую половину XV — начало XVI века) также сложились достаточно строгие правила нанесения семейных гербов на одежду. На бытовое платье «мон» наносили в пяти местах — по обеим сторонам груди, на спине ниже ворота и сзади на оба рукава на уровне локтей. В широко известном у нас в свое время фильме Акиры Куросавы «Тень воина» («Кагэмуся»), посвященном борьбе между самурайскими кланами Такэда и Ода, полководцы и другие самураи «даймё» Сингэна Такэды и Нобунаги Оды Такэды были одеты в церемонные одежды-«камисимо», украшенные у каждого его собственным гербом.

В эпоху (период) правления «сёгунов» из «военного дома» Токугава (1603—1868) правящие круги сёгуната предприняли определенные шаги по фиксации существующих на то время гербов. Властями сёгуната было принято решение о периодическом издании свода всех геральдических изображений Японии («букан»). Мирные условия эпохи Токугава способствовали упрочению устоявшейся системы геральдики и ее упрощению, эстетизации, популяризации и развитию. Гербы все чаще наносились на гражданскую одежду, появились некоторые закономерности и стили в оформлении «мон». Большинство гербов стали симметричными и изображались в виде какого-либо орнамента.

В эту эпоху (именуемую также периодом Эдо — по названию тогдашней столицы Страны восходящего солнца) помимо «боевых холопов» гербы имели также куртизанки, актеры театра «Кабуки», торговцы и представители других сословий. Во многих случаях «мон» использовались как торговая марка, особенно в период укрепления торгового сословия. В эпоху

Эти черно-белые каталоги «мон» стали издаваться регулярно, являясь по сей день источником ценной информации о родственных связях в Японии той эпохи.

Долгая эволюция японских гербов не закончилась с завершением «самурайской эры». Многие японские семьи (как самурайского, так и несамурайского происхождения) продолжали использовать фамильные гербы в повседневной жизни. Число различных вариантов «мон» насчитывает от четырех до пяти тысяч рисунков, большинство которых являются производными от основных двухсот пятидесяти гербов эпохи Средневековья (имеющих более пяти тысяч различных комбинаций, ибо слияние самурайских фамилий порождало бесчисленное множество все новых вариаций).

О БОЕВЫХ ДОСПЕХАХ САМУРАЕВ «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»

В том, насколько самурайские доспехи «классической эпохи» были самобытным творением японских мастеров-оружейников, легко убедиться, сравнив их с доспехами рыцарей средневековой Европы.

С середины XV века рыцари защищали себя уже не железными доспехами, сделанными из металлических чешуек и пластин, а цельноковаными латами. Снаряжение же японского «босового холопа» — от нижней одежды до перчаток — состояло как минимум из двадцати трех отдельных элементов, которые не были скреплены друг с другом так жестко, как пластины европейских рыцарских доспехов. Торс самурая защищали нагрудник и наспинник из стальных пластинок, а руки и ноги — латные нарукавники и наголенники. Поверх льняной набедренной повязки японский «боевой холоп» надевал просторную юбку-штаны, в которую заправлял легкое военное кимоно («хитатарэ»). Широкие штанины он убирал в матерчатые гетры и туго перевязывал кожаными ремешками. Для защиты голени поверх гетр самурай надевал кожаные, покрытые металли-

ческими чешуйками щитки, а бедра прикрывал разделенным надвое кожаным фартуком. На руки он натягивал кожаные перчатки, тыльная сторона которых была усилена металлическими пластинами — латными нарукавниками. Перчатки, а иногда также наголенники и кожаный жилет также были защищены металлическими пластинами. Только надев все перечисленные выше предметы туалета и боевой экипировки, японский «боевой холоп» облачался в доспехи, состоявшие из нагрудника, наспинника и короткой, составленной из клиньев, юбки. Поверх доспехов самурай надевал большие трапециевидные наплечники, похожие на крылья. Широкий кожаный пояс, короткий меч-кинжал «танто», ремень для ношения оружия и длинный боевой меч-«тати»¹ были совершенно необходимыми деталями вооружения. И, наконец, «боевой холоп» надевал подшлемник-«эбоси» из мягкой кожи, иногда — кожаную личину-маску, а в довершение ко всему — пышно украшенный шлем.

Украшения самурайского шлема, судя по дошедшим до нас рисункам, описаниям и подлинным шлемам «босвых холопов», могли быть самыми разными.

Так, один из шлемов Масакадо Тайра, первым из восназначенных «боевых холопов» восставшего против Центрального Императорского правительства и дерзнувшего провозгласить себя императором, был украшен парой рогов самца косули, а другой его шлем — парой ветвистых оленьих рогов.

Шлем Ёриёси Минамото — парой длинных бычьих рогов.

Шлем Ёсицунэ Минамото — победителя Томомори Тайра в битве при Дан-но Уру, завершившей «войну Гэмпэй» между военными домами Минамото и Тайра в пользу Минамото — парой декоративных плоских рогов-«кавагата» и навершием в виде головы китайской собачки «комаину».

¹ Следует заметить, что в описываемый период существовало несколько разновидностей самурайского «длинного меча» («тати»), а именно: «тати» обычной длины, несколько более длинный «сейродати» и сверхдлинный меч «но-дати».

Шлем Масасигэ Кусуноки — гербом в виде прямого, имеющего форму вогнутого с боков, сильно вытянутого книзу ромба, обоюдоострого и расширяющегося к концу (напоминающая чем-то древнеримский меч-«гладиус») меча синтоистского бога Фудо, обрамленного рогами-«кавагата».

Лобовая часть шлема знаменитого предводителя «боевых холопов» времен «войны годов Онин» Кацумото Хасакавы — декоративной позолоченной розеткой с изображением цветка вишни.

Шлем Масасики Тагаси — героя войн раннего периода «сэнгоку дзидай» — служившим самурайскому «военному дому» Тагаси гербом изображение «гоэя» (священного волшебного жезла синтоистской религии).

Шлем Такахисы Симадзу — предводителя доблестного самурайского клана из области Сацума — позолоченным мечом синтоистского бога Фудо и парой позолоченных отростков-«кавагата».

Шлем великого воителя Такэды Сингэна — султаном из белых конских волос, парой золоченых бычьих рогов и позолоченной «маэдатэ» в виде ухмыляющегося лика злого духа на лобной части шлема.

Шлем Тосиизэ Маэды — высоким позолоченным навершием в виде хвостового плавника... карпа (эта, в общем-то, весьма мирная, по нашим представлениям — в отличие, например, от щуки или даже сома, — пресноводная рыба издавна считается в Стране восходящего солнца символом отваги, мужества и стойкости) и прикрепленным к затыльной части шлема белым конским хвостом.

Шлем Тосинаги Маэды (сына Тосиизэ) — еще более высоким, чем на шлеме отца¹, но покрытым не позолотой, а черным лаком хвостовым плавником карпа.

¹ При виде шлема Тосинаги Маэды невольно создавалось впечатление, что он одержим стремлением превзойти своего отца во всем — в том числе и в размере своего нашлемного украшения...

Шлем «кампаку» (а впоследствии — «тайко») Хидэёси Тоётоми (именуемый «шлемом солнечного света») — огромным нашлемником в форме покрытого красным лаком креста, увенчанного плюмажем в форме двадцати девяти лепестков ириса, символизирующих солнце с широко расходящимися лучами. Другой шлем Хидэёси, изготовленный из покрытого черным лаком железа, был украшен султаном из белых конских волос.

Шлем лихого одноглазого рубаки Мабаmunэ Датэ (на опознавательной флажке-«сасимоно» которого, судя по дошедшим до нас рисункам, был изображен красный солнечный круг, или диск, на белом поле — прообраз современного национального, или государственного, флага Японии) — большим, сильно вытянутым в длину и закрепленным на навершии в диагональном положении полумесяцем рогами вверх.

Шлем сына сельского кузнеца, друга детских лет диктатора Хидэёси Тоётоми и героя Корейской кампании «тайсё» Като Киёмасы — навершием в виде рыбьего плавника.

Шлем Хидэцугу Тоётоми (племянника и верного соратника Хидэёси Тоётоми, сопровождавшего его во всех походах и сражениях, назначенного им вместо себя «сёгуном», а затем приговоренного им к «сэпцуку») — «моэдатэ» в виде головы краба (или рака) и «вакидатэ» в виде стилизованных клешней этого не поддающегося ныне точной идентификации ракообразного.

Шлем Иэясу Токугавы (снабженный покрытой красным лаком личиной и обтянутый черной коровьей шкурой) — парой коровьих рогов¹.

¹ Когда Хидэёси Тоётоми одарил перешедшего на его сторону Иэясу Токугаву принадлежавшими до этого «военному дому» Ходзэ земельные угодья (в награду за поддержку, оказанную Токугавой войскам Хидэёси при осаде крепости Одавара), то при этом сказал, как бы в шутку, что, приняв в дар эти сельские угодья, Иэясу теперь стал «коровой из Канто» (на тогдашней сельской равнине Канто ныне расположен многомиллионный город Токио, но это так, к слову). Эти

Шлем Ясумасы Сакакихары — (кованый железный европейский шлем-«морион» португальского происхождения, с приклепанной к нему японскими оружейниками полумаской-«сикоро», защищающей нижнюю часть лица) — белым конским хвостом на затылочной части¹.

Шлем Наотаки Ии — двумя огромными позолоченными отростками-«кувагатэ» в форме плоских рогов.

Шлем Тадамасы Хонды (выполненный в форме морской раковины) — клейнодом-«вакидатэ» в виде позолоченных волн прибоя, разбивающихся о берег, со стилизованными зелеными морскими водорослями по краям.

Шлем Ёсихиро Симадзу — закрепленным в кольце на затылочной части белым конским хвостом.

Шлем Кагэкацу Уэсуги — огромным золотым «маэдацу» овальной формы с изображением прямостоящей «классической» буддийской свастики (по-японски «мандзи») ² черного

слова всемогущего на тот момент диктатора Хидэёси Тоётоми, которые можно было бы воспринять как скрытую издевку, мудрый и осмотрительный Изясу Токугава предпочел обратить в шутку, приказав изготовить себе простые доспехи (типа «окегава-до») и шлем с коровьими рогами, обтянутые коровьей шкурой.

¹ Подобно многим военным предводителям «боевых холопов» времен проникновения в Страну восходящего солнца португальцев (например, Нобунаге Оде), Ясумаса Сакакихара охотно носил в боях и походах не только европейский шлем, но и европейские доспехи (в частности, кирасу из вороненой стали, по испанско-португальской моде), между прочим, и потому, что они лучше, чем тогдашнее японское защитное вооружение, выдерживали удары пуль, выпущенных из все шире распространявшегося в Японии огнестрельного оружия.

² Свастика (*яп.* — Мандзи) — индуистский и буддийский символы блага, счастья и благополучия, пользующийся в Стране восходящего солнца (как и в Индии, Китае, Корее и Индокитае) широким распространением, со времен прихода на Японские острова буддизма в лице ученика Будды Бодхидхармы-Даромы (считающегося основателем чань- или дзэн-буддизма) и других буддистских проповедников, и вошедший в фамильную и клановую геральдику многих

цвета на навершии шлема, с небольшой позолоченной лисьей мордочкой в передней части шлема.

Шлем Нагаёси Мори — вырезанными из металла иероглифами, складывающимися в расположенный столбиком девиз «Наму Амида Буцу» — боевой клич мятежников из числа членов могущественного буддийского военно-монашеского ордена (нередко именуемого «ссктой», подобно измаилитскому военно-духовному ордену низаритов-ассасинов) «Иккоикки», в уничтожении которых он, во главе своих «боевых холопов», принимал деятельное участие, после чего решил таким своеобразным способом увековечить память о совершенном подвиге.

Шлем Нагамасы Куроды — прикрепленной к его затылочной части и выдающейся вперед, нависая над козырьком, вогнутой металлической пластиной прямоугольной формы, символизирующей долину Ита-но тани, место знаменитой битвы, разыгравшейся в этой долине в 1184 году (о ней у нас упоминалось выше)¹.

Шлем Масамунэ Дато, обтянутый медвежьей шкурой, — двумя золотыми боевыми всрами — знаком полководческой власти, прикрепленными, соответственно, к его лобовой и затылочной части.

Шлем Мунэдзанэ Сироиси — «маэдатэ» в виде вырезанного из черного металла иероглифа «я» (соответствующего в произношении японскому глаголу «быть»).

Шлем Канэцугу Наоэ — «маэдатэ» в виде иероглифа «ай» — первого знака идеограммы «Айдзу» (области, находившейся во владении Канэцугу).

самурайских родов (так, например, до наших дней колчан для стрел XI века «буси» с изображением свастики — герба клана Хаитсука; свастика нередко украшала и боевые всера — например, всер того же Кагэкацу Уэсуги).

¹ Шлем Нагамасы Куроды так и вошел в японскую военно-историческую традицию под названием «шлем Ита-но тани».

Вес полного самурайского снаряжения описываемого периода не превышал двенадцати килограммов (для сравнения: вес защитного вооружения западноевропейского рыцаря середины XIII века составлял тридцать пять, а вес снаряжения современного пехотинца с полной выкладкой составляет около сорока килограммов).

Кроме того, самурайские доспехи не мешали движениям «боевого холопа», поскольку их отдельные детали не были жестко скреплены между собой. Преимущество такого боевого облачения было вполне очевидным: его части, заходя друг за друга, словно чешуя, закрывали одна другую. Японский «буси», облаченный в такие доспехи, был довольно надежно защищен от стрел, ударов копий и мечей, но в то же время мог самостоятельно передвигаться и без посторонней помощи садиться на коня и сходить с него, бегать, прыгать, взбираться вверх и даже плавать. Как уже упоминалось выше, после боя, сняв свои доспехи, «боевой холоп» мог быстро и легко упаковать их в небольшой дорожный сундучок, который было удобно переносить с места на место.

Однако доспехи не только защищали облаченного в них «боевого холопа». Их светящиеся краски, искусно изготовленные украшения и разноцветные «моны» (японский аналог родовых гербов европейских рыцарей), обычно вписанные в круг, сообщали всем и каждому о высоком ранге и знатности рода их владельца. Кроме того, они нагоняли страх на врагов самим своим видом.

Нашлемники самурая, подобные крыльям, угрожающего вида шлемы с широкими полями и зловещими нашлемниками производили на неприятеля устрашающее впечатление, парализуя своим видом его волю к сопротивлению и снижая его боевой дух. Особенно жутким был эффект, производимый кожаной личиной, сквозь глазные прорезы которой «боевой холоп» пронизывал врага своим пристальным, леденящим кровью, ужасающим взором.

О МЕЧАХ «БУСИ» «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»

У японских «боевых холопов» и европейских рыцарей различалось не только защитное, но и наступательное вооружение. Европейские рыцари сражались прямыми и тяжелыми обоюдоострыми мечами, а японские самураи классической эпохи — мечами слегка изогнутыми (хотя первоначально японские боевые мечи тоже были прямыми) и гораздо более легкими. Японские мечи с их изящными клинками, пышно декорированными ножнами и рукоятью, перевитой разноцветными шелковыми тесемками, были очень красивы (не зря говорилось, что «меч — душа самурая»). Однако легендарную славу снискали себе, в первую очередь, клинки японских мечей, а не их изысканные украшения. Опытный мастер неделями кропотливо работал над каждым таким клинком. Для изготовления клинков самурайских мечей использовались различные по твердости сорта железа — в результате получалась сталь высочайшего качества. Искусно выкованный клинок не гнулся, не ломался и был острее бритвы.

Прежде чем приобрести у оружейника меч (поэтически именуемый «душой самурая»), японский «босвой холоп» удостоверялся в его главных качествах — твердости и остроте. Для этого он был по закону наделен правом «испытания меча». На груды песка клали приговоренного к смерти или тело уже казненного преступника, после чего рассекали его пополам. Если рассечь тело преступника пополам удавалось одним-единственным ударом, самурай оставлял «успешно прошедший испытание» меч себе.

Известно несколько разновидностей японских мечей: одни из них «боевые холопы» носили, облачившись в доспехи; другие — облачившись в светские одежды. Мечи всегда носили попарно. Каждая пара мечей («дайсё») состояла из длинного и короткого мечей.

Боевые мечи назывались «тати» (длинный) и «танто» (короткий).

Длинный меч-«тати» закрепляли тесемками на поясе и носили на левом боку. У «тати» была очень длинная рукоять, поэтому его можно было держать обеими руками. Короткий меч-«танто» (являвшийся, собственно говоря, скорее кинжалом или боевым ножом), длиной около тридцати сантиметров, самураи носили засунутым за пояс спереди, чтобы в любой момент иметь возможность вынуть его из ножен.

Как только «боевой холоп» снимал доспехи и надевал повседневную одежду, он менял и «военную дайсё» («тати» и «танто») на «штатскую дайсё» («катану» и «вакадзаси»). «Штатский» длинный меч «катана» напоминал «тати» (но не имел приспособления для ношения на боку), а «вакадзаси» представлял собой удлинённый вариант «танто».

«Дайсё» играла важнейшую роль в жизни самураев. Пара мечей удостоверяла, что ее владелец принадлежит к высшему сословию. Кроме того, самурай воспринимал «дайсё» и как символ своих не только сословных, но и личных чести и достоинства. Поэтому он снимал свой меч-«катану» лишь тогда, когда этого требовал этикет — во время аудиенций у императора, встреч, на которых обсуждались важные вопросы, визитов или у себя дома. А с коротким мечом-«вакадзаси», даже в родных стенах, японский «боевой холоп» расставался лишь когда снимал с себя всю одежду, — например, перед купанием или отходом ко сну. Однако в любом случае мечи всегда находились у «буси» под рукой: они стояли наготове перед входом в жилую комнату, рядом с письменным столиком или у изголовья «татами» (спального мата), в узорчатой деревянной стойке («катана-какэ»).

О ПОСТИЖЕНИИ «БОЕВЫМИ ХОЛОПАМИ» ДЕРЖАВЫ ЯМАТО ВЫСОКОГО ИСКУССТВА «КЭНДЗЮЦУ»

Как известно, благородные рыцари-кавалеры всех стран и народов считали искусство боя на мечах высочайшим искусством. Успех поединка в подавляющем большинстве случа-

ев зависел не от грубого напора, а от совершенного владения оружием, хладнокровной оценки ситуации, мгновенной реакции и абсолютной точности удара. Цель искусства владения мечом («кэндзюцу») заключалась в достижении победы за счет молниеносной быстроты, позволяющей отбить атаку противника, нанесения скользящего удара по шее или укола в бок.

Японскому «боевому холоду» приходилось учиться «кэндзюцу» с малых лет, оттачивая свое умение фехтовальщика в изнурительных упражнениях на протяжении всей своей жизни. Чтобы достичь совершенства в высоком боевом искусстве владения мечом (точнее — мечами), те из самураев, которые могли себе это позволить, по завершении «основного курса обучения» посещали еще и какую-нибудь из многочисленных, разбросанных по всей Японии государственных или частных фехтовальных школ, где жили и преподавали лучшие в стране мастера «кэндзюцу». Обучение в этих фехтовальных школах начиналось с постижения «искусства выхватывать меч» — умения из любого положения (например, с колен) стремительно вскочить на ноги, выхватывая клинок из ножен, и мгновенно принять правильную боевую стойку.

Уже подготовленным ученикам усложняли задания, добавляя дополнительные упражнения. Освоившие их переходили к отработке все более трудных приемов. В ходе обучения оттачивались не только сноровка, быстрота реакции и точность удара, но и умение оценивать и предугадывать намерения противника. Юношей из самурайских родов довольно рано допускали к «упражнениям на человеке». При этом они сначала сражались деревянными палками, затем — затупленными мечами, и лишь потом им разрешалось брать в руки боевое оружие. На этом этапе подготовки молодой самурай изучал первым делом шестнадцать основных ударов «кэндзюцу», наносимых вниз, вверх, наотмашь и по дуге. Лишь после того, как прилежный ученик безупречно овладевал искусством нанесения всех этих ударов, он переходил к отработке различ-

ных способов нападения и обороны, от которых на поле боя зависела жизнь всякого самурая.

Высшей ступенью постижения «кэндзюцу» было изучение техники ведения боя двумя мечами сразу, когда будущий воин демонстрировал полученные навыки в поединке не с одним, а с целой группой противников. Для этого нужно было развить в себе недюжинные акробатические способности. Многие «босвые холопы» в совершенстве владели этой сложнейшей техникой. Насколько можно было в этом преуспеть, наглядно демонстрирует пример основателя школы «кэндзюцу» — прославленного самурая-поединщика Ками-идзуми Исэ-ноками Хидэцуны (1392—1490). Рассказывают, что этот гений фехтовального искусства мог вести бой на двух мечах одновременно с шестнадцатью (!!!) противниками, вооруженными не только мечами, но и древковым оружием (копьями и нагинатами), и всегда одерживал победы.

О ДРУГИХ ВИДАХ ОРУЖИЯ САМУРАЕВ «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»

Помимо мечей (к «дайсё») порой добавлялись еще и «боевые иглы»), огромной популярностью у японских «боевых холопов» пользовался железный веер-«тэссан», применявшийся — часто в сочетании с кинжалом-«кодзукой» — для парирования ударов неприятельских мечей, для оглушения противника (в этом случае увесистый веер использовался в качестве боевой дубинки) и для отвлекающих маневров. Классическим оружием самурая считался также стилет — «дзюттэ», длиной около тридцати сантиметров, с отходящей от рукояти крючкообразной гардой. С помощью «дзюттэ» можно было, обладая известными навыками, выбить или вырвать меч из руки противника, тем самым обезоружив его. Многие «боевые холопы» средневековой Японии любили пользоваться свособразным оружием под названием «кусари», в виде гири на длинной (до четырех с половиной метров) тонкой

железной цепочке. В сложенном виде у «кусари» был вид безобидного комочка, но, ловко брошенная, она обезоруживала и сбивала с ног противника. Разновидностью «кусари» был кистень («кусари-тамрики») — цепь с тяжелым металлическим шаром, закрепленная на короткой рукояти. Кроме того, каждый самурай был обучен обращению с посохом («бо»), и «благородное искусство фехтования на посохах» приравнивалось к искусству владения копьем и глефой-«нагинатой». Однако самыми распространенными среди самураев видами оружия были лук со стрелами и копье.

Японский лук «классической эпохи» обладал двумя особенностями. Он был очень длинным (от ста восьмидесяти до двухсот двадцати сантиметров) и асимметричным.

Точка натяжения (место, с которого слетает стрела) находилась гораздо ниже середины тетивы. Луки «боевых холопов» державы Ямато «классической эпохи» делались из бамбука. Их дальность стрельбы и пробивная сила были колоссальны. Выпущенная из такого лука стрела могла поразить цель на расстоянии более трехсот метров. В движущуюся мишень размером с собаку опытный стрелок попадал даже с дистанции сто пятьдесят метров.

Боезапас для своего лука (примерно двадцать пять оперенных стрел) самурай носил за спиной в колчане, напомним ящик. Большинство стрел было снабжено острыми металлическими наконечниками. Имелись на вооружении и зажигательные («огненные») стрелы с легковоспламеняющимися наконечниками (заимствованные из Китая). «Огненными стрелами» обстреливали деревянные палисады или крепостные сооружения, которые тут же загорались.

Третьим главным оружием «боевого холопа», наряду с луком и мечом, было копье. В качестве регулярного боевого оружия его начали регулярно применять лишь в XIV веке, когда «буси» все чаще вступали между собой не в конные, а в пешие схватки, и потому обе руки у них были свободными (при отсутствии необходимости держать левой рукой конские удила;

от щитов «буси» державы Ямато уже давно отказались). Отныне копья играли важную роль во всех военных столкновениях и битвах. Знаменитые самураи, сражавшиеся на копьях, пользовались огромным уважением и непререкаемым авторитетом.

Древки японских копий изготавливались из самых высококачественных сортов древесины. Изящные стальные наконечники искусно выковывались теми же мастерами-оружейниками, которые ковали и клинки самурайских мечей.

Наибольшим распространением среди древковых видов оружия в Японии описываемого исторического периода пользовалось обычное копьё — «яри». Один конец древка «яри» был увенчан наконечником в форме обоюдоострого клинка, другой — коротким острым наконечником-подтоком, которым можно было втыкать древко копья в землю, выставляя его до диагонали, снизу вверх острием наконечника навстречу атакующему вражескому всаднику. В рукопашной схватке «босвой холоп» мог с помощью двуострого «яри» поражать противников по обе стороны от себя.

Существовало множество других разновидностей копья — с двумя или даже тремя остриями, с прикрепленными к древку под наконечником коваными крючьями (для стаскивания неприятельского всадника, как багром, с седла), лезвиями различной конфигурации, подобными клинку ножа или топора и т.д. Порой конья снабжались особыми иглами, оставлявшими на теле противника ужасные рваные раны.

Парадные самурайские копья украшались длинными разноцветными перьями из хвоста петуха-феникса, специально выведенного в средневековой Японии с этой целью.

В «классическую эпоху» истории сословия японских боевых холопов копья достигли длины трех метров (превратившись, по сути дела, в пики) и стали главным древковым оружием как конницы, так и пехоты.

Похожим на «яри» видом древкового оружия была «нагината», своеобразная японская глефа, уже упоминавшаяся нами

выше. Это оружие представляла собой древко с посаженным на него смертельно опасным, острым, как бритва, стальным наконечником, напоминавшим своей формой клинок меча (а не топора или секиры, в отличие от алсбарды). Ловко орудуя «нагинатой», опытный «боевой холоп» мог заколоть противника, перерезать ему сухожилия ног, повергнув врага наземь, и даже отразить вражеские стрелы. Обращению с «нагинатой» обучались не только мужчины, но также девушки и женщины из самурайского сословия, вплоть до самых знатных дам.

Было, кстати, в военной истории самураев и период, когда у них состояли на вооружении и своеобразные арбалеты (самострелы) под названием «оюми». «Оюми» использовались главным образом при осаде деревянных палисадов (первых фортификационных сооружений средневековой Японии). Из «оюми» можно было выпускать в неприятеля как стрелы, так и камни.

«БУСИ» «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ» И «ОГНЕННЫЕ ТРУБКИ»

Впервые самураи «классической эпохи» познакомились с огнестрельным оружием (известным в Китае уже давно) лишь в 1543 году, когда к южному японскому острову Танэгасима причалил португальский торговый корабль (согласно другим источникам, это эпохальное для самурайского мира событие произошло еще раньше, в 1542 году, когда первые европейцы, в лице команды португальского «черного корабля», прибыли на остров Кюсю). Как бы то ни было, наибольшее восхищение из всего португальского снаряжения у японцев вызвало огнестрельное оружие очередных «заморских дьяволов». И португальский капитан передал в подарок местному «даймё» несколько образцов этого оружия, нового для островитян (вероятно, давно забывших времена высадки в Японии в XIII веке монгольско-татарско-китайско-корейского экспедиционного корпуса каана Хубилая, также имевшего на воору-

жении огнестрельное оружие) — фитильных ружей-аркебуз. Кстати, португальцы же завезли на Японские острова траву «шикоциану» (по-нашему — табак) и научили жителей Страны восходящего солнца искусству курения трубки. Впрочем, это так, к слову...

Аркебуза, или аркебуз (это название происходит от искаженного немецкого слова «гакенбюксэ», *Hakenbuechse*, то есть, «ружьё с крюком»)¹, представляла собой обычное для Европы того времени ручное огнестрельное оружие, заряжавшееся с дульной части, — в него забивали заряд пороха, свин-

¹ Дело в том, что первоначально аркебузу держали двумя руками, упирали ее в крепостную стену или (когда стрельба производилась в морском бою) в борт корабля или доски палубы, или же кляли на сгиб руки. Когда же со временем ствол аркебузы был удлинён, она стала тяжелее и, кроме того, увеличилась сила отдачи. Тогда к стволу был пристроен железный крюк (гак, гакен) у дульного среза, для пользования которым требовался упор. От этого крюка (гака) и произошло немецкое слово «гакенбюксэ» («ружьё с крюком»), а также древнерусское слово «гаковница». Аркебуза уступала луку и даже арбалету (самострелу), господствовавшим дотоле на полях сражений, как в меткости попадания, так и в скорострельности. Однако преимущества аркебузы заключались в независимости ее действия от физической усталости стрелка, большей дальнбойности, пробивной силе и немаловажном по тем временам звуковом эффекте, пугавшем лошадей вражеской конницы. В XVI веке испанцы усовершенствовали аркебузу, улучшив ее баллистические свойства. Эта усовершенствованная аркебуза получила название «мушкет». Новое ружьё имело, по сравнению с традиционной аркебузой, больший калибр и большую дальнбойность. Стреляли из мушкета с сошки (или вилки), представлявшей собой шест с заостренным внизу концом (для упора) и развилкой сверху, в которую помещался ствол мушкета во время стрельбы. Длина сошки определялась в зависимости от роста мушкетера. Дистанция стрельбы из мушкета достигала от двухсот до трехсот метров. Скорострельность мушкета, как и аркебузы, была небольшой, к тому же во время его перезарядки мушкетер оказывался беззащитным. Зато мушкетные пули пробивали даже самые тяжелые латы, которых японские «буси», и тем более «асигару», как правило, не имели.

цовую пулю, пыж, после чего поджигали фитиль и производили выстрел. Причем, в отличие от более тяжелого фитильного ружья — мушкета, аркебуза была достаточно легкой для того, чтобы целиться и стрелять из нее без опорной сошки. После того как португальские корабельщики продемонстрировали изумленным «боевым холопам» возможности этого невиданного теми дотоле оружия и объяснили им, как делается порох, местный «дайме» из рода Симадзу, пройдя месячный курс обучения стрельбе из аркебузы, приобрел у португальцев за огромную сумму две аркебузы. Предприимчивый князь повелел своим кузнецам-оружейникам, скопировав оригиналы, изготовить по португальским образцам свои, японские, смертоносные «огненные трубки». Талантливые японские мастера на удивление быстро справились с поставленной перед ними задачей, вскоре наладив настоящее ружейное производство. Всего через шесть месяцев изготовленными ими аркебузами оказалось возможным вооружить уже шестьсот человек¹. Известие о новом, ни на что не похожем, оружии распространилось по всей Стране восходящего солнца со скоростью ветра. Технология изготовления ружей распространилась очень быстро, и кузнецы стали отовсюду приезжать на остров Кюсю, чтобы учиться искусству изготовления нового вида оружия. Правда, «тэппо» поначалу считалось очень престижным и дорогостоящим оружием, поэтому оно далеко не сразу стало массовым.

Тем не менее вскоре во всех крупных японских городах появились свои собственные умельцы, изготавливающие аркебузы. В небольшом приморском городке Сакаи, близ Осаки, было даже налажено массовое производство «огненных трубок». Пули из этих аркебуз летели на расстояние до двухсот

¹ Примерно тогда же появились в Японии и первые артиллерийские орудия. Однако пупки так и не нашли в самурайскую эпоху большого распространения (хотя и применялись — впрочем, реже в полевых сражениях, чем при осаде крепостей).

метров. Опытный стрелок из аркебузы мог производить до пяти выстрелов в минуту.

Подобно европейской, японская аркебуза приводилась в действие тлеющим фитилем, который поджигал порох. Фитиль — пропитанный особым маслом шнур — закреплялся на S-образном рычаге. Когда стрелок нажимал на спусковой рычаг, тлеющий фитиль опускался к запальному отверстию, которое, во избежание несчастных случаев, закрывалось плотной медной крышкой. Процесс забивания пороха и пуль в ствол проходил без проблем, однако укладка более мелкого затравочного пороха на полку, скорее всего, требовала удаления фитиля на безопасное расстояние (непонятно, как это делалось). Аркебузир обязательно должен был иметь при себе запасной фитиль: для того, чтобы пользоваться ружьем в течение дня, требовалось в среднем около двух метров фитиля. Некоторые «огненные трубки» имели в ложе отверстие, через которое пропускался «резервный» фитиль.

Японцы внесли ряд усовершенствований в аркебузы. Например, они изобрели лакированные футляры, чтобы ружья, когда ими не пользовались, оставались сухими. Далее, они создали водонепроницаемый щиток для запального отверстия, чтобы можно было вести стрельбу в дождь.

Разумеется, аркебуза, наряду с перечисленными выше достоинствами, имела и свои недостатки. Например, процесс ее перезарядки требовал немалого времени. К тому же она обеспечивала, особенно на первых порах, меньшую точность попадания, чем лук. Несмотря на это, еще в 1555 году наш старый знакомый — князь Сингэн Такэда, один из величайших полководцев своего времени, приобрел триста «огненных трубок» а в 1571 году приказал своим полевым командирам сокращать в войсках число копейщиков, увеличивать число аркебузирова и постоянно проводить занятия по огневой подготовке и учения для проверки меткости стрельбы. Будущее было однозначно за японскими «тэппо» — за аркебузами, чьи пули пробивали самурайские доспехи, и за пушками, чьи ядра

разрушали стены самурайских замков. И «босвые холопы», невзирая на всю свою доблесть, ничего не могли противопоставить неумолимому ходу истории...

Именно своими, отечественными аркебузами, изготовленными японскими мастерами из Сакаи, вооружил свою армию грозный воитель Ода Нобунага, выступив в поход, чтобы положить конец междоусобным войнам «эпохи воюющих провинций», и воссоединить Японию. Успех этой дальновидной меры превзошел все самые смелые ожидания: как нам уже известно, в решающей битве при Нагасино (1575) три тысячи вооруженных аркебузами (или, выражаясь тогдашним русским языком, «огненным боем») стрелков Нобунаги Оды меткими залпами из-за палисадов скосили блестящую самурайскую конницу противника (эту победу замечательный японский кинорежиссер Акира Куросава запечатлел в своем замечательном, уже упоминавшемся нами выше художественном фильме «Кагэмуся», или «Тень воина»). Урок был столь впечатляющим, что и пресмники Нобунаги, «объединители Империи» Хидэёси Тоётоми и Иэясу Токугава, отдали должное огнестрельному оружию. Именно «огненному бою» (в первую очередь — аркебузам, во вторую — артиллерийским орудиям, также заимствованным сынами Ямато у европейских «заморских варваров») они были, прежде всего, обязаны теми блестящими победами, которыми смогли наконец завершить дело Нобунаги, вернув Японии мир и единство.

Итак, огнестрельное оружие (по-японски: «тэппо») сыграло в истории Страны восходящего солнца решающую роль. Так, например, в эпохальной битве при Сэкигахаре, только в составе подкрепления, посланного Масамунэ Датэ на помощь своему командующему в октябре 1600 года, из общего числа в три тысячи «буси» четыреста двадцать бойцов были конными меченосцами, восемьсот пятьдесят — пешими копьеносцами, двести — лучниками, а тысяча двести (больше половины!) — аркебузирами (о вооружении остальных трехсот тридцати воинов сведений не сохранилось). Другой резервный контингент, состоявший из двух тысяч «боевых холопов», включал

двести ссмыдссят конных воинов, пятъсот пятъдссят копейщиков, двести пятъдссят стрелков из лука и ссмьсот аркебузирров (опять-таки больше половины личного состава)¹. К 1600 году основным видом вооружения японских армий стала аркебуза, вторым по значению — копье (достигавшее в описываемое время длины трех метров, превратившись, по сути дела, в пику, и ставшее главным оружием как конницы, так и пехоты), и только третим — лук со стрелами (бывший главный вид оружия «буси» и символ принадлежности к воинскому сословию). В Японии «тэппо» квалифицировалось не по калибру (как в тогдашней Европе), а по массе пули (варьировавшейся от пятнадцати до ста десяти граммов). Пушки в те времена считались малоэффеktivными: они стреляли ядрами массой от одного до двух килограммов, причеи имели небольшую дальность и в целом были не слишком надежны (нередко при стрельбе пороховые газы разрывали не слишком прочные пушечные стволы, убивая и калеча при этом орудийную прислугу). Однако уже после битвы при Сэкигахаре от английских и голландских торговцев были получены более качественные артиллерийские орудия, которые довольно хорошо зарекомендовали себя при осаде Осаки в 1615 году.

Аркебуза стала популярным видом оружия еще и потому, что изменился социальный состав японских армий. Если для обучения стрельбе из лука и физической подготовки требовалось подчас несколько лет, то спешно мобилизованного крестьянина-«асигару» можно было обучить стрельбе из аркебузы всего за несколько дней. Таким образом, «огненные трубки» стали идеальным оружием для мобилизованных солдат, временно бравшихся за оружие и не относившихся к самурайскому сословию.

Именно в силу вышеуказанных причин «огненная трубка» так и не прижилась в полной мере именно среди самурайско-

¹ О вооружении остальных «буси» данного контингента сведений до нас не дошло.

го сословия. Хотя с необходимостью применения «огненного боя» в новых условиях примирились, как с неизбежным злом, и даже вооружили аркебузами не только «асигару», но и самураев низших рангов, знатные «буси» по-прежнему старались брать аркебузы (а впоследствии — мушкеты и пистолеты) в руки как можно реже. Причину столь отрицательного отношения истинных «буси» к «огненным трубкам» легко понять: огнестрельное оружие и тактика боя с его применением противоречили самой сути «бусидо». Этика «пути воина» требовала сходиться с противником в смертельной схватке лицом к лицу. А огнестрельное оружие превращало сражение в кровавую бойню, в которой почти не оставалось места для личной доблести, и рыцарское искусство поединка (способность которого обеспечить победу была впервые поставлена под вопрос еще в период двух поочередных вторжений в Японию монголо-китайско-корейского экспедиционного корпуса каана Хубилая) отступало на второй план. Поэтому в Японии, после достигнутых первых успехов в деле столь многообещающих усовершенствований «тэппо», перестало ощущаться стремление к дальнейшему усовершенствованию перенятого у португальцев огнестрельного оружия, несмотря на его многократно доказанную бесспорную эффективность. На момент «революции (реставрации) Мэйдзи» 1867—1868 годов, липившей самурайское сословие власти над Японией, японские стрелки были все еще вооружены «огненными трубками», мало чем отличавшимися от фитильных аркебуз, привезенных португальцами тремя столетиями ранее.

О ТОМ, ГДЕ И КАК ЖИЛИ «БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ»

Как мы уже говорили, «босвые холопы» были изначально сельскими жителями — главами семейств, правившими своими имениями или поместьями. Они брались за оружие лишь по призыву своего господина и военного предводителя. Спустя столетия, после установления нового, внутренне стабиль-

ного, режима под началом «сёгуна» Иэясу Токугавы, условия резко изменились. Япония стала единым военизированным государством, беспрекословно подчинявшимся воле «сёгуна» и его «бакуфу». В Стране восходящего солнца быстро росли города. Этот процесс начался еще раньше, когда в условиях социальной нестабильности владетельные князья-«даймё» стремились укреплять свои резиденции, возводя замки. Так, «даймё» Ода, предок Нобунаги, в 1457 году основал замок Эдо, положив начало будущему Токио. Города такого рода назывались призамковыми, поскольку возникали вокруг укрепленных княжеских резиденций.

В результате из четырехсот тысяч «боевых холопов» в сельской местности осталось всего несколько тысяч. Гораздо больше представителей самурайского сословия переселилось в города. Те «боевые холопы», что постоянно состояли в свите «сёгуна», проживали в столице страны Эдо, в то время как подавляющее большинство самураев служило у местных «даймё» в столицах провинций.

Так самураи из некогда сельских жителей превратились в жителей городских. Происшедшие перемены отразились и на облике городов. Теперь в их центральной части, олицетворяя собой власть, возвышался замок-крепость владетельного князя. Кроме самого «даймё» и членов его семьи, в замке жили также его самые близкие слуги — министры, советники и т.д., самураи, занимавшие другие важные должности, — конюшие, оружейники, зодчие, специалисты по фортификации, управляющие, смотрители и многие другие. Кроме того, в каждой крепости имелся военный гарнизон — офицеры и рядовые воины, которые денно и нощно несли сторожевую и полицейскую службу, а также дежурный отряд, находившийся в постоянной готовности на случай войн или мятежей, в целом не меньше нескольких сотен человек.

Замки строили вместительными и просторными — ведь места должно было хватить всем этим людям, составлявшим придворную челядь «даймё», и членам их обычно весьма

многочисленных семейств (бездетные японские семьи обязательно принимали на воспитание чужих детей — причем не только осиротевших). Кроме дворца «даймё», с его пагромождением крыш и фронтонов, в кольце стен крепости находились несколько площадей и улиц с домами самураев, оружейными складами, хозяйственными постройками и конюшнями.

Если житья не хватало на всех, то оставшиеся без крыши над головой «боевые холоны» вместе со своими семьями селились у подножия крепостных стен. Их дома образовывали как бы внешнее кольцо города, вокруг которого, на подобающем расстоянии, теснились дома остальных горожан.

Одним из самой мощных крепостей средневековой Японии был заложенный в 1583 году замок в Осаке. Его сохранившийся по сей день цоколь был сложен из мощных валунов. С внешней стороны крепость опоясывал глубокий и широкий ров, заполненный водой, с земляным валом, за которым высились каменные стены с бойницами. Однако замок казался легким и светлым благодаря стройной белой сторожевой башне, в которой размещались личные покои «даймё». Из-за обилия золотых украшений на фронтонах ярусов крепость прозвали «золотым замком».

О ЖЕНЩИНАХ СОСЛОВИЯ «БУСИ»

В 1672 году, в период нахождения у власти «сёгунов» из воинского дома Токугава, так называемый «период Эдо» (1603—1867), в Стране восходящего солнца появилась книга под названием «Онна Дайгаку» то есть «Великое наставление для женщин». Это фундаментальное сочинение, которое приписывали весьма уважаемому ученому Ёкикэну Каибаре (1630—1714), запечатлело складывавшийся столетиями идеальный образ японской женщины. Вот несколько характерных фраз из этой книги:

«У женщины нет надлежащего повелителя. Значит, на своего супруга ей надобно смотреть как на своего господина и служить ему со всем уважением и почтительностью».

«Великий, вечный долг жены есть послушание».

«Жена всегда должна быть при деле, ей положено строго следить за своим образом жизни. Утром ей надобно пораньше вставать, а вечером попозже удаляться на покой».

«Жена пусть будет занята, подобно обычным служанкам, пусть никогда не перестает она хлопотать обо всем сама. Ей положено шить одежду своему свекру и своей свекрови, готовить им еду, всегда следовать повелениям своего мужа. Ей положено складывать его одежду и вычищать его покрывало, растить его детей, мыть, стирать и вообще пребывать в средоточии домашних забот».

«Если жена поступает так, то ее супружество будет... благостным и долгим, а дом ее станет вместилищем мира и покоя».

То есть жене «боевого холопа» полагалось быть покорной, сдержанной, самоотверженной, верной своему долгу, беспрекословно повинующейся мужу.

Их мир был ограничен домом и семьей, и в нем они пользовались доверием и уважением. Жена самурая обычно происходила из самурайской семьи и, следовательно, всей своей жизнью в родительском доме была наилучшим образом подготовлена к роли матери и жены, считая эту роль наилучшей возможной для себя.

Впрочем, воспитание самурайской девочки не ограничивалось развитием у нее лишь добродетелей, воспетых в «Онна Дайгаку». Будущую жену «боевого холопа» с самого раннего детства, вместе с братьями, обучали обращению с оружием. Ведь в случае необходимости она была обязана, в отсутствие мужчин, сама с оружием в руках защищать домашний очаг и семью. Поэтому ее сызмальства приучали к обращению с прямым копьём-«яри», глефой-«нагинатой», коротким дротиком «ути-нэ» и коротким кинжалом-«каикэном», который японские женщины самурайского рода с детства носили при себе в целях самообороны и, в случае необходимости, самоубийства (мечи, не полагающиеся им по положению, са-

мурайские женщины использовали для самоубийства лишь в исключительных случаях — например, когда под рукой не оказалось «каикэна», или в иных экстраординарных ситуациях).

Мы уже упоминали выше о японской «кавалерист-девице» — супруге Ёсинаки Кисо Минамото (согласно другим хроникам — его возлюбленной, а согласно третьим, не входящим в детали межличностных отношений, — просто «девице неопикуемой красоты») Годзен (госпожи) Томоз, явившейся редчайшим примером «самурая женского пола». О том, как эта отважная «девушка-буси» сражалась, в составе «бусидана» Ёсинаки Кисо Минамото, во многих сражениях, поднося ему, как и самураи мужского пола, в качестве трофеев и наглядных свидетельств своих военных заслуг, отрубленные головы побежденных в честном рыцарском сдиноборстве противников. О том, как она, когда военное счастье отвернулось от Минамото, хотела лишиться себя жизни, и как Ёсинака (возможно, руководствуясь не столько чувством жалости, сколько далеко не чуждыми самураям чисто эстетическими соображениями), лично настоял на том, чтобы столь же отважная, сколь и прекрасная «истинная дочь Ямато», сохранив свою жизнь, нашла спасение в бегстве.

Бесстрашие и презрение к смерти прививали с детства не только будущим «боевым холопам» державы Ямато, но и их будущим верным спутницам жизни.

Насколько эти качества входили в плоть и кровь всякой японки самурайского рода, говорит следующий факт. Если ей угрожали насиле, унижение и нужно было защитить свою честь, она немедленно, одним ударом кинжала в шею, убивала себя, проткнув сонную артерию. Иногда (судя по средневековым японским гравюрам и иллюстрациям) женщина самурайского рода (как уже уазывалось выше) совершала самоубийство, перерезая себе горло мечом. Кровь при этом была фонтаном...

О ЗНАЧЕНИИ «СЭППУКУ» В ЖИЗНИ «БУСИ»

Как мы помним, в 1333 году трагически закончилась первая эпоха власти «боевых холопов» над Японией — эпоха Камакурского сёгуната. Когда мятежники ворвались в город Камакуру и подожгли его, теснимые защитники города, сохранившие верность своему обреченному «сёгуну», отступили на кладбище храма Тосё. Там, чтобы не сдаваться в плен, что означало бы неслыханное унижение, «сёгун» и его восемьсот «вернейших из верных», обнажив кинжалы, покончили с собой, вспоров себе живот.

Это массовое самоубийство самураев свидетельствовало о глубокой перемене, происшедшей в мировоззрении «боевых холопов» после их полуторавекового господства над Японией. К числу традиционных самурайских добродетелей — верности, храбрости, скромности и прямодушию — добавилось нечто новое: отрицание жизни и стремление к смерти. Это выражалось в совершенном равнодушии к жизни и в убежденности, что по сравнению с личным достоинством и славой «буси» смерть, что «легче пуха», есть величайшее благо.

Это отношение к жизни и к смерти в конце концов было столь непреложно запечатлено в кодексе «бусидо», что одному из идеологов самурайства удалось свести новую мораль к знаменитой, много раз цитировавшейся формуле: «Бусидо — путь воина — означает смерть. Когда для выбора имеется два пути, выбирай тот, который ведет к смерти». И эта заповедь претворялась в жизнь. Иногда самоубийство превращалось для «босового холопа» державы Ямато в почетную обязанность и даже в священный долг.

Нам уже известно о драматических событиях, разыгравшихся в Камакуре. Оказаться после поражения в плену считалось для «босового холопа» несмываемым позором. Поэтому после каждой проигранной битвы многие потерпевшие поражение самураи (прежде всего высокопоставленные) предпочитали покончить с собой.

«Боевые холопы» убивали себя, не только чтобы избежать позора. Ведь главной добродетелью самурая моральный кодекс «бусидо» считал верность своему господину. Многие «буси» державы Ямато, особенно преданные своему «даймё», считали, что долг велит им беспрекословно следовать за ним и на смерть. Поэтому часто, на протяжении всей многовековой японской истории, когда погибал или умирал самурай высокого ранга, некоторые из самых преданных ему и приближенных к нему «боевых холопов» добровольно уходили из жизни (так, например, герой Русско-японской войны генерал Ноги покончил с собой, узнав о смерти своего повелителя — императора Муцухито-Мэйдзи). Японию буквально захлестнула волна самурайских самоубийств. Она достигла такого размаха, что сёгунское правительство-«бакуфу» даже запретило самоубийства. Третья распространенная причина самоубийства самураев была также связана с понятием верности долгу. Случалось, что «боевой холоп» оказывался перед сложнейшей моральной дилеммой, становясь жертвой двух противостоящих друг другу требований долга. С одной стороны, кодекс «бусидо» запрещал самураю открыто возражать своему господину и восстать против него. Но, с другой стороны, если его господин совершал что-либо несправедливое или бесчестное, ни один уважающий себя «буси» Страны восходящего солнца не мог закрывать на это глаза. Как был обязан поступить самурай в этой безвыходной ситуации? «Буси» решал нравственный конфликт, демонстративно лишая себя жизни. И это было весьма убедительным доводом. Ведь самоубийство, совершенное в знак протеста, наглядно разоблачало неблагоприятные поступки господина покончившего с собой «боевого холопа», нередко побуждая его изменить свое поведение к лучшему. Наконец, самурай, совершив самоубийство, мог избежать казни. Разумеется, смерть от рук палача была для него невыносимым позором. Поэтому «боевые холопы», приговоренные к смерти, имели право сами лишить себя жизни в ходе своеобразной торжественной церемонии. Считалось, что

такая добровольная смерть — в присутствии высокопоставленных свидетелей — полностью искупает вину и сохраняет незапятнанной честь провинившегося «буси», а честь была для него куда важнее жизни.

КАК «БУСИ» СОВЕРШАЛ ОБРЯД «СЭППУКУ»

Когда «босовой холоп» намеревался сам уйти из жизни, он мог сделать это единственным достойным «буси» способом: совершить «сэппуку», то есть «вспарывание живота», более известное нам под названием «харакири». Порой приходится слышать утверждение, что слово «харакири» имеет для японцев иронический смысл и более употребительно в простонародном, разговорном языке. По данному поводу нам, однако, представляется необходимым заметить следующее. Японские слова «сэппуку» и «харакири» пишутся одними и теми же двумя иероглифами. Разница в том, что слово «сэппуку» пишется так, что сначала идет иероглиф, означающий «резать», а затем — иероглиф, означающий «живот», и при прочтении используются так называемое «онное», то есть китайско-японское прочтение, а слово «харакири» — наоборот — первым стоит иероглиф, означающий «живот», причем используется так называемое «кунное», то есть японское прочтение. Нередко утверждают, что слово «харакири» имеет некоторый «приземленный», «бытовой», «уничжительный» оттенок: если «сэппуку» подразумевает совершенное по всем правилам ритуальное самоубийство, то «харакири» якобы следует переводить с японского просто как «вспороть себе живот мечом (кинжалом)». В действительности же слово «сэппуку» («онное», то есть китайско-японское прочтение) используется только в официальной речи, в разговорной же речи японцы используют слово «харакири», отнюдь не вкладывая в него никакого «уничжительного» смысла. Таким образом, «харакири» — это разговорный, а «сэппуку» — письменный термин, но обозначают оба эти термина одно и то же

действие — совершение самоубийства, облеченного в форму ритуального обряда.

«Боевой холоп», решившийся покончить с собой, брал в правую руку кинжал-«касангобу» или короткий меч «вакадзаси», садился на пол, циновку или землю, скрестив ноги, глубоко вонзал клинок в обнаженный левый бок, медленно отводил его ниже пупка и, завершая мучительную процедуру, делал небольшой надрез вверх. Впрочем, до этого на практике дело доходило очень редко — ведь обычно, как только клинок вонзался в тело самурая, он перерезал крупные кровеносные сосуды брюшной полости, и «буси» в считанные мгновения истекал своей благородной кровью. Следует заметить, что проникающие ранения брюшной полости с полным на то основанием считаются гораздо более болезненными, чем подобные ранения других частей человеческого тела.

В древности самоубийство в форме «сэппуку» не пользовалось в Японии особенно широким распространением, в отличие, скажем, от саможжения или самоповешения.

Самые ранние достоверные сведения о совершении «босвыми холопами» над собой обряда «сэппуку» относятся к периоду 1150—1170 годов.

Первое исторически засвидетельствованное «сэппуку» было совершено в период упоминавшейся нами выше войны между самурайскими «военными домами» Тайра и Минамото. В 1156 году побежденный в этой короткой, но жестокой войне Тамэтомо Минамото (Минамото-но Тамэтомо) вспорол себе живот, чтобы избежать позорной сдачи в плен. С тех пор «сэппуку» быстро вошло в обычай среди представителей военного сословия, став единственным почетным для «босвого холопа» державы Ямато способом свести счеты с жизнью.

«Сэппуку» заключалось в том, что самоубийца прорезал себе живот поперек, от левого бока до правого. Существовал и другой способ, при котором живот прорезался дважды, — сначала горизонтально от левого бока к правому, а затем вертикально — от диафрагмы до пупка.

Наиболее широким распространением пользуется точка зрения, согласно которой обычай совершения «сэппуку» усиленно насаждался в средневековой Японии под влиянием религиозных догматов буддизма, свойственных этой религии концепции бренности бытия и непостоянства всего земного. В философии дзэн-буддизма центром жизнедеятельности человека и местоположением его души считалось не сердце или голова, а живот, занимающий как бы срединное положение по отношению ко всему телу и способствующий более уравновешенному и гармоничному развитию человека. В связи с этим в японском языке даже возникла целая масса выражений, описывающих разные душевные состояния человека с использованием слова «живот», по-японски: «хара» («фуку»); например, «харадацу» — «ходить с поднявшимся животом», то есть «сердиться»; «хара китанай» — «грязный живот», то есть «низменные помыслы», «низкие стремления»; «хара-но курой хито» — «человек с чёрным животом», то есть «человек с чёрной душой»; «хара-но най хито» — «человек без живота», то есть «бездуховный человек».

По другой, не столь широко распространенной, гипотезе, данный способ лишения себя жизни основывался на древнем, еще добуддийском, японском представлении, согласно которому душа, ум, характер, намерения, подлинные чувства и сокровенные мысли всякого человека (а не только самурая) пребывают в его чреве (животе). Вспарывая себе живот в ходе обряда «сэппуку», с целью показать чистоту и незапятнанность своих помыслов и устремлений, с целью открытия своих сокровенных и истинных намерений, в качестве доказательства своей внутренней правоты, японский «боевой холлои» как бы говорил «граду и миру»: «Я не виновен, но желаю показать вам свою душу, чтобы вы убедились в этом!» Конечно, для совершения подобного поступка от «буси» требовалось поистине сверхчеловеческое мужество. Однако именно это придавало «сэппуку» такую притягательность для самураев, желавших во что бы то ни стало продемонстрировать

свое непоколебимое мужество перед лицом страшной боли и неминуемой смерти, а также чистоту своих помыслов перед богами и людьми.

Согласно третьей точке зрения, возникновение обычая «сэпуюку» среди представителей самурайского сословия было вызвано причинами более утилитарного характера, а именно — постоянным наличием при себе орудий убийства (и, соответственно, самоубийства) — меча и кинжала. Вспарывание живота мечом или кинжалом являлось очень действенным средством, поскольку остаться в живых после такой раны было невозможно. В Европе существовал аналогичный японскому «сэпуюку» обычай «бросаться на свой меч». Он был широко распространен, например, в Древнем Риме, причем возник там не в силу какой-либо особой идеологии, а в силу того простого факта, что меч был всегда при себе. Как на Западе, так и на Востоке применение меча в качестве орудия самоубийства началось именно среди воинского сословия, поскольку именно воины (а в древности у всех народов воином был всякий свободный мужчина) постоянно носили меч при себе.

В более эпоху сёгуната Токугава тщательно обдуманная процедура самоубийства «буси» все чаще принимала характер некоей торжественной и даже театрализованной церемонии. Особенно пышно, в соответствии со строгими правилами, обставлялось «сэпуюку», совершить которое японского «боевого холопа» принуждали в качестве наказания. В числе свидетелей ритуального самоубийства самурая полагалось присутствовать целому ряду официальных и частных лиц. Приговоренный к смерти от своей собственной руки «буси», облаченный в белос одеяние, появлялся перед ними вместе с «секундантом» («помощником»), так называемым «кайсёку», выбранным им самим другом или сородичем. «Кайсёку» должен был облегчить самоубийце муки, то есть в кульминационный момент кровавой церемонии отрубить умирающему голову. Итак, в тот момент, когда осужденный публично при-

знавал свою вину, опускался на колени и брался за кинжал-«кусунгобу» или меч-«вакадзаси», а «кайсяку» вставал позади него, держа в руках свой меч-«катану», начиналась, собственно, церемония самоубийства. На краткий миг воцарялась глобальная тишина. Затем «боевой холоп», сидящий на коленях будто бы с совершенно безразличным видом, порывистым движением вонзал кинжал или короткий меч глубоко в левый бок, медленно отводил клинок вправо, слегка наклонился вперед и вытягивал шею. В этот момент «кайсяку» изо всех сил наносил удар «катаной» по вытянутой шее осужденного «буси». Обезглавливание должно было быть произведено непременно в тот самый момент, когда тело самоубийцы начинало клониться вперед (ни секундой раньше, ни секундой позже). Самурай стойчески терпел, казалось бы, невыносимые мучения, демонстрируя силу своего духа («хара»). И стоило его телу качнуться вперед, как взмах меча «кайсяку» обрывал жизнь приговоренного к смерти.

На мгновение все присутствующие при «сэппуку» замирали. Затем они поднимались и торжественно покидали помещение. Свершилось то, чего хотел покойный «боевой холоп»: его вина искуплена кровью и самурайская честь восстановлена.

В случае когда «сэппуку» должны были совершить «буси», которым не доверяли, или которые считались слишком опасными для того, чтобы давать им в руки оружие, или же не хотели совершать самоубийство (что было не редкостью, скажем, среди японских самураев, принявших христианство, осуждавшее добровольный уход из жизни, как достойное порицание нежелание христианина нести свой жизненный крест, возложенный на него Господом), ритуальный кинжал «кусунгобу» или меч-«вакадзаси» заменялся на веер, которым осужденный «буси» символически прикасался к своему животу, после чего ему отрубали голову (таким образом, «сэппуку» сводилось к обезглавливанию провинившегося «боевого холопа»).

Между обезглавливанием в рамках обряда «сэппуку» и обыкновенным обезглавливанием установилась юридиче-

ская разница, и для представителей привилегированных социальных групп, начиная с рядовых самураев, смертная казнь заменялась, в знак снисхождения к их привилегированному социальному статусу, смертью через «сэппуку», то есть той же смертной казнью, но только в виде ритуального обезглавливания. Такая смертная казнь полагалась за проступки, не позорящие самурайской этики, поэтому она не считалась позорной, и в этом было её отличие от обыкновенной смертной казни. Такова была идеология, но в какой мере она осуществлялась на практике, сказать трудно. Фактом остаётся только то, что «сэппуку», в виде казни, применялось только к представителям привилегированного самурайского сословия, начиная с рядовых «боевых холопов» и выше, но никоим образом не к классам населения, считавшимся по своему социальному положению ниже самураев. Однако независимо от этих сословных ограничений данный способ самоубийства, в частном его применении, получил очень широкое распространение во всей массе населения Японии, почти став манисей, причем поводами для совершения «сэппуку» могли служить самые ничтожные причины.

После «революции (реставрации) Мэйдзи», с началом реорганизации государственного строя Японии по европейскому образцу и начавшегося под давлением новых идей изменения всего уклада традиционной японской жизни, официальное применение «сэппуку» было в конце концов отменено. Вместе с тем и частное его применение стало все более редким явлением, но не исчезло совсем. Случаи совершения над собой обряда «сэппуку» нередко встречались и в XX веке (например, уже упоминавшиеся выше самоубийства генерала Ноги, писателя Юкио Мисимы и др.), причем каждый такой случай получал скрытое одобрение японской нации, создавая вокруг некоторых исполнивших над собой обряд «сэппуку» лиц, занимавших при жизни видное общественное положение, орсел славы и величия.

КОЕ-ЧТО О «ВОИНАХ-ТЕНЯХ»

«Ниндзя» (в вольном переводе: «воин-тень», «лазутчик», «соглядатай») — так называли воинов-одиночек, специально обученных и подготовленных для выполнения секретных заданий и тайных операций — разведки, шпионажа, убийств неприятельских предводителей, похищений. Ниндзя — секретные агенты средневековой Японии — возводили свое происхождение к «ронинам» («боевым холопам», утратившим, в силу разных жизненных обстоятельств, своих сюзеренов)¹, но нередко в действительности вообще не имели отношения к самурайскому сословию. Тем не менее в продолжавшихся столетиями столкновениях между соперничавшими представителями военной знати они играли важную, порой даже решающую, роль.

Вероятнее всего, «ниндзя» и их искусство действовать тайно и незаметно — «ниндзюцу» — возникло благодаря развитому в средневековой Японии ремеслу шпионажа. Однако особый спрос на них возник в те времена, когда с появлением самураев в стране заметно участились военные столкновения. Чтобы удовлетворить этот спрос, на острове Хонсю появился целый ряд тайных школ, или училищ (число их оценивается разными источниками по-разному: от двадцати пяти до семидесяти). Находились они в уединенных, недоступных, строго

¹ Слово «ронин» буквально означает «человек-волна» (в смысле «перекати-поле»). После прихода к власти Тоётоми Хидэёси лишил представителей всех сословий, кроме самурайского, права на ношение оружия (и в первую очередь — мечей). Запрет на ношение мечей он распространил и на «ронингов». Запрет на ношение мечей стимулировал использование японцами, подпавшими под этот запрет, но тем не менее нуждавшимися в средствах самозащиты, в качестве оружия самых различных предметов, в том числе предметов крестьянского быта — серпов (напоминающих миниатюрные косы), «нунтяку» или «нунчак» (так называемых «рисовых дубинок», то есть коротких цепов для обмолотки рисовых зерен) и т.д., вошедших в арсенал «воинов-тней».

охраняемых местах. Все, что делалось в этих школах, было окутано глухим покровом тайны.

Их воспитанники по большей части проходили из семей, в которых профессия «ниндзя» была традиционной. Преимущество этого обстоятельства было очевидным: обучать будущего агента начинали сызмальства. В секретных школах «ниндзя» обучали огромному множеству вещей. Главное внимание уделялось тренировке силы, выдержки и умения в совершенстве владеть своим телом, ведь от этого впоследствии могла зависеть жизнь «ниндзя». Вдобавок будущие агенты осваивали различные способы выживания в экстремальных ситуациях: в ледяной воде или под водой, при длительном голодании, после получения тяжелых увечий. «Ниндзя» обучали искусству доставлять по назначению секретные послания и донесения. Свернутые в маленький комочек рисовой бумаги, они проглатывались «воином-тенью», но оставались у него в горле. В случае обыска неприятельскими воинами во рту «воин-тени» обнаружить это проглоченное им наполовину тайное послание было невозможно. Но, прибыв на место назначения, «ниндзя» усилием шейных мышц выталкивал его из горла и передавал тем, кому это послание было предназначено. Отправляясь на задание, «воин-тень» надевал на руки особые кастеты, снабженные кривыми шипами в форме тигриных когтей. В случае необходимости «ниндзя» мог, высоко подпрыгнув, вцепиться этими когтями в потолочную балку и висеть под потолком, обманув, таким образом, преследователей, выжидая или подслушивая секретные переговоры. В случае необходимости он мог использовать эти «тигриные когти» и в рукопашной схватке¹. Привязав к ступням бамбуковые трубочки, «воин-тень» мог быстро катиться в них по переходам неприятельского замка, как на роликах².

¹ Поэтому и шла молва, будто «ниндзя» могут превращаться в тигров.

² Поэтому и шла молва, будто «ниндзя» бегают быстрее ветра.

«Ниндзя» должны были также уметь быстро и незаметно, в полном снаряжении, преодолевать любые препятствия — замковые стены, засеки, бурные водные потоки, болота, проникать в самый неприступный неприятельский лагерь. Немаловажное значение для успешной деятельности «ниндзя» имело владение искусством маскировки, ведь им часто приходилось, в самом разном обличье, неожиданно скрываться, замата следы. Кроме того, будущему тайному агенту полагалось безукоризненно владеть всеми применявшимися в Японии видами оружия и, прежде всего, теми, что убивали бесшумно, — например, метать отравленные «боевые звезды» («сюрикэны») или отравленные стрелы вручную, стрелять отравленными иголками из миниатюрных дыхательных трубок¹ и т.д.

Молодые люди, прошедшие подобное многолетнее обучение, становились членами разбросанных по всей Японии тайных обществ, в которых никто друг друга не знал. Ловко маскируясь, «ниндзя» жили поодиночке в городах и селах. Они не знали ни имен своих тайных предводителей, ни их местопребывания, и даже никогда не видели этих «Высших Неизвестных». Подобные меры предосторожности гарантировали тайные общества «воинов-теней» от проникновения в их ряды вражеских соглядатаев, сводили к минимуму риск появления изменников в собственных рядах и последствия возможного предательства

Как же «ниндзя» получали и выполняли задания?

Когда сёгун, «даймё» или самурай высокого ранга желал воспользоваться услугами «воина-тени», он направлял своего слугу в условленное место, где, как ему было известно, пребывал посредник тайного общества «ниндзя». Такими ме-

¹ Это называлось «шлском дракона»; использовавшиеся «воинами-тенями» тайные яды обладали столь сильным воздействием, что смертельным для «объекта» было одно только соприкосновение, скажем, отравленной иголки, выплюнутой из дыхательной трубки, с кожей «объекта» (даже при отсутствии ранки).

стами, в частности, были увеселительные кварталы крупных городов. Как только посредник признавал в слонявшемся по улице чужаке вероятного заказчика, он подходил и завязывал беседу. Если эти двое договаривались об условиях «заказа», то посредник сообщал об этом другому посреднику. Тот в свою очередь передавал поручение — опять-таки окольными путями — начальнику «ниндзя» того округа, в котором предстояло выполнить «заказ». Сначала начальник «ниндзя» узнавал обо всех деталях планируемой операции, а затем отдавал приказ о ее проведении.

«Ниндзя», получивший заказ, был полностью предоставлен самому себе. Он тщательно, учитывая каждую мелочь, готовился к предстоящей операции и тщательнейшим образом собирал подробнейшую информацию обо всем, что имело отношение к его заданию, а именно:

- 1) о месте будущей операции;
- 2) об «объекте», который предстояло ликвидировать;
- 3) о плане дома (замка, военного лагеря), в котором находился «объект»;
- 4) о фортификационных сооружениях, которые предстояло преодолеть, и т.д.

Затем «воин-тень» подбирал себе подходящую одежду, необходимое снаряжение и вооружение и, под видом буддийского монаха, бродячего актера, торговца, крестьянина (или даже переодевшись женщиной), выходил на задание. Днем «ниндзя» предпочитали маскироваться под «комусо» — нищенствующих монахов-воинов буддийских религиозных орденов, носивших «дайсё» и похожие на корзины дном вверх плетеные соломенные шапки с узкой прорезью для глаз, закрывавшие всю голову до плеч.

В пути к месту операции «воин-тень» прислушивался ко всем разговорам, стараясь завязать нужные знакомства. Добравшись до места назначения, «ниндзя» начинал наблюдать за интересующими его людьми или объектами. С этой целью он подбирал подходящее укрытие, где проводил, не шелохнув-

шись, по многу часов. Узнав, таким образом, все, что было необходимо, он приступал к разработке плана действий. Следовало взвесить все возможные варианты действий и избрать из них лишь один, наиболее оптимальный. Так, например, если «ниндзя» получал задание ликвидировать высокопоставленного самурая, то он должен был с помощью разных хитростей или акробатических трюков попасть в дом к «боевому холоду», указанному ему в качестве жертвы. Нападал он обычно из засады — тихо, внезапно и — с точки зрения самурайского кодекса чести — вероломно и подло (но для «ниндзя», порвавших со всем «официальным» миром самурайской Японии, все средства были хороши для достижения поставленной цели — как для членов европейского ордена иезуитов, считавших, что «цель оправдывает средства»). «Воин-тень» мог уничтожить предназначенный к ликвидации «объект», ударив его ребром ладони, задушив или заколов кинжалом, ловким броском метательной звездочки, миниатюрной стрелки или маленького дротика, затаившись в выгребной яме и поразив жертву через задний проход в момент отправления естественной надобности, или влив в рот яд (если «объект» в момент ликвидации спал). Продумывая, шаг за шагом, все свои действия, «ниндзя» всегда продумывал и путь отступления. Скрываясь с места ликвидации «объекта», «воин-тень» мог прыгнуть в заполненный водой глубокий крепостной ров (тогда ему приходилось прятаться под водой, дыша через телескопическую бамбуковую трубочку¹; у «ниндзя», кстати, имелись и раскладные бамбуковые трубки иного рода, предназначенные не для дыхания, а для подслушивания)², либо, вооружившись

¹ Поэтому о «ниндзя» шла молва, будто они могут превращаться в лягушек.

² На конце такой слуховой трубки находились расположенные веерообразно тонкие бамбуковые пластинки, игравшие роль резонатора звуков, доносившихся, например, из комнаты, в которой велись секретные переговоры и позволявшие подслушивающему их «воину-тени» слышать каждое произносимое там слово.

крючьями и веревкой, перескакивать с крыши на крышу или с одной верхушки дерева на другую¹. Чтобы расчистить себе путь отхода, «ниндзя» пользовался разного рода отвлекающими средствами. Так, например, он мог бросить в костер, у которого грелись самураи из охраны замка, принадлежавшего «объекту», ликвидированному «воином-тенью», миниатюрную бомбочку², взрыв которой ослеплял охрану и позволял ликвидатору ускользнуть незамеченным. Или же, подготовив все заранее, ликвидатор поджигал дом ликвидированного им «объекта». Поднималась суматоха, и, пока домочадцы и челядь бегали за водой, звали на помощь пожарников (исключительно самураев, выступавших на тушение пожара в полном вооружении), или пытались тушить пожар собственными силами, ликвидатор удалялся никем не замеченным. «Ниндзя» был всегда готов и к неудачному исходу операции. Если он попадал в руки врагов, то кончал жизнь самоубийством, вонзив себе в горло кинжал, или, если не успевал или по каким-либо иным причинам не успевал заколоть себя, то раскусывал капсулу с ядом, которую, в ходе весьма чреватой опасностями операции, всегда предусмотрительно держал за щекой.

«Боевые холопы», являвшиеся главным объектом нападений «ниндзя», ненавидели этих «ночных убийц» за «перыцарственную» манеру сражаться, противоречащую кодексу чести японского воина — «бусидо» — и жестоко расправлялись с ними (если выдавалась такая возможность). Излюбленным способом расправы с пойманными «ниндзя» было их «превращение в свинью». Схваченным «ниндзя» самураи отсекали нос, уши, руки и ноги и оставляли искалеченных таким образом «соглядатаев» на растерзание диким зверям и птицам или бродячим собакам. Когда же неуловимый и непобедимый «ниндзя» Исикава Гоэмон («японский Робин Гуд», который,

¹ Поэтому о «ниндзя» шла молва, будто они умеют летать или даже превращаться в летучих мышей.

² «Дыхание дракона».

в отличие от других «воинов-теней», не только убивал, но и грабил феодалов, раздавая затем награбленное добро простолюдинам) попытался в 1592 году убить самого всемогущего Тогётоми Хидэёси, но был схвачен, то его, по приказу разгневанного диктатора, заживо сварили в кипятке.

КАК «БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ» УТРАТИЛИ ВЛАСТЬ НАД СТРАНОЙ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

7 июля 1853 года четыре американских военных корабля под командованием коммодора Мэтью Перри встали на якорь в бухте Эдо. Послание, которое Перри по поручению своего правительства передал сёгуну, гласило: Япония должна открыть свои границы и подписать торговое соглашение, гарантирующее свободный обмен товарами между обеими странами.

Эти требования поставили «бакуфу» в безвыходное положение. Уже более двух веков Япония была, по воле «сёгунов» клана Токугава, отгорожена от остального мира. Она закрыла свои границы, никто не мог въехать в страну и никто не мог, под страхом смерти, покинуть ее. Промышленно развитые европейские страны и САСШ давно мечтали проникнуть в островную империю. Им всем были необходимы новые рынки, на которых они могли бы сбывать продукцию своих заводов и фабрик. В этом смысле технически отсталая Япония была лакомым кусочком. Она же не хотела пускать к себе иностранцев и устанавливала с ними деловые отношения. Это уничтожило бы ее особый уклад, культуру и мировоззрение, сформировавшиеся за время двухсотлетней изоляции от внешнего мира. С другой стороны, особенно после энергичного натиска американцев, японцы поняли, что им придется смириться с неизбежностью перемен.

Сначала «шатровое правительство» пыталось выиграть время. Однако уже вскоре пришлось подчиниться диктату великих держав. В 1854 году были заключены соглашения о

дружбе с САСШ, Англией и Францией, а в 1855 году — с Россией и Нидерландами. В 1858 году последовало подписание торговых договоров с этими пятью странами.

Уступки иностранцам раскололи Страну восходящего солнца на два лагеря. Одни японцы считали, что открытие границ придаст необходимый толчок ускоренному развитию страны. Другие мечтали о том, как бы вышвырнуть вон ненавистных «заморских варваров» (или даже «заморских дьяволов»). Они требовали отставки бездарного «бакуфу», предавшего интересы японцев, и передачи (а точнее говоря — возвращении) всей полноты государственной и военной власти Божественному Тэнно, который упорно отказывался признать торговые соглашения с зарубежными странами.

В последующие годы споры все больше обострялись. Вызывающее поведение нежеланных торговых партнеров, пренебрегавших обычаями страны, задесало японцев. Случались нападения на иностранцев и даже их убийства. Объединенный флот Англии, САСШ, Франции и Нидерландов отомстил непокорным японцам: в 1863 году его военные корабли бомбардировали с моря и сожгли портовый город Кагосиму, а в 1864 году подвергли столь же разрушительной бомбардировке другой порт — Симоносэки. Все больше сынов Ямато выражало свое недовольство бессильным «палаточным правительством», надеясь, что сёгунское правительство не удержится у власти.

Но тем, кто уповал на императора, судьба уготовила тяжелый удар: в 1866 году Божественный Император Комэй умер. Именно с ним самурайское сословие связывало надежды на восстановление в стране прежних порядков. Наследовал престол его пятнадцатилетний сын Муцухито (1852—1912), но он еще не мог продолжить дело отца. Под давлением иностранных держав «бакуфу» вскоре после смерти императора Комэя согласилось снизить пошлину на ввозимые в страну импортные товары и открыть порты Хёго и Осаку для иностранных кораблей. Эта новая уступка европейцам и американцам стала

последней каплей, переполнившей чашу терпения противников реформ. Армия верных императору южных «даймё» собралась на юге страны и выступила в военный поход на столицу. В этот критический момент отчаявшийся в перспективах сопротивления «сёгун» признал свое дело проигранным. 14 октября 1867 года он отказался от своего поста и передал всю полноту власти молодому императору Муцухито. Так наступил конец почти семивековому периоду господства «боевых холопов» над Страной восходящего солнца.

Правда, лишившийся власти «сёгун» на следующий год еще раз попытался изменить положение. Ему удалось созвать под свои знамена до ста тысяч верных «боевых холопов», с которыми они двинулся на древний Киото. Однако первое же столкновение самураев с новой Императорской армией ясно показало, что это боролось новое время со старым: войска бывшего «сёгуна», как и столетия назад, устремились в атаку с луками, копьями, мечами и фитильными аркебузами, а сторонники императора, хотя и уступавшие им числом, встретили отчаянный натиск самураев сокрушительными залпами из многозарядных европейских винтовок и шквальным огнем митральез (предшественниц пулеметов). Мечта о возвращении прошлого рассеялась вместе с пороховым дымом.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, НАСТУПИВШИХ В «ЭПОХУ МЭЙДЗИ» В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Вступивший на престол 3 января 1868 года Божественный император Муцухито жестоко разочаровал большинство своих сторонников. Они надеялись, что молодой Тэнно теперь энергично примется изгонять иностранцев и закроет им доступ в страну. Но Муцухито был слеплен из иного теста, чем его отец. Трезво оценивая происходящее, поддерживаемый молодыми советниками, он с самого начала энергично выступил за прогресс. По его глубокому убеждению, лишь модернизированная

Япония сможет набрать достаточно сил, чтобы оказать сопротивление мировым державам. Значит, Японии нельзя отгораживаться от внешнего мира. Наоборот, она должна широко раскрывать свои двери, чтобы как можно скорее занять достойное место в современном мире. Своему правлению Муцухито не случайно дал девиз «Мэйдзи» («буквально: «Просвещенное правление»). Этот девиз сам по себе предельно ясно выражал его намерения. Развитие Страны восходящего солнца пошло вперед стремительными темпами. Япония разительно переменилась всего за несколько лет. Одновременно правительство Мэйдзи шаг за шагом устраняло следы бывшего господства «босвых холопов». В 1869 году всем «даймё» пришлось вернуть свои земли императору. Содержанием самураев государство взяло на себя, выплачивая им скромные пенсии. В январе 1872 года была введена всеобщая воинская обязанность, что вызвало глубочайший кризис в среде самурайского сословия. Ведь раньше только «боевые холопы» были единственным «оружием нации», единственной боевой силой, становым хребтом Японии. Именно на исключительной привилегии несения воинской службы основывалось особое положение самураев в обществе. С введением всеобщей воинской повинности этому положению был положен конец. Но им предстояли и более тяжкие испытания. Государство предложило «даймё» и «босвым холопам» согласиться на единовременное получение пенсий за несколько лет (половину суммы — наличными, половину — облигациями государственного займа). В 1876 году была объявлена принудительная выплата пенсий за пять, а затем — за четырнадцать лет. И, наконец, самураи лишились внешних атрибутов своего положения. В 1876 году им было запрещено ношение «дайссё».

Так рухнул привычный «босвым холопам» Японии мир. В отчаянии самураи тщетно пытались изменить ход событий. Трижды (1874, 1876, 1877) небольшие группы мятежников поднимались на вооруженную борьбу с ненавистным им режимом Мэйдзи (конечно, не с самим Божественным Тэнно, к которому они продолжали испытывать глубочайшее почте-

нис, а с «обманывавшими Сына Неба недостойными министрами»), но все было напрасно. Когда в 1889 году была принята новая конституция Японской империи, даже самым жестоким поборникам самурайских порядков стало ясно, что времена величия «боевых холопов» отныне раз и навсегда канули в прошлое, и вернуть их не удастся больше никогда.

О ДУХЕ «БУСИДО» В СЕГОДНЯШНЕЙ ЯПОНИИ

«Революция (реставрация) Мэйдзи» стала переломным моментом в жизни всего японского общества. Она означала для Японии небывалый рывок вперед в развитии науки и техники. Для построения нового общества были необходимы специалисты разных профилей: ученые, управленцы, техники, инженеры. В 1873—1880 годах их приглашали из-за рубежа. Однако после 1880 года число приглашенных иностранных специалистов стало резко сокращаться. Всего через десятилетие в стране появились собственные национальные кадры, уже способные заменить иностранцев во всех областях.

Как Страна восходящего солнца сумела за столь короткий срок вырастить армию собственных специалистов? Этим она была обязана, прежде всего, своей прослойке образованных людей — выпускников самурайских школ. Теперь они, в основном выходцы из сословия «боевых холопов», стали опорой и движущей силой нового японского общества. Бурный всплеск развития страны расколол отстраненных от власти самураев на два лагеря. У одних — тех, кто больше всего сокрушался о прошлом, опустили руки: ничего не предпринимая, они шли по течению навстречу неведомому будущему. Но другие, со всей присущей им энергией, обратились к новым целям. Прежде в самурайских кругах было строго запрещено заниматься торговой или ремесленной деятельностью: «буси» ни при каких условиях не должен был работать за деньги. Но теперь под влиянием обстоятельств многие самураи отбросили сословные предрассудки и стали вклады-

вать полученную ими от правительства пенсию в промышленность и торговлю. Представители прежней военно-служилой знати теперь трудились повсюду: в органах государственного управления, в промышленности, банковском и горном деле, торговле, судостроении, сельском хозяйстве, строительстве домов, железных дорог и трамвайных путей.

Дух «бусидо», в котором были воспитаны эти дети и внуки «боевых холопов» державы Ямато, глубоко проникал в мир стремительно развивавшейся японской экономики. Отныне такие добродетели, как преданность интересам предприятия, чувство долга и добросовестность, уважение к начальству, беспрекословное послушание, дисциплина и пренебрежение собственной выгодой ради общего блага, у бывших самураев перенимали их новые сослуживцы и подчиненные.

Ныне Страна восходящего солнца — одна из ведущих промышленных держав современного, все более глобализующегося мира, которая, возможно, скоро станет мировым лидером. Этот невероятный успех объясняется во многом трудолюбием и упорством всего японского народа, его прилежанием, надежностью, терпением, настойчивостью, неослабной энергией, но прежде всего тем, что прежние самурайские добродетели — пусть и в достаточно сильно измененном виде — вошли в дух, плоть и кровь каждого японца.

О ДРЕВНЕЙШИХ ОБИТАТЕЛЯХ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ И ИХ РОЛИ В ГЕНЕЗИСЕ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ

В настоящее время многие исследователи считают, что первоначально, с древнейших времен, Японские острова были заселены племенами айнов (айну), пришедших туда еще в доисторические времена с территории Сибири, через остров Сахалин, и считающихся поэтому, хотя и с некоторыми оговорками, исконным (автохтонным) населением Японии. Айны (слово «айну» означает буквально: «человек», в смысле «настоящий человек»), этот некогда весьма многочисленный древний народ, находятся ныне на грани вымирания. В свое время отдельные группы айнов, говорящие на разных диалектах, проживали не только на Японских островах, но и по всему побережью Японского моря, в том числе и на территории России, в низовьях реки Амур, на юге полуострова Камчатка, на Сахалине и на Курильских островах. Считается, что айны, никогда не знавшие земледелия, кормившиеся рыбной ловлей, охотой и прибрежным собирательством, были постепенно почти полностью истреблены или ассимилированы японцами. В настоящее время около двадцати пяти тысяч сохранившихся айнов живут на японском острове Хоккайдо и на юге российского острова Сахалин. Согласно официальным статистическим данным, численность айнов в Японии составляет от двадцати пяти тысяч до тридцати тысяч человек, од-

нако, если верить неофициальной статистике, она достигает двухсот тысяч человек (для сравнения: в России, по итогам переписи 2010 года, проживало всего сто девять айнов, в том числе девяносто четыре — в Камчатском крае).

Происхождение айнов остается не вполне ясным по сей день. Европейцы, впервые столкнувшись с айнами в XVII веке, были поражены их внешним видом. В отличие от привычного вида представителей монголоидной расы с жёлтой кожей, монгольской складкой века (знаменитым «косоглазием») и редкими волосами на лице, айны обладали необыкновенно густыми волосами, покрывающими голову, носили огромные бороды и усы (придерживая их во время еды особыми палочками), черты лица их были похожи на европейские. Несмотря на жизнь в умеренном климате, летом айны носили лишь набедренные повязки, подобно жителям экваториальных стран. Имеется множество гипотез о происхождении айнов, которые в целом могут быть подразделены на три группы:

1. Айны родственны индоевропейцам (кавказионной расе) — этой теории придерживались Дж. Бэчелор и С. Мураяма;

2. Айны родственны австронезийцам и пришли на Японские острова с юга — эту доминировавшую в советской этнографии теорию выдвинул Л.Я. Штернберг;

3. Айны родственны палеоазиатским народностям и пришли на Японские острова с севера (из Сибири) — этой точки зрения придерживаются в основном японские антропологи.

Несмотря на то что теория Л.Я. Штернберга об айнско-австронезийском родстве не подтвердилась, хотя бы потому, что культура айну в Японии намного древнее культуры австронезийцев в Индонезии, сама по себе гипотеза южного происхождения айнов в настоящее время представляется более перспективной ввиду того, что в последнее время появились определенные лингвистические, генетические и этнографические данные, позволяющие предполагать, что айны могут быть дальними родственниками народов мяо-яо, проживающих в Южном Китае и в странах Юго-Восточной Азии.

Пока что доподлинно известно, что по основным антропологическим показателям айны очень сильно отличаются от японцев, корейцев, нивхов, ительменов, полинезийцев, индонезийцев, австралийских аборигенов и, вообще, от всех популяций Дальневосточного и Тихоокеанского регионов, а сближаются только с людьми эпохи Дзёмон, являющихся, по мнению многих ученых, непосредственными предками исторических айнов. По их мнению, нет большой ошибки в том, чтобы ставить знак равенства между людьми эпохи Дзёмон и айнами.

Итак, согласно данной версии, айны появились на Японских островах примерно за тридцать тысяч лет до Р.Х. и создали там неолитическую культуру Дзёмон. Как уже говорилось выше, нам пока что достоверно не известно, откуда именно айны пришли на Японские острова, но не подлежит сомнению, что в эпоху Дзёмон айны населяли все острова — от Рюкю до Хоккайдо, а также южную половину острова Сахалин, Курильские острова и южную треть Камчатского полуострова. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок и данные топонимики, например: Цусима — «туйма» — «далекий», Фудзи — «хуци» — «бабушка» — камуй очага, Цукуба — «ту ку па» — «голова двух луков»/«двухлуковая гора», и даже название упоминаемого в древних китайских летописях расположенного на Японских островах государства «Яматай» (традиционно отождествляемое с древней японской державой Ямато) — «Я ма та и» — «место, где море рассекает сушу»: Очень возможно, что легендарное государство Яматай (Яматаи) — Ямато, о котором говорится в китайских хрониках, было не древнеяпонским, а древнесайнским государством, или, в крайнем случае, наряду с древнеяпонским государством Ямато какое-то время существовало древнесайнское государство со сходным названием Яматай. Немало сведений о топонимах айнского происхождения на японском острове Хонсю можно найти в работах японского ученого Киндаити Кёсукэ.

Как уже упоминалось выше, многие ученые считают, что айны не занимались земледелием, и что основными отрас-

лями айнского хозяйства были рыболовство, охота и собирательство, и что поэтому для айнов было жизненно важно сохранять равновесие в природной среде и в человеческой популяции: не допускать демографических взрывов. Именно поэтому у айнов никогда не существовало крупных поселений и основной социальной единицей была локальная группа — на айнском языке: «утар»/«утари» — «люди, живущие в одном поселке на одной реке». Поскольку для поддержания жизни такой культуре было необходимо значительное пространство природы, то поселения айнов эпохи неолита были достаточно удалены друг от друга, и именно поэтому ещё в достаточно раннее время айны расселились дисперсно (то есть сравнительно небольшими изолированными группами) по всем островам Японского архипелага. Правда, в этом случае остается открытым вопрос о возможности создания этими изолированными друг от друга малочисленными группами айнских рыбаков, охотников и собирателей, не знающих земледелия, собственного государства «Яматай», достаточно крупного и сильного, чтобы быть замеченным и внесенным в хроники китайскими летописцами, но... более углубленное исследование данного вопроса выходит за тематические рамки настоящей книги. Хотя в настоящее время существует и точка зрения, согласно которой японское государство Ямато представляет собой плод дальнейшего развития древнеайнского государства Яматай. Так, например, исследование ДНК японцев показало, что доминирующей Y-хромосомой у японцев является D2, то есть та Y-хромосома, которая обнаруживается у восьмидесяти процентов айнов, но почти отсутствует у корейцев (считающихся, по другой версии, которую мы кратко изложим ниже, происходящими, как и японцы, от алтайских скотоводов и охотников, переселившихся на территорию Кореи и Японских островов). Это говорит о том, что по крайней мере правящий слой японского государства Ямато (погребения представителей которого дошли до нас) состоял из людей дзёмонского (айнского), а не более позднего яёйско-

го¹ антропологического типа. Здесь также важно иметь в виду, что, видимо, существовали различные группы айнов, одни из которых, как уже упоминалось выше, занимались собирательством, охотой и рыболовством, а другие создавали более сложные социальные системы. И вполне возможно, что те «примитивные» айнские собиратели, охотники и рыболовы, предпочитавшие жить в гармонии и равновесии с природой, с которыми позднее вело войны японское государство Ямато, рассматривались как «дикари» не только японскими «сынами Ямато», но и «культурными» айнами государства Яматай (которые, несмотря на свою «культурность», были, как и «айны-дикари», обречены полечь под стрелами и мечами японских самураев или же быть ассимилированными японцами).

Религиозные представления айнов, более всего приближающиеся к наиболее архаичным формам фетишизма с элементами анимизма и идололатрии, резко отличались от религиозных представлений японцев. Так, Л.Я. Штернберг писал о религии айнов: «У них самым главным предметом культа являются заструганные палочки («инау». — *В.А.*), которые они ставят везде: на своем очаге, на дворе, на берегу моря, в лесу и т. д.» Он указывает, что «на Сахалине у племени айну, которые даже свое происхождение ведут от дерева, к необыкновенным деревьям относятся как к божествам и одаривают их жертвоприношениями, находим своеобразные культовые изображения, состоящие почти исключительно из заструганных палочек, и в этих палочках главную роль играют именно завивающиеся стружки». Как же объяснял Л.Я. Штернберг эти «самые главные предметы культа» из анимистического мировоззрения? Оказывается, при помощи объяснения самих же айнских шаманов. Стружки есть языки, а весь «инау», по выражению Штернберга, — некий деревянный «оратор», отправляющийся ходатайствовать за людей перед богами и духами.

¹ О земледельческой культуре Яёй у нас будет подробнее сказано далее.

Спору нет, что такое толкование есть у айпских шаманов, но это не научное объяснение, это лишь вторичное осмысление древнего культа. Культ инау интересен тем, что за ним не скрывается какой-либо определенный дух; просто считается, что у каждого инау есть «душа». Распутать вопрос об инау, выводя их из веры в духов, не удастся, хотя «инау играют огромную роль в жизни айну». «Вся его обстановка, все его окружающее, вся его деятельность заполнена инау»; «без преувеличения можно сказать, что значительная часть жизни айну уходит на изготовление инау»; «в доме, в ограде дома везде инау, и далее, куда ни повернешься, на горе, на берегу моря, речки, в лесу, на дорогах, перевалах, на кладбищах и т.д.— всюду самых различных форм инау, то хозяину горы, то хозяину солнца, моря, речки, то предку, то киту, выдре, медведю, тюленю и т.д.»; «но еще более многочисленны инау, которые делаются по тому или иному случаю. Например, после каждой удачной охоты... заболел человек, выздоровел, отправился в путешествие, вернулся и т.д. — каждый раз новое инау».

Едва ли можно сомневаться, что перед нами более древние элементы, вплетенные в ткань анимистических верований. Старые фетиши здесь унифицируются, развиваются в некоторое подобие идолов (Штернберг замечает уже некоторую попытку придать человекообразность этим кусочкам дерева). Вероятно, они раньше представляли собой искусственно воссозданное дерево, ветки дерева. Как бы то ни было, не учитывать представления о «чувственно-сверхчувственных» вещах на примере инау невозможно, без анализа таких элементов разобраться в этом культе нельзя.

Можно отметить также, что фетиши при развитых анимистических представлениях могут толковаться не только как изображение и вместилище духов, божеств, но и как жертва, приношение духу такого предмета, в котором этот дух заинтересован.

Примерно с начала VII тысячелетия до Р.Х. на Японские острова начинают прибывать другие этнические группы. Вначале туда прибыли мигрировавшие с юга, через Рюкюские

острова, переселенцы из Юго-Восточной Азии и Южного Китая. Мигранты из Юго-Восточной Азии (вероятнее всего, с островов Индонезии и Филиппин) говорили в основном на языках австронезийской группы. Они расселялись преимущественно на южных островах Японского архипелага, принеся с собой земледелие, а именно рисоводство. Поскольку рис — очень продуктивная культура, он позволяет жить достаточно большому числу возделывающих его людей на весьма небольшой территории. Многие исследователи считают, что упоминавшаяся выше культура Дзёмон была основана не айнами, а этими более поздними австронезийскими переселенцами (которым эти ученые в родстве с айнами отказывают).

Примерно с III века после Р.Х. в Японии сложилась другая земледельческая культура, называемая культурой Яёй. Носители культуры Яёй, несколько групп родственных племен, принадлежавших к северомонголоидной расе, переселялись в Японию через Корею в течение шести столетий — с III века до Р.Х. по III век после Р.Х. Родственные племена заключали между собой военные союзы и поделили всю территорию страны. Между этими племенными союзами велись непрерывные войны из-за земельных угодий. Не следует забывать, что почти вся территория Японии занята горами, и лишь 20 процентов ее пригодны для земледелия. Три основных плодородных района — долины Канто, Ноби и Кинаи — расположены на главном японском острове Хонсю. Борьба за эти земли во многом определила историю Японии — как раннюю, так и средневековую.

Некоторый свет на историю Японии II—III веков проливают сведения, содержащиеся в хрониках китайской династии Вэй (220—265). Часть этих хроник посвящена описанию жизни «восточных варваров из страны Вэ» (так вэйцы называли тогда японцев). Согласно этим хроникам, империя Вэй находилась в дружественных отношениях со страной Яматаи — патриархальным государством под управлением могущественной и загадочной царицы Химики, находившейся у власти со 190 по 247 год. Она была посвящена в тайны

магического искусства «кидо» («путь демонов») и знала толк в волшебстве. Химики была не только волшебницей, но и верховной жрицей, и потому вела жизнь затворницы. От имени Химики страной правил ее младший брат. Согласно вэйским хроникам, правители Яматаи подчинили себе тридцать более мелких княжеств и вели жестокую войну с другим японским государством — Куну, расположенном на острове Кюсю (в районе нынешней провинции Сацума).

Постепенно число земледельцев возросло. Они начали оказывать все большее воздействие на окружающую природную среду и таким образом угрожать природному равновесию, столь важному для нормального существования культуры неолитических айнов. Началось переселение айнов с Японских островов на Сахалин, Курильские острова и на Азиатский материк — в низовья Амура и Приморье. Затем, в конце эпохи Дзёмон — начале эпохи Яёй, на Японские острова прибыло, через территорию позднейшей Кореи, несколько этнических групп из Центральной Азии. Эти новые пришельцы — охотники и скотоводы, говорившие на алтайских языках — и дали начало корейскому и японскому этносам. Согласно японскому антропологу Ока Масао, самый мощный клан алтайских мигрантов, осевших на Японских островах, послужил основой «роду Тэнно».

Многие ученые считают, что в III веке в Японию вторглись воинственные кочевники, родственные предкам нынешних маньчжуров или монголов. Пройдя через всю территорию современной Маньчжурии, они захватили Корсею, а затем завоевали и Японию. Их войско состояло из закованных в броню (длинные панцирные кафтаны) конных воинов. Они подчинили себе местные племена и утвердились сначала на Кюсю, а затем и на Хонсю, где на рубеже III—IV веков основали страну Ямато. Именно с завоеванием этими воинственными всадниками Японии связывается появление там лошадей центральноазиатской породы. Такие лошадки — низкорослые, мохнатые, неказистые, но зато очень выносливые и быстрые — слу-

жили всем степным кочевникам, вплоть до татаро-монголов Чингисхана. Так что самураи, появившиеся на исторической арене именно как лихие конные стрелки из лука, возможно, являются прямыми потомками этих завоевателей.

Верна ли эта гипотеза или нет, но к IV веку правители японской державы Ямато (вопроса ее идентичности гипотетическому древнесайнскому государству «Яматай» мы далее касаться не будем) подчинили себе большую часть Японии. Независимость сохранили лишь северные провинции на острове Хонсю.

Период с конца III до начала VIII века, условно называемый «периодом курганов», был временем становления ранней японской государственности. В этот период правителей и правительниц Ямато, их приближенных и представителей высшей аристократии погребали в огромных земляных курганах, именуемых «кофуи». Размеры этих могильников были весьма впечатляющими (до четырехсот пятидесяти метров в длину и до тридцати метров в высоту). Размерами и формой они напоминали ступенчатые ацтекские, майянские и египетские пирамиды.

Среди многочисленных предметов, захороненных в курганах вместе с представителями древней японской знати, археологи при раскопках находят так называемые «сханива» — ритуальные глиняные фигурки (заменившие собой людей и другие живые существа, приносимые в жертву умершим в предшествующий период), и в том числе фигурки «замогильных стражей», на основании которых можно составить себе представление о вооружении и экипировки воинов эпохи Ямато.

В «период курганов» воинов Страны восходящего солнца еще не называли самураями. Самурайство, как каста профессиональных военных, в ту далекую эпоху еще не сформировалось. Экипировка воинов древней Японии также весьма отличалась от самурайской. В «период курганов» японские боевые доспехи весьма напоминали центральноазиатские — похожие доспехи в то время носили кочевники Великой степи. Они представляли собой длинный «бронехалат», набранный из множества узких и длинных железных пластинок неболь-

шого размера. В каждой такой пластинке было просверлено несколько отверстий, через которые пропускались кожаные шнуры, скреплявшие пластинки друг с другом. Такой тип доспеха называется ламеллярным. Он был широко распространен по всей Азии, вплоть до Тибета и Сибири. Ламеллярные доспехи носили и татаро-монголы Чингисхана. В Японии ламеллярный доспех (вероятнее всего, попавший туда вместе с упоминавшимися выше воинственными кочевниками) назывался «кэйко». Он был очень тяжелым и предназначался, прежде всего, для конных воинов.

Другой тип доспеха, популярный в державе Ямато (имевший либо корейское, либо местное происхождение), назывался «танко». Он предназначался для пеших воинов — скакать в нем на коне было бы очень неудобно. «Танко» представлял собой поясную кирасу и доходящую до колен широкую (часто — расклешенную) кожаную юбку кусадзури. Кираса имела кожаную основу, к которой прикреплялись металлические пластины, подогнанные под формы человеческого тела. Между собой эти пластины соединялись жестко, при помощи заклепок, или полужестко, специальными петлями, вроде дверных (если в этом месте требовалась некоторая подвижность сочлений). Юбка крепилась к нижнему краю кирасы и также могла быть укреплена металлическими полосками. Плечи и руки воина были соединены несколькими рядами дугообразных пластин, соединенных друг с другом подвижно или же кольчугой. Под доспехами воины носили обычную для того времени одежду — куртку-«кину» и широкие шаровары, перевязанные тесемками под коленями.

Шлемы воинов древней Японии также более напоминали континентальный вариант (корейский или кочевнический), нежели более поздние самурайские шлемы «кабуто». Каска такого шлема состояла из четырех склепанных друг с другом пластин округлой формы, стянутых для большей прочности двумя горизонтальными обручами и двумя дугообразными полосами, проходившими через макушку крест-накрест. Сза-

ди и сбоку голову обхватывали приклепанные к шлему широкие горизонтальные дугообразные пластины. Воины древней Японии были вооружены длинными копьями-«хоко», прямыми мечами с одним лезвием (подобными мечу бога бурь Сусаноо-но Микото), деревянными луками простой конструкции (иногда — заимствованными из Китая арбалетами) и ручными щитами (которые совершенно вышли из употребления в самурайскую эпоху).

В самурайскую эпоху арбалеты были вытеснены длинными луками сложной конструкции, а ручные щиты — стационарными станковыми щитами (более напоминавшим небольшой забор). За такими щитами пехотинцы скрывались от вражеских стрел и сами, в свою очередь, вели обстрел неприятеля.

После образования державы Ямато наступил период почти непрерывной войны между этим японским государством и айнами. Противостояние государства Ямато и айнов продолжалось почти полторы тысячи лет. Длительное время (начиная с VIII и почти до XV века) граница государства Ямато проходила в районе современного японского город Сэндай, и северная часть острова Хонсюа была очень слабо освоена японцами. Кстати, вопреки широко распространенным, бытующим и по сей день представлениям, в военном отношении японцы очень долго уступали айнам. Вот как (видимо, с немалой долей предвзятости и тенденциозности) охарактеризованы айны в средневековой японской хронике «Нихон сёки», на страницах которой они фигурируют под именем «эмиси» или «эбису»; японский этноним «эмиси», по всей видимости, происходит от айнского слова «эму» — «меч».

«Среди восточных дикарей самые сильные — эмиси. Мужчины и женщины у них соединяются беспорядочно, кто отец, кто сын — не различается. Зимой они живут в пещерах, летом в гнездах [на деревьях]. Носят звериные шкуры, пьют сырую кровь, старший и младший братья друг другу не доверяют. В горы они взбираются подобно птицам, по траве мчатся, как дикие звери. Добро забывают, но если им вред причинить —

неприменно отомстят. Ещё — спрятав стрелы в волосах и привязав клинок под одеждой, они, собравшись гурьбой соплеменников, нарушают границы или же, разведав, где поля и шелковица, грабят народ страны Ямато (японцев. — В.А.). Если на них нападают, они скрываются в траве, если преследуют — взбираются в горы. Издревле и поныне они не подчиняются владыкам Ямато».

Даже с учетом того обстоятельства, что большая часть этой пространной цитаты из «Нихон сёки» является стандартной характеристикой любых «варваров», заимствованной японцами из древнекитайских хроник «Вэньсюань» и «Лицзи», то все равно айну охарактеризованы японским хронистом достаточно точно. При этом, кстати, следует учитывать, что не все историки согласны с утверждением о том, что древние эмиси и эбису — это айны. Лишь через несколько веков постоянных стычек из японских военных отрядов, оборонявших северные границы Ямато от нападений айнов, сформировалось то, что впоследствии получило наименование самурайского сословия. Вероятно, самурайская культура и самурайская техника ведения боя во многом восходят к айнским боевым приемам и содержат в себе множество айнских элементов. Мало того! Некоторые самурайские кланы по своему происхождению являются айнскими, наиболее известный из них — клан Абэ. Только в середине XV века немногочисленной группе самураев во главе с Такэда Нобухиро удалось переправиться на остров Хоккайдо, который тогда назывался Эдзо (здесь следует отметить, что японские «сыны Ямато» называли айнов не только «эмиси» или «эбису», но и «эдзо», с тем же значением: «варвары», «дикари»), и основал на южной оконечности острова (полуострове Осима) первое японское поселение. Японский «конкистадор» Такэда Нобухиро считается основателем самурайского клана Мацумаэ, правившего островом Хоккайдо до 1798 года, после чего управление перешло в руки Центрального Императорского (а в действительности — сёгунского) правительства. В ходе постепенной военной колонизации острова Хоккайдо саму-

раям клана Мацумаэ постоянно приходилось сталкиваться с вооруженным сопротивлением айнов, которое то затухало, то вспыхивало и разгоралось с новой силой.

Из наиболее значительных выступлений «эдзо» против власти «сынов Ямато» следует отметить: вооруженное восстание айнов под предводительством Косямаина (1457), выступления айнов в 1512—1515 годах и в 1525 году, айнские восстания под предводительством вождей Танасягаси (1529), Тариконны (1536), Мэн-науко (Хэнауко) (1643) и Сягусяина (1669), не считая бесчисленного множества более мелких выступлений. При этом, однако, представляется необходимым подчеркнуть, что эти выступления, в сущности, не имели характера исключительно этнической «борьбы айнов против японцев». Наоборот, среди повстанцев было немало японцев. Это не только и не столько борьба айнов против японцев, сколько борьба жителей острова Эдзо за независимость от центрального сёгунского правительства-«бакуфу». К тому же это была борьба за контроль над приносившими большой доход торговыми путями (ведь через остров Эдзо проходил торговый путь в Маньчжурию).

Наиболее масштабным и значительным из всех айнских выступлений было восстание под предводительством Сягусяина. По многим свидетельствам, Сягусяин был не представителем айнской родовой аристократии — «ниспа», носившим кимоно и меч (в отличие от японских самураев, носивших к описываемому времени уже не один, а два меча), а харизматическим лидером, поднявшимся из низов и выдвинувшимся благодаря своим собственным талантам и дарованиям. Очевидно, вначале его поддерживали далеко не все айны. Следует учитывать, что на протяжении войны с японцами айны действовали, большей частью, отдельными локальными группами, ведя против самураев «малую (партизанскую) войну» и никогда не собираясь в крупные отряды. Путем насилия и принуждения Сягусяину удалось прийти к власти и объединить под своей властью многочисленное айнское население южных областей Хоккайдо. Вероятно, по ходу осуществления своих планов Сягусяин

нарушал некоторые очень важные установления и константы айнской культуры. Можно даже утверждать, что Сягусяин был не традиционным вождем — старейшиной локальной группы айнов, Он скорее смотрел далеко в будущее и понимал, что айнам совершенно необходимо осваивать современные технологии (в широком смысле этого слова), если они хотят и впредь продолжать независимое существование. В этом плане Сягусяин, пожалуй, был одним из наиболее прогрессивных представителей айнской культуры. Первоначально действия Сягусяина были очень удачными. Ему удалось практически полностью уничтожить войска клана Мацумаэ и изгнать японцев с Хоккайдо. Цаси (укреплённое поселение) рода Сягусяина находилось в районе современного японского города Сидзунай, на самой высокой точке при впадении реки Сидзунай в Тихий океан. Однако его восстание было обречено, как все другие предшествующие и последующие выступления айнов против японских самураев. На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения, согласно которой причина поражения Сягусяина (да и не только Сягусяина, но и вообще айнов в их борьбе с «сынами Ямато») заключается не в том, что айны были менее искусными воинами, чем японцы, а в том, что основные парадигмы айнской культуры радикальнейшим образом отличались от основных парадигм японской культуры.

Культура айнов — охотничья культура, культура, которая никогда не знала больших поселений, в которой самой крупной социальной единицей была локальная группа. Айны всерьез полагали, что все задачи, которые ставит перед ними внешний мир, могут быть решены силами одной локальной группы. В айнской культуре человек значил слишком много, чтобы его можно было использовать как винтик, что было характерно для культур, основой которых было земледелие, а в особенности — рисоводство, которое позволяет существовать очень большому числу людей на крайне ограниченной территории. Система управления в Мацумаэ была следующей: самураям клана раздавались прибрежные участки (которые фактически принадле-

жали айнам), но гордые самураи, не умевшие и не желавшие заниматься ни рыболовством, ни охотой (не говоря уже о прибрежном собирательстве!), сдавали эти участки в аренду откупщикам. Поэтому все дела вершили откупщики. Они набирали себе помощников: переводчиков и надсмотрщиков. Переводчики и надсмотрщики допускали по отношению к подневольным айнам множество злоупотреблений: жестоко обращались со стариками и детьми, насиловали айнских девушек и женщин, а уж нецензурная брань в отношении айнов была самым обычным делом. Айны находились фактически на положении рабов. В японской системе «исправления прав» полное бесправие айнов сочеталось с постоянным унижением их этнического достоинства. Мелочная, доведенная до абсурда регламентация жизни была направлена на то, чтобы парализовать волю айнов. Многие молодые айны изымались из своего традиционного окружения и направлялись японцами на различные работы. Так, например, айны из центральных районов Хоккайдо посылались на работу на морские промыслы островов Кунашир и Итуруп (которые в описываемую эпоху также стали объектами японской колонизации), где жили в условиях неестественной скученности, не имея возможности поддерживать свой традиционный, близкий к природе, образ жизни.

Все это привело к новым айнским вооруженным выступлениям, например, к восстанию на Кунашире в 1789 году. События там развивались по следующему сценарию: японский промышленник Хидая попытался открыть на тогда ещё независимом, населенном айнами Кунашире свои фактории. Вождь айнов Кунашира — Тукиноэ — не позволил промышленнику осуществить свое намерение, захватил все товары, привезенные японцами, и отослал японцев обратно в Мацумаэ. В ответ японцы установили экономическую блокаду Кунашира. После восьми лет блокады Тукиноэ, смирившись, позволил Хидая открыть несколько факторий на острове. Айнское население Кунашира немедленно попадало в кабалу к японцам. Через некоторое время айны под предводительством Тукиноэ

и Икитой восстали против японцев и в ходе ожесточенной борьбы одолели пришельцев. Однако нескольким японцам удалось спастись. Беглецы добирались до столицы Мацумаэ, поведали о случившемся, и клан Мацумаэ направил на Кунашир карательную экспедицию для подавления бунта.

После подавления восстания айнов Кунашира и Мэнаси силами «боевых холопов» Мацумаэ центральное сёгунское правительство прислало на замирившие с таким трудом острова специальную ревизионную комиссию. Чиновники Центрального правительства рекомендовали пересмотреть политику в отношении аборигенного населения: отменить жестокие указы, назначить в каждый район врачей, обучить айнских туземцев японскому языку, земледелию, постепенно приобщать к японским обычаям. Так началась ассимиляция («японизация»). Настоящая колонизация японцами Хоккайдо началась, однако, лишь после «революции (реставрации) Мэйдзи» в 1868 году: айнских мужчин заставляли стричь бороды, женщинам запрещали делать татуировку губ, носить традиционную айнскую одежду. Ещё в начале XIX века японскими властями были введены запреты на проведение исконных айнских ритуалов, в особенности традиционного «Медвежьего праздника».

Стремительно росло число японских колонистов Хоккайдо: так, в 1897 году на остров переселилось шестьдесят четыре тысячи триста пятьдесят человек, в 1898-м — шестьдесят три тысячи шестьсот тридцать, а в 1901-м — пятьдесят тысяч сто человек. В 1903 году население Хоккайдо состояло из восьмисот сорока пяти тысяч японцев и всего лишь восемнадцати тысяч айну. Начался период самой жестокой японизации хоккайдоских айну.

По Симодскому договору 1855 года остров Сахалин находился в общем японско-русском пользовании, а Курильские острова были разделены между двумя державами следующим образом: Япония владела грядой Хабомаи, Кунаширом и Итурупом, а Россия — островами от Урупа до Шумушу. И курильские айны более тяготели к русским, нежели к японцам: многие из них владели русским языком и были православ-

ными. Причина подобного положения вещей заключалась в том, что русские колониальные порядки, несмотря на многие злоупотребления сборщиков дани (ясака) и вооруженные конфликты, спровоцированные казаками, были куда мягче японских. Айны не вырывались из своей традиционной среды, их не заставляли радикально менять образ жизни, не низводили до положения рабов. Они жили там же, где жили и до прихода русских, и занимались теми же самыми занятиями.

В 1875 году по Петербургскому договору весь Сахалин был закреплен за Россией, а все Курильские острова переданы Японии.

Северокурильские айны не решились расстаться со своей родиной. И тогда их постигла самая тяжкая участь: японцы перевезли всех северокурильских айнов на остров Шикотан, отняли у них все орудия лова и лодки, запретили выходить в море без разрешения; вместо этого айны привлекались на различные работы, за которые получали рис, овощи, немного рыбы и сакэ, что абсолютно не соответствовало традиционному рациону северокурильских айнов, который состоял из мяса морских животных и рыбы. Кроме того, курильские айны оказались на Шикотане в условиях неестественной скученности, в то время как характерной этноэкологической чертой курильских айнов было расселение мелкими группами, причем многие острова оставались вообще незаселенными и использовались айнами как охотничьи угодья щадящего режима. Нужно также учитывать, что на Шикотане жило много японцев.

Очень многие айны умерли в первый же год. Разрушение традиционного уклада курильских айнов привело к тому, что большинство жителей резервации ушли из жизни. Однако об ужасной участи курильских айнов очень скоро стало известно японской и зарубежной общественности. Резервацию ликвидировали. Уцелевшую горстку — не более двадцати человек, больных и обнищавших, — вывезли на Хоккайдо. В 70-е годы XIX века имелись данные о семнадцати курильских айнах, однако сколько из них являлись выходцами с Шикотана — неясно.

На Сахалине, в то время когда он был в совместном японско-русском пользовании, айны находились в кабальной зависимости от сезонных японских промышленников, приезжающих на лето. Японцы перегораживали устья крупных нерестовых рек, поэтому рыба просто-напросто не доходила до верховий, и айнам приходилось выходить на берег моря, чтобы добыть хоть какое-то пропитание. Здесь они сразу же попадали в зависимость от японцев. Японцы выдавали айнам снасти и отбирали из улова все самое лучшее, свои собственные снасти айнам иметь запрещалось. С отъездом японцев айны оставались без достаточного запаса рыбы, и к концу зимы у них почти всегда наступал голод. Русская администрация занималась северной частью острова, отдав его южную часть произволу японских промышленников, которые, понимая, что их пребывание на острове будет недолгим, стремились как можно интенсивнее эксплуатировать его природные богатства. После того как по Петербургскому договору Сахалин перешёл в безраздельное владение России, положение айнов несколько улучшилось, однако нельзя сказать, что превращение Сахалина («Соколиного острова») во всероссийскую каторгу способствовало развитию айнской культуры.

После победоносной для Японии Русско-японской войны 1904—1905 годов, когда Южный Сахалин превратился в губернию Карафуто (губернатором которой, как упоминалось выше, был с 1908 по 1914 год Садатаро Хираоко — дед Юкио Мисимы), туда вновь вернулись старые японские порядки. Остров интенсивно заселялся иммигрантами с Японских островов, и вскоре пришлое население многократно превысило айнское. В 1914 году всех айнов Карафуто собрали в десяти населенных пунктах. Передвижение жителей этих резерваций по острову ограничивалось. Японцы всячески боролись с традиционной культурой, традиционными верованиями айну, пытались заставить айнов жить по-японски. Был снова запрещен «Медвежий праздник», в домах айнов наряду со служившими предметом поклонения деревянными палочками-инау

появились буцуданы¹ и камиданы². Ассимиляционным целям служило и обращение в 1933 году всех айнов в японских подданных. Всем айнам присвоили японские фамилии, а молодое поколение айнов в дальнейшем получало и японские имена.

После поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 году все айны (считавшиеся теперь уже японскими подданными, были, за исключением двухсот человек, как «японцы»), репатриированы советскими властями на «родину», то есть на совершенно чуждые им Японские острова, где подавляющее большинство из них отродясь не бывало).

В настоящее время в Японии, как уже говорилось выше, проживает, по официальным оценкам, от двадцати пяти тысяч до тридцати тысяч айнов (и около двухсот тысяч — по неофициальным данным).

¹ Буцудан, буквально: «дом Будды» — небольшой домовый или храмовый алтарь в традиционных японских домах. Обычно буцудан устраивается в виде шкафа с дверцами, внутри которого помещаются объекты религиозного поклонения (статуэтки Будды и бодхисатв), свитки с изображениями Будды (хондзон), изображения буддийской мандалы. Дверцы буцудана обычно закрыты, их открывают только во время религиозных мероприятий. Помимо прочего, в буцуданах хранят различные культовые принадлежности (буцугу): подсвечники, подставки для возжигания благовоний, молитвенные колокольчики, подносы для подношений. Последователи некоторых буддийских школ располагают в буцудане или рядом с ним *ихаи* — памятные таблички с именами заболевших близких. Буцуданы используются в религиозных практиках дальневосточных буддистов, перед ними молятся утром и вечером. Представители дзен-буддизма медитируют перед буцуданами. Традиция возводить алтари подобного типа пришла в Японию из Китая и Кореи.

² Камидана, буквально «полка (ниша) для ками» — в традиционных японских домах — небольшое семейное синтоистское святилище. Камидана представляет собой полку, подвешенную на стене, либо нишу с полками, где размещены атрибуты синтоистского культа. Традиция устраивать подобные святилища связана с культом предков. Обычно камидана служили для молитвенных целей домочадцев и для жертвенных подношений богам (ками). Устраивать камидана в домах обычно могли себе позволить только представители зажиточных слоев японского общества.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЧИН: СКРОМНОЕ ПРИПОШЕНИЕ МИСИМЕ	4
О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «САМУРАЙ»	28
ОБ ИСТОКАХ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА	38
О МИКАДО (ТЭННО) — ЖИВОМ БОГЕ И ЯПОНСКОМ ИМПЕРАТОРЕ.....	42
КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	46
О ВОЙНАХ ТАЙРА С МИНАМОТО	58
О КАМАКУРСКОМ СЁГУНАТЕ «БОЕВЫХ ХОЛОПОВ».....	72
«БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР», ИЛИ ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОГО ВИЗИТА (О двух неудачных попытках вторжения войск монголо-китайской империи Юань в Японию — в 1274 и 1281 годах).....	84
СРАЖЕНИЕ НА ОСТРОВЕ КЮСЮ	152
ПАДЕНИЕ КАМАКУРСКОГО СЁГУНАТА.....	173
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА ДЕРЖАВЫ ЯМАТО.....	177
БИТВА ПРИ СЭКИГАХАРЕ.....	211
О МОРАЛЬНОМ КОДЕКСЕ «БОЕВОГО ХОЛОПА»	234
О ВОСПИТАНИИ СЫНОВЕЙ «БОЕВЫХ ХОЛОПОВ».....	239
ИЗ ИСТОРИИ САМУРАЙСКИХ ГЕРБОВ.....	242

О БОЕВЫХ ДОСПЕХАХ САМУРАЕВ «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»	255
О МЕЧАХ «БУСИ» «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»	262
О ПОСТИЖЕНИИ «БОЕВЫМИ ХОЛОПАМИ» ДЕРЖАВЫ ЯМАТО ВЫСОКОГО ИСКУССТВА «КЭНДЗЮЦУ».....	263
О ДРУГИХ ВИДАХ ОРУЖИЯ САМУРАЕВ «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ»	265
«БУСИ» «КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ» И «ОГНЕННЫЕ ТРУБКИ»	268
О ТОМ, ГДЕ И КАК ЖИЛИ «БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ».....	274
О ЖЕНЩИНАХ СОСЛОВИЯ «БУСИ».....	276
О ЗНАЧЕНИИ «СЭПУКУ» В ЖИЗНИ «БУСИ»	279
КАК «БУСИ» СОВЕРШАЛ ОБРЯД «СЭПУКУ».....	281
КОЕ-ЧТО О «ВОИНАХ-ТЕНЯХ».....	287
КАК «БОЕВЫЕ ХОЛОПЫ» УТРАТИЛИ ВЛАСТЬ НАД СТРАНОЙ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА	293
ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, НАСТУПИВШИХ В «ЭПОХУ МЭЙДЗИ» В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА.....	295
О ДУХЕ «БУСИДО» В СЕГОДНЯШНЕЙ ЯПОНИИ	297
Приложение. О ДРЕВНЕЙШИХ ОБИТАТЕЛЯХ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ И ИХ РОЛИ В ГЕНЕЗИСЕ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ	299

Научно-популярное издание
История орденов и тайных обществ

Акунов Вольфганг Викторович

САМУРАИ
державы Ямато

Выпускающий редактор *А.С. Александров*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.12.2012. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 10. Тираж 2000 экз. Заказ № 1566.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

♦ История орденов и тайных обществ ♦

Пользующееся в настоящее время широчайшей известностью японское слово «самурай», вошло в период с конца XIX до середины XX века во многие иностранные языки и стало символом и синонимом отважного, бескомпромиссного воина, сражающегося за идею и ставящего свою честь выше собственной жизни. Своим происхождением самураи обязаны клановым военным отрядам, сражавшимся в раннюю эпоху Японской империи с «варварскими» племенами, издавна населявшими пограничные районы Страны восходящего солнца. Влияние самурайского военного сословия, его образа мыслей, религиозных убеждений, привычек, культуры на жизнь всего японского общества стало подавляющим, несмотря на то, что в ходе буржуазной «революции» («реставрации») Мэйдзи самурайское сословие, как и все другие сословия средневековой Японии, было упразднено. Ощущается оно в полной мере и по сей день. И можно сказать, что весь японский народ превратился в «нацию самураев». Об основных этапах этого процесса и рассказывается в настоящей книге.

ISBN 978-5-4444-0109-5

9 785444 401095

